Е. З. ВОЛКОВ

АГРАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Е. З. ВОЛКОВ

Аграрно-экономическая статистика России

в итогах ее научных и методологических достижений, земского опыта и практики последних четырех лет революционного перелома

(1865—1922 г.г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1922

Гиз. № 2731. Р. Ц.—№ 1129. Печ. 2500 экз. Зак. № 543

20-я Государственная типография, Петроград, Измайловский пр., № 29.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

верному спутнику и беззаветному товарищу всей моей полной труда и лишений революционной жизни

МОЕЙ ЖЕНЕ

ОЛЬГЕ АДОЛЬФОВНЕ

ВОЛКОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предметом нашего изложения является та область статистического знания, которая стоит на рубеже естествознания с одной стороны, а с другой—общественных наук, изучая взаимозависимости и связи в среде естественных и социальных совокупностей, образующих и определяющих сельско-хозяйственную деятельность человека.

Мы придаем этой области наименование, впервые вводимое в научную литературу,—„аграрно-экономической статистики“ и пытаемся в своем изложении обосновать ее право на признание за ней значения самостоятельной дисциплины в цикле наук, определяемом А. Ф. Фортунатовым под групповым наименованием „агрономического обществоведения“.

По необходимости работа наша, поскольку ей приходилось базироваться на материале, разбросанном иной раз без всякой связи, рассматриваемом совершенно с разных точек зрений, является работой в значительной мере компилятивной, на что и указывают многочисленные ссылки в тексте ее на разные труды и частые не только выдержки из многих из них, но и переложения.

Самостоятельными в работе являются — точка зрения автора на излагаемый предмет и тот угол зрения, под которым он рассматривает собранный материал и строит свои выводы и заключения.

В частности, обращаясь к самому содержанию работы, приходится отметить нижеследующее:

Рассматривая круг и характер деятельности той части бывшей земской статистики, которая работала в области собирания и разработки первичного материала массовых наблюдений над статикой, динамикой, естественными условиями и экономикой сельского, по-преимуществу крестьянского, земледельческого хозяйства и пыталась не только обобщить в научных статистическо-экономических выводах получавшееся ею в процессе и результатах этой работы практическое знание о предмете ее изучения, но и зафиксировать в специальных трудах все достижения ее в области методологии ее самого изучения, мы основной своей задачей, после разрешения ряда общих вопросов, нашедших свое изложение в первой главе нашей работы, поставили выделить элементы именно этой части земской статистики из всего

остального статистического материала бывших земств и очистить их от всех тех чужеродных, искажающих самую сущность их, примесей, которые являлись продуктом политической обстановки, сопровождавшей работу земских статистиков в области исследования сельского хозяйства России.

Подходя к материалу и результатам их работы, разрозненной, часто почти подпольной, не согласованной очень часто ни в методах, ни в технике исполнения; работы, в значительной части своей эскизной, не доведенной до конца по „непредвиденным обстоятельствам", мы не могли не учесть того исторического факта, что статистические бюро бывших сословных земств самодержавной России создавались отнюдь не с целями объективного изучения сельского хозяйства России, а в целях фискально-государственных, в целях учета податного состояния населения вообще и земледельческого крестьянства в частности.

Статистика этих земств отнюдь не получала права даже по названию быть „экономической", она была формально лишь „оценочной" и всем властям предержащим, начиная с членов земских управ и кончая становыми, исправниками, урядниками и волостными старшинами, было строго заказано неукоснительно следить, чтобы указанного ей предела статистика отнюдь не переходила.

В силу этого всякие попытки земской статистики раздвинуть рамки своего наблюдения над сельско-хозяйственным бытом многомиллионной массы русского крестьянства, обобщить выводы своих, хотя бы даже и узких, наблюдений и выйти, тем самым, за пределы возложенного на нее, объявлялись „крамолой" и пресекались со всей, свойственной тому бесправному времени, свирепостью.

И часто, в этом гнусном деле задушения живой мысли, рука-об-руку с реакционной и невежественной властью шли и самые земские управы, за немногими исключениями смотревшие на земских статистиков лишь как на вредных вольнодумцев, носителей социальной заразы, бунта и разрушения.

„Нередко,—как свидетельствует покойный проф. Н. А. Каблуков в своем „Пособии к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях"—земские статистики чувствовали, знали, что, как только достигнется непосредственная, прямая практическая задача, ради которой земство предпринимало то или иное исследование, то и все статистические работы в данном земстве будут закончены. Бывало и так, что их обрывали на полдороге, не давши довести до конца даже первоначальную сводку материала, уже собранного, и прекращая местные исследования в самом разгаре работы".

Бывало и хуже, как то случилось в сатрапии курских зубров, где по постановлению самой управы, уже отпечатанные труды местной статистики (А. Вернера) были сожжены; случалось нередко, когда статистические организации разгонялись жандармами, а их руководители и сотрудники отправлялись в те благословенные места, куда Макар телят не гонял. Высылка статистиков и многолетнее запрещение им поступать на земскую службу и работать по своей профессии было обычным явлением в старое доброе самодержавное время.

При этих условиях, конечно, не приходилось и думать о том, чтобы придавать самостоятельное значение собиравшемуся полулегально земскими статистиками, — попутно с оценочными исследованиями — объективному материалу о быте

сельского населения и о состоянии его хозяйства и именно потому большую часть этого материала приходится и до сего времени отыскивать в материалах оценочной и других внешне прикладных отраслей бывшей земской статистики, в которых он откладывался в виде как бы их вторичного побочного материала.

Впервые, на путь открытого выделения этого материала из общей массы всего материала оценочной статистики, как мы увидим ниже, вступило совещание статистиков 1900 года, приняв в своих постановлениях решение не только сделать единицей дальнейших исследований русского сельского хозяйства экономическую единицу его—хозяйство—двор, но и поставить в угол этих исследований, на основании собранного до того времени земской статистикой по поводу оценочных целей материала о сельском хозяйстве, широчайшую задачу общеэкономического характера—раскрытие законов существования и развития в условиях русской действительности как сельско-хозяйственных отношений вообще, так и мелкого крестьянского хозяйства в частности.

Однако с этого времени уже минуло двадцать лет, но и до сих пор аграрно-экономическая статистика, как самостоятельная отрасль статистического знания о вопросах, указанных выше, в бывших земских, а теперь государственных губернских организациях, не выделена; не очерчены ни основы ее, ни круг ее задач, ни приемы ее исследования теоретической мыслью русской научной статистики. Не достигнуто в этом отношении никакого синтеза, никакого согласования между практикой и теорией статистики. Так же слабо обстоит дело и с установлением методологических основ аграрно-экономической статистики. Не выделен из материалов общей и оценочной статистики русских земств весь тот фактический и методологический материал, который был собран ими в качестве побочного материала и не положен он в основу этой самой аграрно-экономической статистики, как ее первичный и ей только принадлежащий материал.

Наша работа является в значительной мере первой попыткой, хотя бы в самых общих, принципиальных чертах, посильно восполнить этот пробел, дабы сдвинуть с мертвой точки вопрос, поставленный двадцать два года тому назад на совещании статистиков 1900 года и до сих пор не разрешенный, несмотря на многочисленные труды в этом направлении.

В тяжелой, почти невозможной обстановке для научного труда обдумывалась и писалась наша работа.

Начатая в гетманский период украинского самоопределения, она прерывалась столько раз, сколько было с начала 1918 года смен различных режимов в Киеве, и неоднократно ей, как и ее автору, грозили гибель и уничтожение.

Наконец, весной 1920 года она была закончена настолько, что можно было уже думать о сдаче ее в печать.

Постановлением редакционной коллегии киевского губстатбюро она была приобретена последним для опубликования в серии предполагавшихся к изданию трудов этого бюро.

Новая война, вызов автора в Харьков, захват Киева поляками не допустили своевременного выхода ее в свет.

В Харькове работа подверглась почти полной переработке в своих главнейших местах и многим дополнениям, но, получив, уже в новой редакции, полное одобрение со стороны подъотдела научной литературы Упр. Всеиздата в рецензии И. М. Трахтенберга, за отсутствием бумаги и дальнейшим вызовом автора в Москву, опубликована все-таки не была.

В Москве, после личного пересмотра работы управляющим Ц. С. У., П. И. Поповым, вошедшим в рассмотрение многих деталей и давшим ценные указания, она была вновь переработана и расширена путем прибавления к тексту первой части четвертой главы под заглавием: „Организационно-производственное направление в аграрно-экономической статистике бывших земств, его связь с бюджетными исследованиями и проблема сел.-хоз. районирования России“, и еще одной — третьей части под заглавием: „Аграрно-экономическая статистика России времен революционного перелома (1917—1920 гг.)“.

В заключение считаю своим нравственным долгом принести глубокую благодарность всем тем лицам, где бы они ни были и какая бы судьба их ни постигла, которые своими указаниями, своим материалом, книгами и личным интересом к работе содействовали автору ее и поддерживали в нем, при всех житейских передрягах, связанных с перипетиями гражданской войны, нравственную силу к тому, чтобы довести свой труд до последней страницы.

Примите мою благодарность — Воблый К. Т., Волков А. М., Жилкин Ст. Ст., Книпович Б. Н., Мещеряков В. Н., Попов П. И., Птуха М. В., Слуцкий Е. Е., Середа С. П., Трахтенберг И. М., Турчанинов Н. И., Хрящева А. П., Черненков Н. Н., Яснопольский Л. Н., все мои сослуживцы в 1919—1920 г. по отделу сел.-хоз. статистики Наркомзема в Киеве и по киевскому губстатбюро, а также все содействовавшие изданию моего труда.

Евг. Волков.

Москва 30/хп 1921 г.

Часть I-ая

Теория и практика аграрно-экономической статистики

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Задачи и значение аграрно-экономической статистики, как науки, в связи с вопросом о научном значении статистики вообще.

Понятие „Аграрной статистики", как самостоятельной отрасли агрикультурного знания, впервые было формулировано на Брюссельском Международном Статистическом Конгрессе в 1853 году, при чем объем самой агрикультуры, как науки, был очерчен Конгрессом такими словами:

„Les recensements de l'agriculture ont pour but de constater les faits, qui sont propres à donner une connaissance complète des conditions, des procédés et des résultats de l'industrie agricole d'un pays à une époque déterminée".

(Исследования агрикультуры имеют своей целью констатировать реальное, которое в состоянии дать полное представление об условиях процесса и о результатах сел.-хоз. производства в пространстве и во времени.)

Соответственно этому аграрно-экономическая статистика, как отрасль агрикультурного знания, имела включать в себя следующие познавательные задачи:

1) Описание земли, как таковой,

2) ознакомление с естественными условиями, оказывающими влияние на сел.-хоз. производство и на само сельское хозяйство,

3) учет орудий труда и иных средств производства, занятых в сельском хозяйстве вообще и в земледелии в частности,

4) учет удобрения почвы и способов его,

5) статистику домашних животных,

6) статистику посевов и урожаев основных хлебов, кормовых растений и специальных культур,

7) выяснение условий производства, распределения и потребления сел.-хоз. продуктов и

8) определение того влияния, какое оказывают на сельское хозяйство правовые условия страны.

Таким образом задачи аграрно-экономической статистики этим, первым из статистических конгрессов остановившимся на установлении ее научной компетенции, определялись лишь как задачи описательно-учетного характера, как задачи предварительного ознакомления и выяснения всевозможных, естественных и социальных, условий и влияний, так или иначе определяющих структуру и направление сельско-хозяйственного производства и сельского хозяйства данной страны.

Гораздо глубже взглянул на задачи аграрно-экономической статистики, пятнадцать лет спустя, Венский Международный Статистический Конгресс 1868 года потребовавший от аграрно-экономической статистики не поверхностного „ознакомле-

ния и выяснения" условий сел.-хоз. производства, но подробного и основательного изучения как их, так и самого строя сельского хозяйства по его основным социально-экономическим единицам—по сельско-хозяйственным предприятиям.

Соответственно с этим рамки первоначальных заданий аграрно-экономической статистики были на Венском Международном Статистическом Конгрессе 1868 года раздвинуты за счет следующих пунктов:

1) определения границ сел.-хоз. предприятий в целях их статистического учета по размерам владений и землепользования;

2) изучения сельского хозяйства на основе всех особенностей орографического расчленения земной поверхности по ступеням высоты и образования почв;

3) определения геогностических свойств почвы и видов подпочвы по ее происхождению, последовательности пластов, ее соединениям и естественным особенностям;

4) установления почвенных районов сел.-хоз. производства, с указанием и учетом для каждого из них условий климатических; с описанием и учетом в каждом районе лесов, кустарников, дикорастущих полезных и вредных растений (травяного покрова. Е. В.), а также вод, как протекающих по поверхности района, так и грунтовых, и

5) учета сел.-хоз. населения, с его подразделением по районам на производительные и непроизводительные (потребительные. Е. В.) группы и подгруппы, и указанием, как его участия в сельско-хозяйственном производстве, так и его племенных и культурных признаков.

Как мы увидим ниже, аграрно-экономическая статистика русских земств в своих исследованиях сел.-хоз. действительности всецело встала на путь, указанный решениями Венского Международного Статистического Конгресса 1868 года.

В этом отношении она совершенно разошлась с теми представителями западно-европейской экономической науки и статистики, которые ополчились против такого рода расширения задач аграрно-экономической статистики и питались, на заседаниях третьей сессии Международного Статистического Института в 1895 году, по предложению Лавассера, снова свести ее на роль „служанки агрономии", ограничить задачи изучения его сельского хозяйства лишь изучением посевных площадей и их видоизменений во времени и в пространстве.

Русская аграрно-экономическая статистика, приняв во внимание это указание третьей сессии Международного Статистического Института на необходимость возможно точного изучения динамики посевов и распределения обрабатываемых земель между отдельными культурами, все же, во имя этого изучения, не отказалась от рамок задач, начерченных Венским Конгрессом, не отказалась ни от своего стремления к исчерпывающему научно-статистическому и экономическому изучению отечественной сел.-хоз. действительности, ни от выполнения лежавших перед ней, в порядке этого изучения, широких общественных задач.

На возражение западно-европейских скептиков, опровергавших научное значение самих выводов статистического изучения действительности, утверждавших, что „при современном состоянии статистической техники" для статистики вообще представляется совершенно невозможным выйти за пределы одного лишь „чисто эмпирического знания об объектах реальной действительности", русская статистика ответила блестящими трудами проф. А. А. Чупрова, отстаивавшего значение статистики вообще как самостоятельной идиографической науки.

Распространяя силу этих возражений проф. А. А. Чупрова на область аграрно-экономической статистики, один из его последователей, М. А. Сирипов говорит по этому поводу следующее:

„Само собой разумеется, что возражения, исходящие из соображений о невозможности практического осуществления тех или иных заданий науки, не имеют никакого значения при решении принципиального вопроса об определении вообще круга последних.

„Ни одна наука, как бы она ни была совершенна, не в состоянии разрешить всех вопросов, входящих в ее пределы. Пожалуй, можно с полным правом утверждать как-раз обратное, а именно—можно утверждать, что число проблем, разрешенных каждой наукой, представляет бесконечно-малую величину по сравнению с теми, которые еще нужно разрешить. Это вытекает из понятия бесконечного разнообразия и многообразия Вселенной, захватить которое своим познанием мы принципиально не можем".

(См. Г. Риккерт: „Границы естественно-научного образования понятий" — русск. перевод Водена. Стр. 34—35, а также „Очерки по теории статистики" проф. А. А. Чупрова.)

„И то, что сельско-хозяйственная (аграрно-экономическая. Е. В.) статистика не в состоянии разрешить в настоящее время ряда задач, еще не значит, что она должна поставить их за пределы своей научной компетенции. Это значит лишь, что в данный момент статистика не компетентна их разрешить".

(См. М. А. Сиринов: „Очерки по агр. статистике", т. I, стр. 12.)

Итак, по одному тому, что в „данный момент" аграрно-экономическая статистика не компетентна разрешить ряда вопросов, выходящих за пределы чисто эмпирического учета и академического интереса к изучаемым ею массовым объектам реальной сельско-хозяйственной действительности, хотя эти вопросы и относятся к области ее компетенции, совершенно не приходится исключать ее из цикла самостоятельных дисциплин в области наук „агрономического обществоведения" (терминология проф. А. Ф. Фортунатова), отрицать ее право простирать свои познавательные функции за пределы как этого „чисто эмпирического" знания, так и пресловутого „сухого академизма".

Также, конечно, невозможно отрицать и ее научного значения, исходя из того, что она довольно часто заимствует из других дисциплин материалы и методы своего изучения, ибо,—как справедливо отмечает тот же М. А. Сиринов,—„едва ли вообще возможно указать такую науку, которая не поступала бы точно так же, когда материалы и методы других дисциплин оказываются нужными и полезными ей для разрешения ее специальных вопросов".

Однако, может ли аграрно-экономическая статистика, все же, претендовать, как отрасль статистического знания, на самостоятельное научное значение, когда не решен еще вопрос даже о том—наука ли сама статистика во всем ее целом или нет[1]).

Три возражения, обычно, выдвигаются за разрешение вопроса о том—наука ли статистика или нет—в отрицательном для статистики смысле:

1) это то, что статистика, якобы, не имеет своей собственной сферы научной деятельности, своего собственного объекта изучения, а является лишь наукой „вспомогательной" [2]),

---

[1]) Для целого ряда ученых такого рода постановка вопроса в отношении аграрно-экономической статистики вообще представляется излишней—считая самое статистику лишь методом, они аграрно-экономическую статистику склонны рассматривать лишь как „частный случай применения общих методологических принципов статистического наблюдения к определенному объекту, объединяемому широким понятием сельского хозяйства", упуская из виду, что такого рода объяснение существа предмета ничего не объясняет, ибо и про астрономию, как и про другие науки можно с таким же правом сказать, ничего не объяснив, что и они являются лишь „частными случаями" применения общих методологических принципов математического или логического мышления к соответствующим определенным объектам.

(См. проф. А. Н. Анциферов: „Сельско-хозяйственная статистика и сельско-хозяйственные переписи", статья в сборнике „Харьковские курсы по подготовке инструкторов Всеросс. сел.-хоз. и городск. переписи 1917 г.". См. стр. 15. Е. В.)

[2]) Основным и решающим доводом против признания статистики самостоятельной наукой является тот „неоспоримый" (?) факт, что у статистики нет своего предмета... Теоретическая аргументация, помощью которой стараются доказать существование статистики, как самостоятельной науки, не может быть признана убедительной". (См. проф. А. А. Кауфман: „Теории и методы статистики", ч. I, стр. 15—17.)

2) это то, что „статистические законы“ не имеют характера научной достоверности и общности, являясь лишь условными допущениями возможных следствий в определенных рамках времени и пространства и

3) это то, что пределы „статистического умозрения“, в силу всего указанного, настолько ограничены, что имеют лишь значение известной описательной характеристики явлений и их взаимоотношений по средним или относительным числам, не могущей претендовать на законченность научного заключения.

Следующие ответы даются на эти возражения:

По пункту первому: а) если смотреть на статистику, как на науку вспомогательную, как на науку о „методе“ или, даже, просто как на „метод“, тогда совершенно незачем считать ее „особой наукой“, а просто следует отнести ее в четвертую часть „Логики“, трактующей о методах вообще, в которой статистический метод почти совершенно не рассматривается.

(См. проф. Л. В. Ходский: „Очерки теории и техники статистики“ стр. 3.)

б) Статистика имеет свой, ей только свойственный, предмет изучения; этим предметом являются—„социальные и естественные массы“, т.-е. те совокупности или коллективности как общественных, так и естественных элементов и явлений, которые, с одной стороны, объясняют нам строение и законы различных состояний, как человеческого общежития, так и массовых эффектов деятельности самой природы, а с другой—поддаются количественному изучению и анализу.

(См. Г. Майр. В. Лексис и все „русское направление“ в статистике, во главе с проф. Л. И. и проф. А. А. Чупровыми, Н. А. Каблуковым, проф. В. А. Косинским, проф. Л. В. Ходским и другими, за исключением одиноко стоящего от них покойного проф. А. А. Кауфмана—Е. В.)

В самое последнее время проф. Е. Е. Слуцкий, определяя место „теоретической статистики“ вообще, как самостоятельной дисциплины, между логикой и математикой, определяет ее самое, как систему суждений о мире явлений в их формах и в их взаимной обусловленности, в число которых, по его мнению, входит:

а) учение об основных формальных свойствах совокупностей,

б) учение о количественных и структурных формах совокупности,

в) учение о совокупностях с переменным составом и

г) учение о причинном механизме, определяющем частость явлений, в отличие от учения о причинном механизме появления или непоявления явления индивидуального.

„Все это вместе взятое—говорит Е. Е. Слуцкий—не логические учения о мире суждений и понятий, а статистические учения о мире их в их формах и в их взаимной обусловленности.

„Выделить их в особый предмет изучения и преподавания зависит, разумеется, не от нашего произвола, ибо особую науку конструирует не произвол, а познаваемая как нечто объективно-принудительное, собственная внутренняя связь подлежащих отношений, с одной стороны, и тех сведений, в которых мы выражаем познание их свойств и связей—с другой, устанавливающая их систематическое сродство и единство“.

(См. проф. Е. Е. Слуцкий: „Статистика и математика“, статья в „Стат. Вестнике“ за 1915—1916 гг., кн. 3—4, стр. 110.)

Имея, таким образом, свой, достаточно обширный „предмет“ изучения и преподавания, имея, к тому же, и свой собственный статистический метод этого изучения, представляющий собой совершенно оригинальную систему приемов, правил и схем, в области практической познавательной работы человека, применяемую им как для практических, так и для чисто научных целей, статистика является, тем самым, по мнению проф. А. А. Чупрова и его последователей, не только „звеном“ между социальными и естественными науками, но и вполне самостоятельной в своем изучении наукой идиографической, стоящей в сфере познания на рубеже логики

и математики и имеющей своей задачей изображение действительности во времени и пространстве.

Так разбивается возражение по первому пункту.

По пункту второму—„об относительности статистических законов представители русского направления в статистике отвечают, что здесь, прежде всего, необходимо распутать тот узел недоразумений, который завязался в научной литературе вокруг самого понятия „закон", по аналогии переносимого из области волевых отношений в человеческом обществе в сферу деятельности природы, где так-называемые „естественные законы" вовсе не управляют явлениями, подобно тому, как управляют поступками человека им самим созданные законы „волевые", и далее по той же аналогии переносимого из сферы деятельности природы в область явлений социальной жизни в понимании закона „социального" или „статистического".

Само собой разумеется, что такое широкое применение метода суждения по аналогии к понятию „закон" совершенно не оправдывается с научной точки зрения и совершенно извращает самое понимание усвоенной научным мышлением человека структуры мироздания вообще и социальной жизни его самого—в частности.

Отрицая существование особой „сверхъестественной" воли, управляющей, будто-бы, всеми явлениями природы и жизни человека на подобие того, как управляют общественным бытом его им самим созданные волевые законы, наука склонна и естественные, и социальные и разновидность их—статистические законы понимать совершенно иначе, твердо ограничивая их от законов „волевых", создаваемых нравственным сознанием человека.

В научном понимании разница между волевыми законами и всеми остальными категориями законов состоит в том, что в то время как первые, существуя как нормы, выражают собой лишь то, что должно быть согласно нравственному сознанию человека, но не всегда бывает—все остальные категории законов, отнюдь не отражая в себе каких-то сверхъестественных начал, а тем более человеком установленных норм, представляют собою лишь проявление того, что есть и что бывает, а также то, что если должно быть, то уже будет обязательно и всегда независимо от воли человека или созданного воображением его сверхъестественного существа.

В этом понимании всякая закономерность, наблюдаемая как в социальной так и в естественной жизни, в явлениях как индивидуальных, так и в массовых, рассматривается в науке „не как следствие закона, который определял бы ее на будущее время, но как непредвиденный результат для статистической закономерности—совокупности, для закономерности социальной—сложности; для естественной закономерности—единоличности—фактов, принадлежащих прошедшему". (Герри-Фортунатов.)

Таким образом все различие между указанными категориями законов естественных, социальных и статистических, образующих, в отличие от группы волевых законов, группу законов натуральных, состоит в том, что социальные „законы" по сравнению с естественными, лишь более сложны „ввиду сложности и нетипичности социальных явлений, их создающих" (Л. В. Ходский); а статистические сложны еще более, как результат их общей или частных совокупностей.

Разница, следовательно, между ними не качественная, отнюдь не подрывающая их видового принципиального тождества и их общего противоставления законам волевым, а только количественная.

Отсюда следует, что указанное нами выше противоставление „истинным и безусловным" законам естественным и социальным законов „неистинных и условных"—законов статистических, совершенно не выдерживает никакой научной критики, тем более, что и в области естественной природы и в области социальной жизни человека ни один закон не может действо-

вать неизменно и независимо от времени и пространства, определенно ограничивающих его проявление в ту или иную сторону и тем самым делающих его условным и относительным.

В этом смысле пресловутая неизменяемость естественных законов и законов, социальных есть не что иное, как относительная неизменность обстановки, в которой они проявляются. И только.

Но обстановка, в которой проявляются законы естественные и социальные, есть та же обстановка, в которой проявляются и законы статистические и, таким образом, отличие этих последних от первых двух категорий закона не в их какой-то особенной условности и ограниченности, а в свойствах самого изучаемого в статистике объекта — в свойствах социальных и естественных масс, всегда представляющих собой совокупности различных признаков, определяющих себе структуру и развитие изучаемых статистикой массовых, как социальных, так и массовых явлений.

Имеется, однако, и другая точка зрения на закон научный, стирающая совершенно даже ту количественную разницу между тремя указанными нами его формами — естественного, социального и статистического закона — которую мы, было, согласились признать.

Согласно этой точке зрения, ни о каком „законе" даже в естествознании не может быть и речи, поскольку „закон" рассматривается как единственная причина того или иного явления.—„Мне кажется,—цитирует слова известного геттингенского физиолога Макса Ферворна Н. А. Каблуков,—было бы вообще лучше пользоваться и в естествознании условным методом и постепенно заменять ими казуальный", ибо:

1) строго научное изложение не знает „причин", а только закономерные зависимости,

2) процесс или состояние никогда не определяются „одной единственной причиной", а всегда совокупностью условий, которые все имеют одинаковую ценность, ибо все они необходимы,

3) опыт дает нам не изолированные, независимые, абсолютные вещи, а всегда лишь связи...

4) каждое явление зависит всегда от множества других...

5) раз даны все условия какого-либо явления... то... оно не может, а должно произойти, ибо явление есть нечто иное как выражение суммы сходящихся в нем условий.

(Каблуков Н. А.: „Статистика" Москва, 1918 г. Изд. 4-ое, стр. 12—13.)

Против независимости „научных законов" от воли человека возражает К. Пирсон, провозглашающий в своей „Грамматике науки", что творцом закона природы является человек в той же мере, как он является и творцом законов, названных нами волевыми, ибо „закон не может существовать без предваряющих его образование логических понятий, являющихся чистым продуктом человеческого разума", и в этом смысле научный закон есть только выраженная в краткой формуле „логическая стенография", резюмирующая обширную массу наблюдаемых человеком в самом себе чувственных восприятий от внешнего мира. Таким образом, согласно Пирсону, закон в научном смысле есть по-существу продукт человеческого духа, не имеющий смысла помимо человека, и разница его от закона гражданского, т.-е. от той группы законов, которые мы назвали волевыми, заключается в том, что гражданский закон есть предписание, в то время как научный закон — только описание.

(К. Пирсон: „Грамматика науки" в изд. „Шиповник", Спб., вып. VI „Библиотеки современной философии", стр. 106—111.)

По пункту третьему — об ограниченности статистического умозрения — противникам признания самостоятельной наукой после всего вышесказанного можно ответить так:

Наука, имеющая, как мы установили выше, свой определенный объект изучения и даже преподавания—„социальные и естественные массы", свой, ей только присущий, в ней и для ее целей разработанный, хотя и используемый часто другими дисциплинами, особый „статистический" метод, к изложению сущности которого мы обратимся ниже, свою, ей только доступную сферу научного изучения—„сферу статистических учений о мире массовых явлений и суждений в их формах и в их взаимной обусловленности", наука, открывающая в этой сфере ей только свойственные особые „статистические законы" была бы жалкой, ни на что не нужной наукой при ограниченности ее умозрений, при отказе ее от стремления проникнуть в самую суть открываемых ею законов и изучаемых ею массовых явлений и их совокупностей.

И в этом отношении статистика, как наука, не отстает от прочих научных дисциплин—идя путем ей свойственного „статистического анализа", путем обратной дедукции, выраженной в математических формулах, в цифрах и в графиках, она раскрывает самый внутренний смысл и изучаемого ею мира массовых явлений, и их структуры, и действующих в них, определяющих их развитие и взаимную обусловленность, статистических законов.

„Какая наука, в какой области нашего познания, при современном состоянии научных знаний и методов вообще, способна дать больше того, что дает в сфере своего изучения статистика. Почему же, в таком случае, представители иных наук и теоретической мысли предъявляют к статистике, как к науке, такие требования, которых они заведомо не могут предъявить ни одной из других наук".—Эти вопросы задает в своей, цитированной уже нами выше, работе М. А. Сиринов противникам признания статистики наукой и эти же вопросы мы вслед за ним повторно им ставим.

Но если даже согласиться окончательно на том, что статистика вообще есть особая самостоятельная отрасль научного знания, то следует ли итти дальше и признавать самостоятельное научное значение за каждой отдельной отраслью ее и, в частности, за аграрно-экономической статистикой, или нужно последовать за проф. А. И. Анциферовым, взгляд которого на аграрно-экономическую статистику мы цитировали выше в примечании, и признать вместе с ним, что все эти отрасли, как и сама аграрно-экономическая статистика, суть не что иное, как „частные случаи применения общих методологических принципов статистического наблюдения к определенным объектам".

На эти вопросы еще в 1893 году дал исчерпывающий ответ в своей известной работе „Сельско-хозяйственная статистика России"—стр. 37—проф. А. Ф. Фортунатов, указавший, с одной стороны, на то, что „без цемента идей" никакие материалы и никакая их „научная обработка" никогда и никакой „науки" из себя составить не могут и, с другой,—предложивший считать аграрно-экономическую статистику самостоятельной отраслью научного знания, особой наукой, именно в силу факта наличия в ее построениях этого самого „цемента идей", связывающего все ее материалы и всю их научную обработку воедино.

И этим „цементом идей", лежащим в основе аграрно-экономической статистики, как научной дисциплины, по мнению проф. А. Ф. Фортунатова, высказанному им в другой своей работе, является „ее стремление изучить и понять сел.-хоз. деятельность человека, как совокупность требующих для себя массового наблюдения нетипичных явлений окружающей его сел.-хоз. действительности, в конкретном проявлении которых, на-ряду с заложенным в его душу инстинктом хозяйственности, действуют и многие иные его стремления—и не только одни его стремления, но и все естественные условия производства, отождествляемые в термине „природа", и совокупность всех общественных условий сельского хозяйства, тесно связанных с определенной территорией—с определенным участием используемой человеком в сел.-хоз. производительных и потребительных целях земли".

(См. проф. А. Ф. Фортунатов: „Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства“, вып. I, стр. 9, Москва, 1908.)

Существует, однако, мнение, согласно которому основной идеей аграрно-экономической статистики является не изучение сел.-хоз. деятельности человека, а изучение так-называемого „народного“ сельского хозяйства.

Сторонники этого взгляда не ограничиваются, подобно проф. А. Ф. Фортунатову, предоставлением места аграрно-экономической статистике, как самостоятельной отрасли знания, лишь в цикле наук „агрономического обществоведения“, но идут еще дальше и считают возможным „с одинаковым правом“ включать ее, как в систему агрономических наук, так и в систему наук о „народном хозяйстве“, указывая при этом, что „с агрономическими дисциплинами аграрно-экономическую статистику сближает объект изучения сел.-хоз. действительности, а с системой наук о „народном хозяйстве“—присущая ей точка зрения на эту сел.-хоз. действительность, как на особый вид общественной деятельности человека, в ее условия и результатах“.

(См. проф. В. Г. Бажаев: „Краткий конспект курса сел.-хоз. статистики“, Киев, 1914 г. Изд. 2. Введение, стр. 1.)

Против этого взгляда, вносящего в определение задач аграрно-экономической статистики недопустимую для точной науки абстракцию, возражает упоминавшийся нами М. А. Сиринов, вполне справедливо отмечающий, что „не только народ, как таковой, не есть большой, ощущающий свои потребности, производящий и хозяйствующий субъект, каким его пытаются представить адепты возглавляемой Г. Спенсером „органической школы“ в социологии, но и феномены „народного хозяйства“ не являются вовсе какими-то особыми проявлениями этого субъекта, а суть лишь результирующая всех тех бесчисленных хозяйственных стремлений живых носителей труда, которые ими проявляются в пределах той или иной территории (Вундт, Меринг).

Исходя из этого, М. А. Сиринов выводит, что основной идеей, связывающей воедино научные задачи аграрно-экономической статистики, являющейся для нее „цементом идей“—является отнюдь не изучение какого-то абстрактного, в самом себе существующего, „народного хозяйства“, а изучение реальных социальных хозяйств, создающих целое в своей совокупности — хозяйство данной страны. Социальных в том смысле, что эти хозяйства, „не представляют из себя изолированных друг от друга хозяйств индивидуумов или замкнутых в самих себе коллективов, а являют собой сложнейший комплекс социальных явлений, находящихся между собой в постоянной связи и в тесном взаимодействии, изучение которых лишь одно способно дать возможность более или менее полно осветить процессы, совершающиеся в хозяйстве данной страны или данных стран, обнажить перед умственным взором нашим жизнь и внутреннее строение тех единиц, которые творят это целое“.

Таковы положения, исходя из которых открывается возможность базировать современные представления о задачах изучения и о самом содержании аграрно-экономической статистики, как самостоятельной отрасли научного знания в цикле наук агрономического обществоведения; как науки, сущность которой, в конечном счете, состоит в научном раскрытии всех, проявляющихся в массовых явлениях сел.-хоз. действительности влияний, оказываемых на них известным математическим законом—законом так-называемых „больших чисел“—„этой, по словам проф. А. А. Чупрова—логической основой всех без исключения статистических форм научного мышления“, именуемого в русской литературе А. В. Леонтовичем „интегральным мышлением“.

Напомним сущность этого закона в формулировке его содержания проф. Б. А. Косинским (см. „К аграрному вопросу“. Одесса, 1906 г. стр. 16).

—„Закон больших чисел есть правильность, наблюдаемая в массе явлений при кажущемся отсутствии среди них какой-либо правильности или закономерности. Правильность эта покоится на законе причинности; наблюдается как в явлениях естественных, так и в явлениях общественных и состоит в неизменной и безусловной последовательности за известными фактами, событиями и явлениями вполне определенных массовых фактов, событий и явлений. Последовательность эта настолько прочна, что может служить базисом для установления и выявления прочности взаимоотношений между различными фактами, событиями и явлениями, т.-е. для установления определенных неизменяемых законов их взаимоотношений и притом, как в обществе, так и в природе“ [1]).

Определяя отсюда основную идею аграрно-экономической статистики, мы можем представить ее себе в таких чертах:

— „из множества массовых фактов, событий и явлений, происходящих как в обществе, так и в природе, из всей суммы массовых эффектов деятельности природы с одной стороны, массовых действий и поступков человека—с другой, основной задачей аграрно-экономической статистики является „остановиться, для выяснения в них указанных правильностей, взаимоотношений и законов причинностей, лишь на тех массовых явлениях, которые имеют отношение к сфере сельского хозяйства и направлены к целям производства сел.-хоз. благ, их обмена и потребления“ (там же, у В. А. Косинского).

При чем, самый процесс такого исследования должен от частностей, доступных наблюдению и количественному измерению, необходимо постепенно восходить к тем научным обобщениям, из которых слагается материал к правильной постановке и решению основного вопроса исследования—вопроса о характере всех сел.-хоз. отношений данной страны, как совокупности социальных и естественных условий ее сел.-хоз. действительности и всей производственной деятельности существующих на ее территории сел.-хоз. социальных единиц—сел.-хоз. предприятий“.

(См. П. Вихляев: „Очерки русской с.-х. действительности“. Введение. 1901 г., проф. В. А. Косинского „К аграрному вопросу“ и наше предыдущее изложение. Е. В.)

---

[1]) Дополнением к „закону больших чисел“ служит подмеченный и формулированный проф. В. И. Бортковичем „закон малых чисел“, согласно которому столь же прочную последовательность обнаруживают и явления, наиболее редко повторяющиеся. Логическое обоснование этого закона состоит в том предположении, что „события редкие, но определенного рода, могут вызываться только такими условиями, которые тоже редки, но сходны между собой; иначе они не вызвали бы определенного события. Но если эти условия редки и сходны между собой, не так различны как в явлениях более частых, то постоянство и должно быть тут выражено наиболее резко“. (Н. А. Каблуков: „Статистика“. Изд. 4-ое. М. 1918 г. стр. 266. Е. В.).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объект статистического изучения в аграрно-экономической статистике и его признаки.

Согласно положениям, развитым в предыдущей главе, единицей счета, наблюдения и изучения в аграрно-экономической статистике является общее всем странам и народам массовое социально-естественное явление их жизни, которое носит название сельско-хозяйственного предприятия и совокупность которого отображает в себе все сельское хозяйство данной страны.

Являясь единицей счета, наблюдения и изучения, сельско-хозяйственное предприятие охватывает на определенном участке земли совокупность всей деятельности не только самого человека и связанных с ним единством хозяйственной цели и бюджета лиц, но и природы, и как таковое, в свою очередь, является сложной совокупностью владений, предприятий и даже занятий в чужих предприятиях, связанных в одно целое единым хозяйственным планом или волей того субъекта, которого называют „хозяином".

Основными признаками этого объекта статистического исследования в аграрно-экономической статистике являются:

1) полная самостоятельность его внутреннего строя, как хозяйственной единицы, от других такого же типа хозяйств-предприятий;

2) соответствующее его хозяйственным целям и общему плану хозяйственно-производительной деятельности снабжение необходимым количеством поддающейся обработке земли, живым трудом, живым и мертвым инвентарем и капиталом, и

3) производство в нем сел.-хоз. благ и продуктов первичной переработки не только для удовлетворения потребностей лиц, занятых в данном хозяйстве-предприятии и самого предприятия, но и для получения излишков, необходимых хозяйству-предприятию для обмена на другие, столь же необходимые ему продукты и фабрикаты и для сбережения материальных средств на покрытие периодических и непредвиденных расходов, связанных с личным существованием хозяйственных субъектов и их семей, с ремонтом инвентаря и помещений хозяйства, с приобретением живого инвентаря, орудий и средств производства, с удовлетворением культурных потребностей участвующих в хозяйстве-предприятии и живущих при нем и от него лиц и т. п.

Развитие неземледельческих промыслов, связанных с хозяйством-предприятием лишь единством бюджета, а также занятий его участников в других сельских и даже городских предприятиях для поддержания определенного уровня последнего, являются не обязательными признаками сельского хозяйства-предприятия, но весьма

важными для выяснения самой структуры его, в его целом, и установления взаимоотношений и силы связи между отдельными его элементами в хозяйственном отношении.

Изучение всех этих признаков аграрно-экономическая статистика ведет по двум направлениям, обращая, с одной стороны, свое внимание на уяснение значения для каждого отдельного хозяйства-предприятия так-называемых основных или первичных, производственно-технических факторов его, сочетанием которых обусловливается самая организация сельско-хозяйственного предприятия, а с другой—факторов вторичного характера, факторов производных, социально-экономических, не только определяющих формы и социально-экономическое содержание сел.-хоз. предприятий, но и влияющих на самый характер всей деятельности человека в них.

Факторами основными, первичными, являются:

а) природа - земля, как совокупность всех естественных влияний и свойств, проявляющихся на данной территории, занятой под сел.-хоз. использование;

б) труд человека, как совокупность, с одной стороны, лиц, действительно прилагающих свои силы к сельско-хозяйственному производству и участвующих в нем, как совокупность „рабочей силы“ хозяйства-предприятия; с другой стороны—как совокупность технических операций этой „рабочей силы“, направленных на подготовку почвы под производство, на уход за растениями и животными, на уборку урожая и его переработку, на иные, связанные с ведением хозяйства, работы и проч., и

в) капитал, как совокупность сбереженного труда от валового оборота предприятия в виде материальных средств, технических орудий производства, хозяйственных и жилых построек, запасов семян и продуктов, живого и мертвого инвентаря, продуктивного скота, транспортных средств и т. п.

Факторами производными, вторичными, являются те же самые природа-земля, труд и капитал, только понимаемые уже не как производственно-технические элементы хозяйства-предприятия, а как его социально-экономические категории, проявляющие свое влияние на него в различных сочетаниях аграрно-правовых отношений и юридических форм землепользования и землевладения; в финансово-бюджетных отношениях кредита, наемного труда, аренды и сдачи земли и инвентаря, продаж и покупок скота, инвентаря, продуктов потребления и производства и проч.; в ценах на все эти и иные статьи хозяйственного дохода и расхода в отношении хозяйства-предприятия к рынкам—внутреннему и внешним, к условиям сбыта, к общим культурно-техническим, правовым, социально-экономическим и политическим условиям быта данной страны или местности; в плотности сел.-хоз. населения и в его отношении к пахотно-способной земле; в соотношении в нем производственных и потребительных групп; в тенденциях его естественного движения и проч.

Отдельным самостоятельным заданием аграрно-экономической статистики в области изучения ею сельского хозяйства-предприятия является учет результатов сел.-хоз. труда и производства по отдельным хозяйствам-предприятиям, распределяемым по различным группам и изучаемым в рамках определенных территориальных районов на основании внутренних взаимоотношений между указанными факторами их, а также установление мер зависимости хозяйства-предприятия, как целого, от каждого из этих факторов в отдельности, при прочих равных условиях, и силы связи между самими факторами, а также определение социально-хозяйственных и технически-производственных организационных типов сельского хозяйства, их географического протяжения, их жизненности, их способности к развитию в данных условиях и тенденций этого развития или законов так-называемой аграрно-экономической эволюции.

Резюмируя все вышесказанное, приходится установить, что изучение в аграрно-экономической статистике сел.-хоз. действительности, как сложной совокупности

индивидуально-нетипичных массовых явлений ее сел.-хоз. предприятий, осуществляет, по существу, два следующих основных задания:

а) изучение статики этой действительности в данных условиях жизни ее социально-естественных единиц—сел.-хоз. предприятий и

б) изучение ее динамики в пространстве и во времени.

При чем оба эти задания, в конечном итоге статистического анализа всех данных массового наблюдения и обратной дедукции к ним, преследуют одну общую им обоим, связывающую их воедино, как цементом, идею—установление и формулировку законов аграрно-правовой и аграрно-экономической эволюции.

В виду же того, что самый характер статистического изучения требует от исследователя предварительной сериации изучаемых им массовых явлений по определенным—„сводным", как их называет проф. Р. А. Орженцкий, признакам, условно принимаемым за признаки факториальные для каждого отдельного ряда изучаемых явлений, в аграрно-экономической статистике принято разделение изучаемых ею сел.-хоз. предприятий и сельских хозяйств на следующие группы и подгруппы:

А) с точки зрения относительного участия в них и сочетания природы-земли, труда и капитала, как факторов технически-производственных—на группы экстенсивных и интенсивных хозяйств или предприятий, с подразделением каждой из этих групп: а) по наиболее важному продукту их производства—на земледельческие, скотоводные, промысловые, смешанные и проч., б) по системам полеводства—на залежно-паровые, трехпольные, пестропольные и плодосменные, в) по системам животноводства—на овцеводные, коневодные и др. и г) по характеру промысловой деятельности—на хозяйства с отхожими, кустарными, торговыми и иными промыслами и производительными занятиями населения в них;

Б) с точки зрения тех же факторов, понимаемых в смысле социально-экономических категорий—на группы мелких, средних и крупных хозяйств; хозяйств мало- и многоземельных, мало- и многосемейных, мало- и многоинвентарных; безземельных и безинвентарных, с различными наличностями рабочего скота и собственной рабочей силы; с наемным трудом—годовым, сроковым, сезонным и поденным; на группы хозяйств трудовых, полутрудовых и, так-называемых, капиталистических; на хозяйства арендующие и на хозяйства сдающие землю, скот и инвентарь; на хозяйства чисто потребительные, натуральные и хозяйства продающие свои продукты и, даже, свою рабочую силу на рынок; на хозяйства крестьянские и частновладельческие, единоличные и коллективные, общественные, общинные, казенные и проч.; на хозяйства рациональные и нерациональные.

При этом, принимая в соображение то обстоятельство, что основной задачей всякого сел.-хоз. предприятия и всякого сельского хозяйства, к какому бы типу оно ни принадлежало, является выращивание растительных и животных организмов, в тесно связанной и находящейся в прямой зависимости от общих климатических и почвенных условий территории, занятой под данное хозяйство-предприятие, аграрно-экономическая статистика особое внимание уделяет изучению всей совокупности этих условий, предшествующему изучению самого строя хозяйства-предприятия.

Исследуя свойства почвы, аграрно-экономическая статистика обычно рассматривает их в трех отношениях:

1) со стороны естественного богатства почвы, состоящего в совокупности всех имеющихся в ней в естественном состоянии питательных органических и неорганических веществ, необходимых для произрастающих на ней растений без отношения к тому—находятся ли эти вещества в почве в доступном или недоступном растению состоянии;

2) со стороны фактического плодородия почвы, состоящего в совокупности питательных органических и неорганических веществ, доступных усвоению растениями в своем естественном состоянии, и

3) со стороны ее потенциального плодородия, состоящего в совокупности питательных органических и неорганических веществ, заключающихся в ней и становящихся доступными к усвоению их растениями под влиянием приложения к обработке ее человеческого труда и вносимого им в почву искусственного удобрения.

Идя таким путем в исследовании естественной обстановки, являющейся для каждой местности основным базисом ее хозяйства в целом, аграрно-экономическая статистика не ограничивается в этом показании лишь общими для целой местности показаниями объективных естественно-исторических почвенных, гидрологических, геологических, климатических и ботанических исследований, дающих основания к разделению всей территории страны на соответствующие естественно-исторические районы, а стремится путем выборочного опроса самих сельских хозяев и местных жителей, по их индивидуальным хозяйствам, путем массового учета их индивидуальных показаний, проникнуть вглубь индивидуальных влияний этих общих для каждого района естественных условий на каждую категорию его хозяйств по данной местности.

В практике аграрно-экономической статистики бывших русских земств такой смешанный тип научно-естественного исследования почвы и климата, связанного со статистическим, был впервые применен в Нижегородской губернии в восьмидесятых годах прошлого столетия проф. Докучаевым, И. М. Сибирцевым и их учениками, почему и носит в русской статистической литературе наименование „нижегородского типа исследований". Несколько позднее, в конце восьмидесятых годов, уже по смерти проф. Докучаева, способом, указанным им, с использованием в значительной мере статистических материалов бывшей земской статистики, была составлена и выпущена в двух изданиях, остающаяся до сего времени лучшим пособием к ознакомлению с почвами России, почвенная карта ее в 60-тиверстном масштабе.

Обращаясь к формулярам аграрно-экономической статистики бывших русских земств, мы находим в них следующие девять пунктов, посвященных вопросам связанным с индивидуально-выборочным, производимым через добровольных корреспондентов, в порядке текущей сел.-хоз. статистики, почвенным исследованием сельского хозяйства по определенным местностям (в рамках административных единиц—волостей и уездов; взято по известной книге С. Велецкого: „Земская статистика".)

1) Описание местности, в которой находится данное сел.-хоз. предприятие, и отдельно, принадлежащие ему или находящиеся в его пользовании земельные участки, элементами которого входят—определение характера рельефа местности, направление ее уклонов, их крутизны, местонахождения водоразделов и оврагов.

2) Указание направления, быстроты, глубины и качеств текущих по территории данного сел.-хоз. предприятия и его участков, а также стоячих, надземных и подземных вод и пространств, ими покрытых; местонахождение и силу ключей, пространственного протяжения водопоев, болот, сыпучих песков, ползучей глины, действующих и бездействующих оврагов, каменистых и иных неудобных земель зарослей кустарника, камыша, осоки и лесных пространств.

3) Определение характера указанных выше угодий и леса и их площадей, а также преобладающих в них сортов дерева, кустарника, дикорастущих полезных и вредных растений и встречающихся в них диких зверей и птиц; указание среднего возраста леса, его густоты, характера его хозяйственного использования.

4) Общая характеристика почвы для удобной и неудобной земли, при возможности, для каждого угодья (пашни, сенокоса, выгона, леса, усадьбы) отдельно, с определением цвета почвы, толщины верхнего наиболее густо окрашенного рыхлого

зернистого почвенного слоя, структуры почвы в отношении ее плотности, рыхлости, зернистости, пылевидности, комковатости, рассыпчатости, содержания в ней влаги, глины, камешков и перегноя; при возможности—с производством микроскопических, химико-бактериологических и иных специальных исследований образцов почвы, взятых в разных местах земельных участков, обслуживающих данное сел.-хоз. предприятие-хозяйство, для определения ее инфузорности, насыщенности различными необходимыми для питания растений неорганическими веществами, а также элементами органического, животного и растительного перегноя; характеристика и установление процентов различных примесей в почве с определением ее внешнего характера, как почвы по преимуществу суглинной, супесочной, черноземной, торфянистой, солончаковой, подзолистой и проч.

5) Установление в круглых цифрах количества десятин под каждым сортом почвы и их графическое распределение.

6) Выяснение состава и характера подпочвы под всей территорией данного и граничащих с ним предприятий, ее цвета, плотности, минерального состава и примесей.

7) Перечисление местных названий почв и подпочвы, их сопоставление с научными названиями, указание преобладающих в территории данного предприятия сортов почвы.

8) Подробное описание почв по отдельным угодьям удобной земли с указанием соответствия ее, согласно практике местных хозяев, тому или иному виду растений (особенно земли пахотной, садовой и огородной), и

9) Характеристика климатических условий, благоприятствующих в данной местности или неблагоприятствующих сельскому хозяйству, средних сезонных температур, количеств выпадающих в разные времена года осадков; резких уклонений от этих средних величин за последние три или пять лет.

В этой программе вопросов, на которой, при изучении естественной обстановки, сопутствующей в каждой местности сел.-хоз. производству, останавливается аграрно-экономическая статистика русских земств, можно видеть довольно близкое соответствие с тем объемом предварительных знаний об этой обстановке, установление которых в статистике считал необходимым еще в 1868 году Венский Международный Статистический Конгресс.

Тем же Статистическим Конгрессом, как мы видели выше, в число дальнейших задач изучения той же обстановки, был выдвинут всесторонний учет сел.-хоз. населения, с его подразделением на производительные и потребительные группы и определение доли его участия в сел.-хоз. производстве всей страны.

И аграрно-экономическая статистика русских земств в своих глубоких и всесторонних исследованиях сел.-хоз. действительности России не прошла мимо этих важных указаний Венского Конгресса, ясно осознав в своей дальнейшей практике, что „плотность населения является основным фактором, определяющим состояние хозяйства, а сгущение населения—основным моментом, определяющим его эволюцию, в частности—способствующим переходу крестьянского хозяйства от первобытной экстенсивной формы его, истощающей землю, к формам интенсивным, развивающим ее производительные силы".

(См. проф. А. А. Каумфан: „Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства", вып. 1, Москва, 1917 г., стр. 1.)

При чем, в то время, как „состояние" населения влияет на характер и результаты сел.-хоз. предприятий и как потребительная и как рабочая сила, сел.-хоз. условия оказывают, в свою очередь, заметное влияние как на это самое его состояние, так и на его движение.

При этой двухсторонней зависимости сел.-хоз. условий от состояния и движения населения, а состояния и движения населения от сел.-хоз. условий, аграрно-экономической статистикой бывших земств было определенно установлено три крайне важных для всей теории этой науки факта:

1. Факт прямой зависимости прироста населения и обратной (его смертности) от земельного обеспечения.

2. Факт такой же зависимости прироста и смертности от урожаев и обеспеченности продовольственными запасами, и

3. Факт двухстороннего значения, как организации потребительно-производственной, сел.-хоз. крестьянского предприятия—двора, базирующегося, в отличие от городского типа производительных предприятий, на семейном начале, и являющегося средним экономическим типом между совершенно потребительной городской семьей-хозяйством и теми, чисто производительными предприятиями, с которыми имеет дело промышленная статистика (А. А. Кауфман).

Установление этих трех фактов для теории аграрно-экономической статистики явилось тем более значительным научным приобретением в области усвоения ею характера основ крестьянского трудового хозяйства, что, выходя из них, оказывалось уже нетрудным определить и все то колоссальное значение для последнего его социально-экономического и в то же время естественного фактора „населения“,— как совокупности активных и пассивных человеческих сил, действующих двухсторонне на сел.-хоз. производство и распределение в направлении удовлетворения через них своих потребительных и производственных целей.

Оказывалось нетрудным, в связи с этим, определить и то отличие этого, в свою очередь, первичного основного фактора сел. хозяйства от других его таких же факторов—земли и природы, которое выражается в его постоянной зависимости не только от требований и условий существования человека, но и от сельско-хозяйственных „природных“ условий, приуроченных к обрабатываемым человеком участкам земли, в то время, как и природа и земля в своем первоначальном творчестве от этих требований и условий независимы.

Итак выходило, что в сел.-хоз. действительности, в сущности говоря, переплетаются действия не трех (земли-природы, труда и капитала) основных первично-исторических факторов, а двух—„природы-земли“ и „населения“, объединяющих в себе и труд и потребление человека.

После этого оставалось лишь установить в окончательной форме взаимоотношения этих двух факторов, разрешить основной вопрос о сферах их деятельности и о том, в какой мере население, как совокупность усилий человеческого труда, прилагаемого к земле, и действующие на нее силы природы, могут фактически влиять на их деятельность и направлять ее в сторону удовлетворения своих хозяйственных интересов.

В этом направлении, в результате учета всей совокупности многочисленных наблюдений над различными, происходящими в почве, процессами образования питательных веществ и произрастания растений, аграрно-экономической статистикой, широко использовавшей данные почвенных и иных агрономических исследований, было твердо установлено, что человек, определяя лично способности различных растений использовать то или иное, имеющееся уже в почве, или вносимое в нее при посредстве искусственного удобрения, питательное вещество, получает тем самым возможность не только регулировать производительную силу земли, но и увеличивать эффект их производительности до необходимого размера.

В связи с этим, долго пользовавшееся в агрономии репутацией неопровержимого авторитета учение о неизменяемости „естественной статистики почвы“, в силу которого весь вкладываемый человеком в почву в виде удобрения капитал понимался лишь как возмещение им земле тех питательных веществ, которые забирали у нее урожаи растений, должно быть пересмотрено и заменено учением, выдвинутым аграрно-экономической статистикой о рациональных и целесообразных способах ведения сел.-хоз. предприятия, основанных на усвоении человеком смысла и тенденции законов питания растений из почвы и воздуха и на координации им своих действий

в отношении сел.-хоз. использования обрабатываемого им участка земли с этими последними.

Согласно этому учению устанавливалось, что природа, как совокупность всех действующих на данный участок земли, хозяйственно-используемый человеком, создающих первоначальное естественное богатство почвы, внешних и внутренних сил ее, от человека независима.

В этом отношении было твердо установлено, что, используя „дары природы", человек их не создает, а лишь приспособляет к своим хозяйственным целям, заставляя почву путем вложения в нее своего труда и капитала по ее обработке и удобрению, отдавать взращиваемым им сел.-хоз. растениям из ее естественного богатства все те количества питательных веществ, которые им необходимы для их максимального развития—безразлично от того, имелись ли в почве эти вещества в первобытном состоянии или внесены в нее рукой самого человека.

Уметь приспособить к своим хозяйственным целям „дары природы"—это значило уметь понять свойство законов усвоения растениями питательных веществ из почвы и воздуха и соответственно с их требованиями поставить обработку и удобрение почвы, с одной стороны и сел.-хоз. использование земли вообще—с другой, таким образом, чтобы каждая новая, производимая человеком затрата труда и капитала на это дело, соответственно увеличивала бы плодородие почвы, т.-е. процент усвояемости растениями имеющихся в ней питательных веществ, и чтобы, тем самым, в хозяйстве не было непроизводительных затрат, неизбежных при неправильном понимании законов питания растения и сел.-хоз. задач человека.

И вот, чтобы избежать последних, чтобы установить принципы рационального ведения сел. хозяйства, оказывалось необходимым серьезно посчитаться с присущей всем растениям способностью самоограничивать свое потребление питательных веществ, получаемых ими как из почвы, так и из воздуха (в том числе даже света, тепла и влаги), указывающей определенные пределы необходимых им размеров инсоляции, влажности, насыщенности почвы годными к их усвоению питательными веществами, за которыми все остальные количества падающих на растение лучей, света и тепла, росы и почвенной влаги, как и излишки питательных веществ, имеющихся в почве в первобытном состоянии или вносимых в нее рукой человека, оказываются растениям не только безразличны, но часто даже вредны.

За пределами этой насыщенности, сколько бы после этого в почву ни вносилось удобрения, ожидать дальнейшего повышения урожайности растений совершенно напрасно. Мало того, присущая растениям способность постепенно суживать поглощение предлагаемых ей питательных веществ по мере приближения к пределу насыщенности ими почвы, влекущая за собой соответствующее понижение процента урожайности растения, ведет к формулировке особого, чрезвычайно важного в теории сел.-хоз. производства и в его практике, закона об уменьшаемости доходности новых затрат труда и капитала человека, вкладываемых им на обработку и удобрение почвы в интересах предоставления растениям максимальных количеств необходимых им в почве питательных веществ.

Выявляемый этим законом факт указывает на то, что, если не обратить внимания на отмеченные выше свойства законов питания растений и безрассудно продолжать удобрять почву одними и теми же количествами одних и тех же удобрительных веществ из года в год, исходя из одной только предпосылки восстановлять во что бы то ни стало „статику" почвы, истощенную предыдущими урожаями растений, не взирая на степень уже достигнутой предыдущими удобрениями насыщенности ими почвы,—удобрение, оказавшееся излишним, неизбежно пропадает, а расход труда и средств, произведенный при этом, окажется расходом бесполезным, непроизводительным и нецелесообразным.

Такова сущность вывода учения о рациональных способах ведения сельского хозяйства, базирующегося, с одной стороны, на законах питания растений, и с другой—на законе убывающей доходности затрат труда и капитала на питание растений, ошибочно понимавшемся до недавнего времени в агрономии, как законе „убывающего плодородия почвы", по существу своему ни к ее плодородию, ни к ее естественному богатству прямого отношения не имеющий, ибо, вопреки установившимся мнениям, этот закон обнаруживается не при уменьшении плодородности почвы, а при ее росте (см. проф. В. А. Косинский).

И вот, в связи со всем вышесказанным, зависимость человека от природы в сфере его сел.-хоз. деятельности получает такое очертание:

Отвечая принципу хозяйственного расчета, заложенного в психику человека самой природой и побуждающего его искать такого применения своего труда и сбереженных им результатов этого труда в виде материальных средств—капитала, при котором наименьшие затраты того и другого доставляли бы ему возможный максимум удовлетворения его потребностей, зависимость человека от природы выражается в том, что труд и капитал человека, направляемые на производство растительных продуктов, необходимых ему как в его личном хозяйстве, так и вне его (а также продуктов животных и самих животных. Е. В.), подчиняются закону уменьшающейся доходности новых затрат его труда и капитала. При этом, ввиду того, что этот закон является результатом лишь естественных законов питания выращиваемых в сельском хозяйстве растительных и животных организмов, в данном случае затрачивается не вся сумма труда и капитала, вкладываемая человеком в сел.-хоз. предприятие, а лишь те части его, которые идут на создание растительных и животных организмов и их продуктов, т.-е. на удобрение и обработку земли, на уход за растениями и животными и на питание самих животных, поскольку оно идет за счет выращиваемых в самом хозяйстве кормовых растений и возвращается последнему в виде навозного удобрения.

Остальные же части хозяйственного труда и капитала, направляемые на уборку урожая, их перевозку и переработку, на ремонт и поддержание жилых и хозяйственных построек, сел.-хоз. машин и орудий, на промыслы, связанные с сел.-хоз. производством, и проч., т.-е. как направленные на процессы, никакого отношения к процессу выращивания растительных и животных организмов не имеющие, указанному закону не подчиняются и от него независимы.

Из этого вытекает крайне важное для аграрно-экономической статистики указание, каким образом следует измерять самую интенсивность сел.-хоз. производства по отдельным хозяйствам-предприятиям и по районам их территориальной рассеянности; какие части затрачиваемого в этих хозяйствах труда и капитала брать в расчет при определении признака-причины его большей или меньшей интенсивности.

Ясно, что этим признаком-причиной всегда будет только тот труд и тот капитал, который идет непосредственно на создание растительных и животных организмов.

К этому приходится добавить еще и то, что интенсивность сел.-хоз. производства, являясь результатом лишь рационально (целесообразно) примененного к сельскому хозяйству и продуктивно использованного в нем труда и капитала, служит в то же время и показателем самой рациональности (целесообразности) ведения человеком своего сел.-хоз. предприятия, указывая на степень подавления искусством последнего значения слепых и безличных законов природы и их подчинения его собственным человеческим целям.

И вот, в зависимости от того, как понимаются эти цели в сел.-хоз. производстве самим человеком, во имя чего он обращает свой труд и свой капитал

в земледелие, аграрно-экономическая статистика бывших земств вела свои исследования русского сельского хозяйства по двум основным типам его:

1) по типу потребительно-трудового, главным образом, крестьянского хозяйства, в котором используемая в нем земля является лишь необходимым для самого трудового хозяина и его семьи, или для группы, объединенных одной хозяйственной целью производителей, необходимым для их существования хозяйственным благом и только, и

2) по типу хозяйства капиталистического, в котором земля служит не столько источником средств существования для ее владельцев или арендаторов, сколько источником для них непроизводительного дохода, так-называемой „земельной ренты".

Изучение этих двух типов сельского хозяйства в России, еще задолго до великой русской революции 1917 года, привело аграрно-экономическую статистику бывших земств к твердому убеждению в превосходстве формы мелкого трудового хозяйства над крупно-капиталистической, что и заставило ее, в дальнейшем, решительно стать на путь детального исследования именно этой, первой, наиболее жизненной формы сельского хозяйства и в порядке этого исследования стремиться найти законы ее эволюции, как экономической, так и социальной, дать основы особой науки о ней—„теорию крестьянского хозяйства".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мелкое или трудовое сельское предприятие - хозяйство, как объект специального изучения в аграрно-экономической статистике.

Чрезвычайные трудности, сопутствующие изучению всего многообразия мелкого трудового сел.-хоз. предприятия - хозяйства и полутрудовых-полукапиталистических—„средних"—его образований, не-раз останавливали перед собой в недоумении исследователей, терявшихся перед теми почти непреодолимыми противоречиями, которые открывались им в многомиллионной массе этих хозяйств.

Казалось, что при той индивидуальности каждого из этих хозяйств, которая естественно вытекает из самых личных физических и нравственных качеств трудового хозяина; из его личного отношения и его способностей к труду; из степени его культурного развития и технической подготовленности; из его национальных и племенных черт; из особенностей его семейного и правового быта и проч., совершенно невозможно, даже при наличии более или менее однородных естественных и исторических условий его хозяйственного бытия, установить какой-нибудь, хотя бы только относительной, типичности этих хозяйств; проследить, хотя бы в самых общих чертах, известную последовательность в образовании, развитии и смене их типов; установить законы последней.

И, действительно, вопрос этот, при попытках его методологического разрешения, оказался настолько трудно разрешимым, что и до сих пор в среде экономистов и аграрников по поводу его не достигнуто никакого соглашения.

Их многолетний спор о содержании и признаках „факториальных", отдельных, „типов" сельского хозяйства; о понимании самого термина „типичности" в приложении к их классификации; о существе и значении этой самой классификации и проч., далеко не закончен и до сего времени.

Он продолжается, и до сих пор еще не установлены даже принципы, на основе которых оказывалось бы возможным предложить такую классификацию сел.-хоз. предприятий - хозяйств, которая не вызвала бы против себя ни с формальной, ни с принципиальной стороны серьезных возражений.

В этом отношении необходимо признать, что ни один из методов, ни один из принципов классификации сел.-хоз. предприятий-хозяйств и их сериации на типы, предлагавшиеся различными школами западно-европейских исследователей, совершенно не удовлетворил и русскую земскую статистику, которая, откинув в сторону все дедуктивные размышления, подошла к вопросу чисто практически и, применительно к условиям отечественной сел.-хоз. действительности, предложила принять деление трудовых сел.-хоз. предприятий на три следующие группы:

1) на предприятия-хозяйства, которые по величине используемой ими земельной площади не в состоянии занять в своем производстве всей наличной рабочей силы самого производителя и его семьи, обеспечить их существование и которые в то же время побуждают своего производителя и членов его семьи отдавать часть своего труда на рынок или в побочные занятия в собственном хозяйстве (кустарные промыслы, торговля и промыслы) или в сторону от него (отхожие промыслы городские и фабрично-заводские заработки, служба);

2) на предприятия-хозяйства, которые, обеспечивая средний уровень потребностей производителя и его семьи путем, с одной стороны, личного потребления ими продуктов собственного производства, а с другой—частичной продажи их на рынок для обмена на недостающие им предметы первой необходимости, обслуживаются без остатка рабочей силой самого производителя и его семьи и лишь в исключительных случаях прибегают к найму срочных или поденных рабочих;

3) на предприятия-хозяйства, не удовлетворяющиеся наличной рабочей силой самого производителя, его семьи и нуждающиеся более или менее постоянно в наемных рабочих руках для сезонных и годовых работ.

В условиях сел.-хоз. действительности средней полосы Евр. России, при среднем размере приходящейся на одно трудовое хозяйство удобной земли в 15 дес., агр.-экон. статистика русских земств определяет следующие фактические пределы земельного обеспечения каждой из указанных групп:

для первой группы—от размера ниже 1 дес. до 5 дес. на двор,
„ второй „ „ „ „ 5 „ „ 15 „ „ „
„ третьей „ „ „ „ 15 „ „ 30 „ „ „

при чем определенно отмечает существующие во временном их распределении следующие процессы:

для первой группы—тенденция или к полному исчезновению образующих ее хозяйств или роста их до размеров второй группы;

для второй группы—при полном сохранении ею среднего размера земельного обеспечения входящих в нее хозяйств увеличение количеств последних за счет хозяйств, как первой, так и третьей групп;

для третьей группы—тенденцию распада составляющих их хозяйств и их нивеллировки к среднему размеру земельного обеспечения второй группы.

(См. П. П. Огановский: „Закономерность агр. эволюции“).

И устанавливает тот крайне знаменательный факт, что наиболее устойчивому типу по среднему земельному обеспечению хозяйств второй группы, в условиях русской действительности, вполне отвечает устойчивость обычной, средней по размеру, крестьянской семьи, образующей самостоятельный двор-хозяйство из 5—6 душ обоего пола, все мнения о мельчании которой в связи с увеличением плотности населения и дробления дворов-хозяйств по территориям, категорически опровергаются П. П. Черненковым, твердо установившим, что „дробление“ это касается лишь более многочисленных по своему составу, так-называемых „сложных“ семей и почти никогда не падает ниже указанной выше „минимальной“ физической нормы средней семьи русского трудового хозяина в 5—6 душ обоего пола.

(См. Н. Н. Черненков: „К характеристике крестьян. хоз.“, вып. 1-й, гл. IV-ая, 2-ое изд. Москва, 1917 г.)

К тому же утверждению, на основании анализа данных агр. статистики русских земств приходит и П. П. Огановский, устанавливая в свою очередь, что „неоднородность крестьянской семьи по своим размерам приближается к экономи-

ческой неоднородности самих хозяйств и что между ними существует определенная причинозависимость и связь, выражающаяся в формулированном им законе двухстороннего процесса дифференциации и нивелировки трудовых хозяйств и образующих их дворов к среднему типу второй группы, обязательном для всех стран и для всех народов с одной лишь поправкой постепенного сокращения среднего земельного обеспечения этой группы в направлении с востока на запад, соответственно происходящим в том же направлении—увеличению плотности с.-х. населения и сопутствующей ей интенсификации трудового хозяйства.

Эти положения, установленные в данных статистического анализа русских земств и сверенные с данными западно-европейской статистики, позволили русской теоретической мысли подойти, если не к разрешению, то во всяком случае к постановке вопроса об установлении того объективного критерия классификации сельских трудовых хозяйств, соответствующего требованиям экономической и этической необходимости, того „идеального типа“ сел. хозяйства, вне установления которого вся работа агр. статистики являлась зданием, построенным на зыбком песке субъективных представлений и априорных, дедуктивных умозаключений.

В своем труде—„Очерки агр. статистики“, т. I, М. А. Сиринов, исходя из всех указанных выше положений, рекомендует за этот „идеал“ принять как-раз такое трудовое хозяйство, „в котором целиком смогут быть использованы все творческие и рабочие силы семьи производителя, и т о л ь к о е г о с е м ь и, и сел.-хоз. организация которого дала бы ей возможность, при наименьших затратах энергии и средств, использовать, в возможно полной хозяйственной мере, все потенциальные свойства почвы“.

— „Только та классификация хозяйств, которая будет исходить из этого представления об идеальном типе хозяйства—говорит М. А. Сиринов—будет самой правильной классификацией. Именно такая классификация подсказывается агр. статистике ее основными заданиями, состоящими не только в ее стремлении уяснить, как ведутся на самом деле хозяйства, но и какими они должны быть“.

— „Вполне понятно—иллюстрируют свою мысль М. А. Сиринов—что выяснение степени распространенности нормального хозяйства (приближающегося к „идеальному“ типу. Е. В.) в данном районе, решает и ту и другую задачу сразу: если мы покажем, сколько хозяйств от него отступает в том или ином отношении, мы будем знать и то, как ведутся различные хозяйства на самом деле и что нужно сделать, чтобы осуществить экономический идеал“.

(См. М. А. С и р и н о в: „Очерки по агр. статистике“ Вып. I, стр. 155.)

И, действительно, при классификации с.-х. предприятий-хозяйств, исходящей из указанного принципа приближающегося для каждого района к „идеальному типу“ нормального хозяйства, становится возможным установление совершенно идентичных понятий и широкого сравнения по местностям и во времени фактически существующих хозяйственных групп, чего не дают все те основания их классификации и группировок, которые до сего времени обычно предлагались в агр. статистике.

При чем к несомненным достоинствам предлагаемого М. А. Сириновым принципа этой их классификации, или вернее—квалификации, относится то, что она идет, при характеристике хозяйств, не по внешним признакам их, а по внутренним, по духу их, что является осуществлением основного требования всей русской земской агр.-экономич. статистики последнего времени, с особой силой высказанного в докладе покойного проф. В. Г. Бажаева „О статистическом изучении систем земледелия“ XII съезду русских естествоиспытателей и врачей.

Как бы дополняя в этом отношении М. А. Сиринова, главнейшее внимание в своем представлении о нормальном типе с.-х. предприятия-хозяйства обратившего на момент з е м е л ь н о г о о б е с п е ч е н и я, проф. В. Г. Бажаев выдвигает момент о р г а н и з а ц и и этих предприятий-хозяйств, говоря, что:

„все наши суждения о состоянии сельского хозяйства в какой-либо стране, на каком бы количестве фактических сведений они ни основывались, неизбежно оказываются более или менее поверхностными и неправильными, если мы не имеем достаточно ясного представления о типах организации с.-х. производства", познакомиться с которыми, по мнению профессора, возможно „лишь при наличности массовых наблюдений о внутреннем строе отдельных с.-х. предприятий".

„Только путем последовательного обобщения таких сведений (т.-е. путем обратной дедукции. Е. В.) мы можем приблизиться к действительному уразумению особенностей организации, характерных для целой страны и отдельных ее районов".

На иной путь классификации трудовых хозяйств пыталась стать группа земских статистиков, следовавшая в своих идеологических построениях марксизму австро-германской социал-демократической школы экономистов и предложившая, в докладе В. Г. Громана, статистической подсекции XI съезда русских врачей и естествоиспытателей выдвинуть в угол классификации типов трудового хозяйства предприятия момент его классового строения, определяемого процентным отношением труда самого производителя и членов его семьи в их собственном предприятии, к труду, отчуждаемому ими в чужие предприятия, в сторонние заработки, к труду наемному и каждой категории этого труда к общей сумме ее.

Приходится, однако, сказать, что попытка применить на практике этот принцип расгруппировки трудовых хозяйств, произведенная под руководством самого автора его в Мокшанском у. Пензенской губ., не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий и осталась в работах земской агр. статистики одинокой и неподдержанной.

Однако этой попыткой идее установления типов хозяйств по комбинированию качественных признаков его был дан большой сдвиг вперед—и в этом ее историческое значение.

Вслед или, вернее, одновременно с В. Г. Громаном-марксистом, на тот же путь классификации хозяйств вступает и народник Г. И. Баскин.

(До них качественный прием классификации применялся сравнительно редко, наиболее последовательно он проводился в работах Ф. Щербины, который уже в первых своих исследованиях делил все хозяйства на „батрацкие", „нейтральные" и „пользующиеся наемным трудом". Это был, как говорит И. Макаров, „первый смелый ход народника в сторону требований марксизма". Е. В.)

В своей работе по Ставропольскому у. Самар. губ. (см. его „Подворная перепись крестьянского хозяйства Сам. губ.". Вып. I. Ставропольский у. 1914 г.) Г. И. Баскин в основу своей классификации типов хозяйств кладет „качественные признаки", которыми определяется как род экономической деятельности, так и социально-экономическое положение хозяйства в его отношении к массе других хозяйств; к таким признакам Г. И. Баскин относил: 1) посев, 2) наем сроковых и годовых сел.-хоз. рабочих, 3) наем поденных и сдельных рабочих, 4) промысловые заработки вне своего сел.-хоз. предприятия и 5) ведение торгово-промышленного предприятия.

Далее за Г. И. Баскиным следует И. Макаров, выдвигающий свою классификацию, достоинством которой он считает то, что „она не разрывает связи с немецким делением на хозяйство „рабочего участка" и „продовольственного участка".

(См. „Труды отдела сел.-хоз. экономии и политики М. О.", вып. I. Материалы по вопросам земельной реформы. М. 1917 г. И. Макаров: „О нормах расширения крестьянского землепользования", стр. 42.)

Таким образом, в противовес проф. В. Г. Бажаеву, аграрно-экономическая статистика русских земств еще долго остается, в обоих своих направлениях — марксистском и народническом, на базе изучения крестьянского хозяйства с точки зрения его социально-экономического содержания, но все же уже был выдвинут другой принцип, согласно которому признавалось, что

— „для сколько-нибудь углубленного изучения внутренней организации сел.-хоз. предприятия оказывается совершенно необходимым учет тех признаков его, которые характеризуют взаимную связь и способы эксплоатации хозяйственных угодий“ и тем самым „облегчают ближайшее выяснение взаимной связи всех вообще наличных отраслей хозяйства“ (проф. В. Г. Бажаев, там же).

При этом, конечно, в первую очередь возникал вопрос о выяснении взаимной связи в трудовых хозяйствах главнейших отраслей его полеводства, или земледелия в тесном смысле этого слова, и животноводства, не только влияющего на самый характер внутренней организации сел.-хоз. предприятия и установление в нем соответствующих систем полеводства, но и доставляющего этому хозяйству наиболее ценные и концентрированные продукты потребления и питания, навозное удобрение, необходимое ему, и тот необходимый для одностороннего зернового полеводства хозяйственный корректив, который выражается в распространении искусственного травосеяния с пропашными растениями.

Говоря об этом, нельзя не остановиться на том, что семейно-трудовой характер мелкого трудового хозяйства, преследующего в первую очередь задачи по удовлетворению продовольственных потребностей семьи, составляет как бы стимулирующий фактор, который естественно направляет это хозяйство в сторону развития в нем животноводства, дающего ему, как мы сказали выше, наиболее ценные продукты питания и потребления в своем собственном производстве.

Определенно установлено, что, с увеличением приходящегося на единицу культурной площади пользовательного скота, в мелком трудовом хозяйстве определенно повышается и урожайность на той же единице площади как зерновых, так и пропашных культур.

Тот же параллелизм наблюдается и в денежных результатах соответствующих хозяйств.

В связи с этим в Зап. Европе животноводство уже давно признается как бы естественным базисом мелкого хозяйства, сопутствующим росту его интенсификации и определяющим его устойчивость, и за экономический идеал его принимается такое хозяйство, в котором оба эти начала -семейно-трудовое и животноводство— сочетаются взаимно, к а к е г о о с н о в н ы е ф а к т о р ы.

К сожалению, в России животноводству еще не уделяется такого внимания, и исследование природы и основ ее мелкого, главным образом, крестьянского хозяйства, шло до последнего времени несколько иным путем.

Остановимся на тех исторических этапах этого пути, которые уже прошла в указанном направлении аграрно-экономическая статистика русских земств.

Еще в 1865 году, при самом своем возникновении, земские учреждения столкнулись с необходимостью самостоятельных статистических исследований, без которых оказывалось немыслимо никакое ведение земского хозяйства. В 1866 году вопрос о постановке таких исследований и организации специального статистического комитета был поднят и единогласно принят в московском губ. земстве.

В 1867 году на тот же путь самостоятельного собирания статистического материала „о земле и остальных податных единицах“ стало тверское губ. земство, поручившее сбор этого материала сперва уездным управам, а два года спустя пригласившее для организации этого дела при самом губернском земстве В. И. Покровского. В 1869 году организует первое статистическое обследование крестьянского хозяйства херсонское земство.

Почти одновременно с этими земствами необходимость широких статистических исследований местной жизни была осознана и вятским земством, еще летом 1870 года поручившим В. Л. Заположскому обследовать детально 15 беднейших волостей северной части Вятской губернии.

Результат этого исследования был издан в Вятке в 1871 году под заглавием: „Исследование экономического быта населения Вятской губ.“. Книжка эта и есть первый по времени печатный труд земской статистики.

Год спустя вятское земство пригласило к себе, в качестве руководителя статистическими работами, Н. Н. Романова, в 1874 году издавшего в Вятке второй по времени печатный труд земской статистики—„Исследование земских раскладок Вятской губ.“.

Примеру Москвы, Твери, Херсона и Вятки вскоре же последовали Чернигов, Пермь и другие губернские центры земских губерний, при чем, несмотря на то, что „описание земли и остальных податных единиц“ было первоначальным мотивом, натолкнувшим земства на статистические работы, экономические исследования быта местного населения и преимущественно беднейших слоев крестьянства сразу же заняли в этих работах земств и организованных при них статистических комитетах почетное место.

В 1876 году, независимо друг от друга, московским и черниговским статистическим отделами губернских земств, производятся, только-что введенным тогда в практику земской статистики экспедиционным способом, два сплошных статистически-экономических исследования о положении в этих губерниях сельского хозяйства, с применением в Московской губернии исчерпывающей подворной описи крестьянских дворов, а в Черниговской—типичной, при чем прибегнуть к последней, как свидетельствует ее организатор П. Червинский (см. С. Велецкий: „Земская статистика“, т. 2-ой, стр. 722—725), черниговским статистикам пришлось только потому, что в условиях того времени доступный москвичам путь „подробной и тщательной подворной описи“, для них не оказался возможным, вследствие чего, как говорит тот же Червинский, им и пришлось „поступиться теоретическими соображениями и ограничиться гораздо меньшими“.

В этом отношении, как свидетельствует проф. П. Каблуков [1]), статистическое отделение московской земской губернской управы стояло в исключительно благоприятных условиях, по сравнению со статистикой других земств. И если по отношению к нему можно было сказать, что „с самого начала его деятельности оно было родным детищем земства, а не его пасынком“, то того же самого нельзя было сказать в то время о статистике черниговской. Статистическому отделению черниговского губернского земства, в силу этого „оказалось не по силам“.—„И думать было нечего“,—говорит с прискорбием П. Червинский,—об исследованиях такого характера, которые оказывались доступными московским статистикам.

Однако, отказываясь с болью в сердце от производства сплошной подворной переписи и останавливаясь, „в силу необходимости“, на типическом описании отдельных хозяйств по двум сокращенным программам общей: „для имений“ и специальной „для отдельного общества крестьян и казаков“, черниговские статистики, так же как и московские, преследовали в своем исследовании одни и теже цели—обрисовку состояния всего сельского хозяйства губернии в его целом, точного и подробного описания ее сел.-хоз. промышленности, по двум их категориям—по „отдельным помещичьим хозяйствам, ведущимся с применением наемного труда“, и по отдельным крестьянским и казачьим хозяйствам, ведущимся преимущественно рабочими силами „собственной семьи“.

(См. С. Велецкий: „Земская статистика“, т. 2-ой, стр. 722—725. Объяснение характера и задач черниговского исследования составители его программы П. Червинского).

И потому, если и имело под собой некоторое основание, утвердившееся в русских учебниках по статистике, с легкой руки проф. Янсона, противопоставление

---

[1]) См. Н. Каблуков: „Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при зем.-стат. исследовании“. Стр. 10—11.

„типов“ московского и черниговского исследований одно другому, то противоставление целей и задач этих исследований и утверждение того, что, будто-бы, у черниговцев оно имело своей целью „лишь изучение положения земледелия главным образом в интересах получения о землях оценочных сведений“, в то время как у москвичей оно было направлено на выяснение „общего экономического быта крестьян“ совершенно не отвечает фактическому положению дел.

(См. А. А. Русов: „Оценочная статистика“, Изв. Киев. комерч. института, 1909 г., вып. I, стр. 25—27.)

С особой силой подчеркивает в упомянутом выше объяснении задач и характера черниговского исследования П. Червинский, что целью его было именно экономическое исследование крестьянского быта и, при этом, не только сельско-хозяйственной, узко земледельческой деятельности крестьянства, но всей его экономической деятельности, и отнюдь не оценочное описание последней, когда он разъясняет причины того, почему в своем исследовании черниговские статистики предпочли „поселенному описанию“, „наиболее удобному для чисто оценочных целей“, описание „отдельных крестьянских и казачьих обществ, хотя и не представляющих настоящей экономической единицы, но подходящим к ней—к крестьянскому хозяйству, как к предприятию,—ближе всех других подразделений“.

Как в работах московских статистиков, так и в работах статистиков черниговских с одинаковой силой сказывается идейно их связывающее влияние постановления состоявшегося в 1872 году в Петербурге Международного Статистического Конгресса, тезисы председателя которого—Г. Майра, совершенно справедливо названного на статистическом съезде 1912 года „давнишним и почти бессменным законодателем русской статистической мысли“, отразились в дальнейшем на всех программных работах земской статистики.

Предшествовавшие и сопутствовавшие этому Конгрессу многочисленные для того времени съезды и совещания статистиков—в Одессе (в 1865 и 68 годах), в Вильно в 1869 г., в Петербурге—в 1870 г. и в Херсоне—в 1873 году сменились в последовавшие за Конгрессом годы интенсивнейшей работой земских статистиков, поразивших своим самоотверженным служением делу статистического исследования нашей народной жизни и результатами своих исследований даже представителей западно-европейской науки.

В эти годы изучение ими состояния мелкого крестьянского хозяйства, как предприятия, хозяйства-двора—становится краеугольным пунктом всей их познавательной деятельности, некоторые итоги которой были впервые подведены на совещании статистиков 1887 года, носившем общероссийский характер [1]).

Именно на этом совещании, принципиально разрешившем вопрос о сплошном подворном исследовании крестьянского хозяйства, как об основе всех земских статистически-экономических работ, была впервые отчетливо формулирована желательная программа минимальной подворной карточки крестьянского хозяйства, при чем поселенному описанию, как описанию общих условий, в которых стоит хозяйственный быт сельского населения каждой данной местности, придавалось значение обязательного при подворном исследовании дополнения к нему. Тем же совещанием было впервые установлено понятие „двора-хозяйства“, как предприятия, ведомого одним или несколькими лицами, владеющими самостоятельными средствами существования и связанными между собою общим домашним хозяйством.

[1]) Это совещание было организовано по инициативе статистического отдела московского юридического общества, с самого начала своей деятельности (с 22 сент. 1882 г.), под председательством А. И. Чупрова, поставившего своей целью „научное и программное объединение русской статистики“. Е. В.

Следующее совещание — 1889 года—еще раз подчеркнуло, что хотя для правильной постановки специального оценочного исследования необходимо систематическое изучение основных хозяйственных факторов, определяющих в поселенных бланках общие условия земельного хозяйства в данной местности, однако „при наличных условиях русской экономической жизни“ без подворного опроса выяснение значения многих из них в этой жизни невозможно.

Разрабатывая детали подворного опроса, статистическая подсекция 1894 года, по докладу покойного А. А. Русова, приняла постановление о необходимости и важности изучения и статистического учета инвентаря крестьянских хозяйств и о координации приемов научных почвенно-геологических и естественно-исторических исследований, как общих предпосылок сельского хозяйства в данной местности, с приемами статистического исследования их, основанными на суммировании индивидуальных наблюдений и показаний хозяев, собираемых главным образом путем их личного опроса или корреспондентским способом.

Четыре года спустя, в 1898 году, состоялось два новых совещания статистиков—в Москве и в Киеве.

На первом из них, по докладу А. В. Пешехонова о „Технике хозяйственного учета земель в Козельском у. Калужской губ.“, было принято постановление продолжить исследования калужских статистиков в области сравнительной оценки значения в общем экономическом быте крестьянства отдельных бюджетных статей его хозяйства и признать необходимой дальнейшую разработку подворно-выборочного метода их учета, предложенного этими же статистиками.

На том же совещании с новой силой был выдвинут вопрос о подворных переписях и взаимоотношениях подворного описания с поселенным. Установив „предпочтительность первого над вторым“, состоящую в том, что „подворная перепись дает возможность производить регистрацию хозяйственных явлений в их простейших и конкретных выражениях, тогда как при поселенном опросе могут быть собраны только обобщенные данные, носящие несомненные следы субъективной оценки опрашиваемых хозяев“, совещание, тем не менее, не нашло еще для себя возможным окончательно отказаться от последнего. Оно вынесло, все же, постановление о необходимости при повторных основных исследованиях хозяйственного быта сельского населения применять оба приема—и подворное описание и поселенный опрос,—признав при этом возможным при повторных исследованиях подворное описание производить по сокращенным программам с повторением их через каждое пятилетие, и с добавлением к ним выборочных описаний типических селений, типичность которых устанавливается данными сплошного основного посельного исследования подробной программы, и выборочных же описаний в каждом из этих селений типических хозяйств, производимых по детально разработанным костромского типа бюджетным программам.

Из постановлений киевского совещания статистиков того же года интересно постановление его по докладу В. К. Руднева о необходимости изучения промысловой деятельности крестьянского хозяйства - двора и необходимости разработки самих приемов регистрации крестьянских промыслов.

С 1900 года открывается новая эра в жизни и деятельности аграрной статистики русских земств.

Резюмируя весь пройденный ею до этого года путь в деле изучения мелкого крестьянского хозяйства и намечая дальнейшие задачи его, в следующих словах определили в совещании статистиков 1900 года эти задачи два маститых земских работника—Н. Ф. Анненков и Н. Н. Черненков—в своих речах:

„Когда начались статистические работы (русских земств), — указал Н. Ф. Анненков,—то служебную и частную работу определения ценности и доходности земель и других недвижимых имуществ, для исполнения которой были созданы при земствах статистические бюро, быстро заслонила и поглотила другая, более общая задача —изучение экономических и других общих условий народного быта...

„Тогда возникла грандиозная работа, созданная условиями момента, и был выработан известный тип статистических операций общеэкономического характера; тип очень оригинальный и достигший у нас большой степени совершенства.

„Это, именно была подворная перепись".

„Что такое подворная перепись? — Это такое общее исследование, которое охватывает все стороны крестьянского хозяйства, но которое, в то же время, берет лишь известный момент исторической народной жизни.

„У нас широко развился и достиг довольно высокой степени совершенства этот тип статистики.

„Второй тип статистики — это наблюдение за текущей экономической жизнью, статистика процесса жизни.

„Прежде чем перейти к текущей статистике надо было крепко поставить на ноги статистику общих экономических условий, и это было сделано с большим успехом в виде подворных переписей...

„Перед земскими статистиками теперь выдвигаются не менее громадные задачи...

„Мы теперь живем в такое время, когда идет ломка всех хозяйственных устоев жизни...

„Мы должны дать твердые и определенные вехи, по которым можно было бы судить об экономическом положении, о средних условиях народного быта. Нам теперь важно видеть общую физиономию русского хозяйства; те условия, в которых складывается земледельческое производство...

„Теперь, когда вся экономическая жизнь и сельское хозяйство находятся в переходном периоде, когда чистый тип хозяйства нарушен, выдвигаются новые формы его, мы присутствуем при борьбе этих новых форм со старыми, когда некоторые из старых форм хозяйства падают и заменяются новыми и т. п.,—и теперь, при таком положении вещей имеет громадное значение не только изучение средних условий данного момента, но и перепись сама по себе, наблюдение над совершающимся процессом. Этим условиям должна отвечать наша текущая статистика. Из этого зерна нашими совокупными усилиями должна развиться такая общая работа, которая осветит эволюцию сельского хозяйства".

„В настоящее время,—продолжал мысли Н. Ф. Анненкова Н. Н. Черненков,—главной задачей исследований земской статистики становится уже не статика, а динамика народной жизни, народного хозяйства".

И вот, подходя к задачам момента именно с этой стороны, совещание статистиков 1900 года главнейшим предметом своих занятий ставит вопрос изучения динамики народного хозяйства и законов его эволюции двумя путями: во-первых, изучением уже собранных земской агр. статистикой данных о сел.-хоз. быте нашей страны, главным образом о сел.-хоз. жизни и деятельности нашего крестьянства и образуемых им различных форм сельско-хозяйственных предприятий и хозяйств - дворов; и во-вторых — широкой постановкой беспрерывных, текущих наблюдений над совершающимися в хозяйственной жизни русского крестьянства процессами; путем планомерной и методичной организации текущей статистики, до того времени постановка которой различными земствами производилась несогласованно и, к тому же, нарушалась разного рода привходящими причинами.

В соответствии с этим, совещанием 1900 года было принято постановление о производстве в каждой губернии в один и тот же период времени новых подворных переписей сельских хозяйств, хотя бы в рамках наиболее характерных районов их или небольших групп селений, с тем, чтобы эти переписи проходили по хозяйствам, уже описанным прежними переписями, и таким образом могли бы фиксировать все те изменения в них, которые за истекший между переписями период в них произошли.

Вместе с тем было признано желательным ежегодное повторение этих переписей в порядке текущей статистики по возможно широкой, приближающейся к бюджетному типу, программе и сводка получаемых от всех исследований, как основного, так и текущего характера, материалов, не только по административным единицам, в границах губерний, уездов и волостей, но и по хозяйственным районам, границы которых предполагалось установить на основании даваемых этим материалом особенностей для каждого района характера и строя существования в нем крестьянского хозяйства.

Тем же совещанием была принята необходимость разработки данных подворных переписей, в интересах изучения существующего расчленения крестьянского хозяйства на группы и типы, в форме групповых и комбинационных подсчетов этих данных, принятых к тому времени в практике положительно всех статистических организаций русских земств [1]).

Однако для группового подсчета подворных материалов совещание 1900 года оказалось бессильным указать какой-либо один „универсальный“ признак, которым оказалось бы возможным исчерпать и характеризовать все формы экономической жизни сельского населения.

Вместо того совещанием было предложено земским статистикам из всех оснований, применявшихся до сего времени в практике земской статистики, простой группировки дворов, по отношению к земледельческим хозяйствам, признать наиболее удачным и наиболее пригодным в практических целях установления сравнимости хозяйств по районам—посевную площадь.

Против этого предложения с возражениями выступило довольно значительное меньшинство совещания, в речах своих представителей — П. А. Вихляева и В. К. Кузнецова, — указавшее, что посевная площадь уже потому не может считаться „наиболее удачным и наиболее пригодным для сравнимости хозяйств“ признаком, что она не есть экономический фактор, а лишь технический прием, различие характеризующий хозяйства при разных системах ведения его и единицы неустойчивый вследствие того, что „посев посеву рознь“ и что посевы подвержены влияниям различных внешних условий, отличных по разным местностям и разным годам.

Однако предложение „меньшинства“ на основании предъявленного им „отвода“ против „посевной площади“, как признака наиболее удачно характеризующего земледельческие хозяйства, вместо нее за такой признак принять размер надельной земли и падающее на единицу ее количество рабочего скота, как признак экономический, при котором, якобы, все остальные признаки располагаются в правильные ряды, сочувствия большинства не встретило и было совещанием отклонено, вызван лишь включение в принятое им постановление о посевной площади поправки, о том, что

„в местностях, где посевная площадь не имеет существенного значения в сел.-хоз. деятельности двора, группировка по посевной площади делаться не должна“,

---

[1]) Еще в 1885 году известный экономист В. В. в своей библиографической заметке в ноябрьском номере „Северного Вестника“ писал о „новом типе земских статистических изданий“, имея в виду вошедшие уже тогда в употребление в печатных работах земств групповые статистические таблицы. Однако появление этих таблиц относится еще к более раннему периоду времени, повидимому, к самому началу земских статистических работ, так-как уже в 1880 году мы встречаемся с первой попыткой П. П. Семенова углубить эти таблицы применением комбинационных таблиц, путем установления шести „разрядов“ (типов. Е. В.) крестьянских хозяйств: 1) богатых, 2) зажиточных, 3) достаточных, 4) недостаточных, 5) бедных и 6) неимущих с внутренним групповым подразделением их по сложной совокупности их основных признаков размера дохода, найма сельских рабочих и батраков, потребления, наличности земли надельной и купчей, роли аренды, размера сбережений, количества скота в хозяйстве и меры его задолженности и исправности в платежах, а в 1882 году появились в черниговских земских работах знаменитые комбинационные таблицы А. П. Шликевича, о которых будет говориться ниже.

Е. В.

и „что в дополнение к ней, вообще, следует ввести, в качестве параллельного признака, характеризующего сел.-хоз. сторону жизни деревни, признак, который характеризовал бы и промысловую сторону двора, схематически слагающегося из двух частей — из деятельности сел.-хозяйственной и промысловой".

Однако возражения против этого постановления в дальнейшем не прекратились.

В середине девяностых годов против него с сильной критикой выступил проф. А. А. Чупров, в своем очерке „О приемах группировки статистических наблюдений" предложивший статистикам пересмотреть свое решение и вернуться к группировке крестьянских хозяйств по признаку наделенности, являющемуся, по мнению проф. А. А. Чупрова, в условиях исторической жизни русского крестьянского хозяйства-двора, единственным его исторически-факторальным признаком; в то время как „посевная площадь", в отношении этого двора не только не является таким признаком, но даже больше как признак-следствие совершенно бессильна осветить многие вопросы его существования.

Вначале это предложение проф. А. А. Чупрова встретило поддержку лишь в ограниченном кругу московских статистиков старой школы, проф. А. Ф. Фортунатова и П. Каблукова.

В частности, с ведома его воспользовался в своих специальных исследованиях по Смоленской губ. А. В. Чаянов, пошедший даже дальше своего учителя и в основание группировки изучавшихся им крестьянских хозяйств положивший не самую „наделенность" их землей, а „отношение части полного надела — надельной пашни — к рабочей силе хозяйства" [1].

Но затем, лет десять спустя, предложение проф. А. А. Чупрова было поддержано вновь полтавскими статистиками, при разработке материалов третьей подворно-хозяйственной переписи 1910 года по Полтавской губ. в основание группировки этих материалов положивших не „посевную площадь", а расширенное понимание „наделенности хозяйства землей — степень их обеспеченности собственной удобной землей" на том основании, что „если до 1900 года, когда сельское население России жило преимущественно в условиях натурального хозяйства, „посевная площадь" являлась наиболее важным и определяющим признаком для его хозяйства, то для настоящего времени, по мнению полтавских статистиков, она уже не могла быть признака хоть сколько-нибудь отвечающей этому назначению, так как с того времени, как то отчасти констатируется и данными текущей статистики, весь хозяйственный строй нашего крестьянского хозяйства претерпевает коренные изменения, вследствие чего наиболее „влиятельным признаком его, повелительно определяющим весь комплекс современных хозяйственных условий его жизни и развития, становится уже не посевная площадь, а степень обеспеченности хозяйств собственной удобной землей".

(См. „Третья подворно-хозяйственная перепись Полтавской губернии 1910 года". Изд. полтав. губ. земства. Полтава, 1914 г. Введение. Стр. XXII—XXIV.)

Таким образом вопрос о преимущественном значении, как наиболее пригодного в качестве группировочного признака „посевной площади" перед признаком „наделенности" или „обеспеченности хозяйств землей" и наоборот — приходится считать открытым и для настоящего времени.

Возвращаясь после этого отступления еще раз к совещанию 1900 года, необходимо отметить его чрезвычайно важное постановление о признании им за единицу статистического исследования, на-ряду с „владением", как единицей специально оценочной, экономической единицы — „хозяйства" — и его предложение земским ста-

[1] Этот новый прием группировки, введенный А. В. Чаяновым в исследования довольно узкого и специального характера с различными вариациями, в аграрной статистике русских земств не привился, ибо он оказался совершенно неприменимым к исследованию результатов широких и обширных экономических исследований. Е. В.

тистикам, ввиду затруднительности сплошного описания всех крестьянских хозяйств данной местности, итти путем отбора и регистрации среди них наиболее типичных, при чем основанием этого отбора должна оставаться основная сплошная подворная перепись с регистрацией его главнейших экономических и хозяйственных признаков крестьянского хозяйства данной местности.

Определенные задачи были поставлены совещанием и так-называемым комбинационным группировкам крестьянских хозяйств сразу по нескольким признакам, цели которых им были формулированы в двух рубриках: а) выяснение значения отдельных условий или факторов в жизни крестьянского двора при большем или меньшем равенстве всех прочих условий и б) выяснение исторически сложившегося к данному моменту расчленения хозяйств на типы и группы в данной местности; при чем, для достижения первой цели совещанием признаны необходимыми возможно более разнообразные способы группировок хозяйств по разным сочетаниям признаков; для достижения же второй — предварительного расчленения дворов на группы и типы сообразно результатам детального изучения и сравнения материалов подворных переписей.

Это постановление совещания статистиков 1900 года о задачах комбинационных группировок крестьянских хозяйств и их предварительного расчленения на группы и типы возвращает нас к вопросу самой методики этой операции и ее внутреннего смысла, затронутому нами в начале настоящей главы в связи с вопросом о классификации сел.-хоз. предприятий-хозяйств по их внешним и внутренним признакам и определении их нормального или „идеального“ типа, как единственно возможного социально-экономического и этического критерия самой правильности этой классификации.

При этом нам приходится остановиться на схеме этого расчленения, предлагаемой Н. П. Огановским, по трем группам признаков, из которых в первую группу — признаков основных — он относит наделы, посев и скот; во вторую группу — признаков дополнительных — купчие земли, аренду, сдачу, способы обработки, и в третью — группу прямых признаков, указывающих, по его мнению, на пролетаризацию-капитализацию крестьянского хозяйства,—наемный труд, продажу-покупку хлеба, забывая при этом о земледельческих и неземледельческих промыслах, представляющихся, повидимому, Н. П. Огановскому не характерными для сельского крестьянского хозяйства-двора.

Эта „схема“ не может быть названа современной, ибо, как мы видели в начале настоящей главы, и теоретическая мысль нашей отечественной аграрной статистики и практика наших земств уже давно отказались от идеи, идя путем комбинирования чисто внешних признаков хозяйства-двора, каковыми по существу являются все сведенные в три группы признаки Н. П. Огановского, дойти до такой классификации его различных форм, до такого расчленения его на группы и типы, которое не вызывало бы против себя никаких принципиальных возражений.

Они перешли к выявлению внутреннего строя интересующего их массового естественно-социального явления —крестьянского хозяйства-двора и к установлению взаимоотношений в нем тех внутренних признаков, которые только и определяют этот его внутренний строй и указывают на его отношение и на степень его отклонения от так-называемого типа нормального или идеального. Нормального — при данных условиях в данной местности: идеального—по степени осуществления в нем хозяйственного и этического идеала.

Изучение социальных типов хозяйств, изучение их организационных форм и изучение взаимозависимости, а также силы ее, элементов и факторов, действующих в сельском хозяйстве, вот те задачи, которые стояли перед аграрно-экономической статистикой русских земств в последний период ее существования, дававшей в конечном счете, в своих сводных комбинационных таблицах, детальный анализ как самих средств производства, распределения труда

между различными отраслями его и результатов самого производства, так и тех колебаний по различным группам сельского хозяйства - двора его отдельных элементов и факторов, без учета и оценки которых невозможно установление качественных и количественных соотношений каждого из них к общей сумме явлений, из которых слагается и форма и содержание самого хозяйства.

При этом, конечно, необходимо отметить, что в то время, как раньше подворные группировки приспособлялись главным образом к изучению ф о р м хозяйства и междухозяйственных отношений, в последнее время, на-ряду с этими прежними задачами, земская аграрная статистика выдвинула и другие: изучение внутрихозяйственных отношений, изучение системы хозяйства и исследование крестьянского хозяйства с организационно-производственной точки зрения.

Из этих новых задач вытекают и новые требования по отношению к приемам подворных группировок; новые попытки, по существу своему совершенно отличные от прежних.

Так, раньше, один из первых обоснователей в русской земской статистике метода комбинационной обработки данных подворной переписи А. П. Шликевич, идя путем группировки их лишь по внешним натуральным признакам хозяйств, не выходя из области земледелия и совершенно игнорируя, подобно Н. П. Огановскому, в данном случае являющемуся невольным подражателем А. П. Шликевича, их промысловую деятельность, предлагал до 6000 типов хозяйств с 40—50 признаками для каждого из них (см. „Земский сборник черниговского губ. земства за 1890 г." стр. 43); теперь же задача группировки тех же хозяйств сводится к отысканию по внутреннему строю их сравнительно немногочисленных типичных групп этих хозяйств, которые, с бо́льшим или меньшим приближением, можно было бы считать однородными социальными или производительными конгломератами.

В общих чертах история комбинационного подсчета материалов подворной переписи и составляемых на основании его „комбинационных таблиц", изолирующих влияние отдельных факторов на разные стороны крестьянского хозяйства, такова:

Исходя из того, что простые группировки — будут ли они взяты порознь или все вместе, как результат многих аналогичных статистических операций, оказываются неспособными выяснить на деле ни действительной природы, ни „объемных отношений" признаков хотя бы одного двора, ни состава отдельных дворов, ни тем более их однотипных категорий в силу того, что одним признаком, взятым в основание простой группировки, абсолютно не обрисовывается содержание всего целого, в образовании которого участвует не один, а несколько факторов, А. П. Шликевич, еще в 1882 году, основываясь, повидимому, на упомянутом нами выше опыте П. П. Семенова в 1880 году, при разработке материалов подворной переписи Козелецкого уезда, Калужск. губ., предложил проект придуманной им комбинационной таблицы, основной идеей которой он выставил: „расположение всех обследованных дворов по типам их элементарного состава", устанавливаемым в известных количественных пределах принадлежности этим дворам их основных элементов,—каковыми, согласно А. П. Шликевичу, являются—земля, скот и рабочая сила семьи [1]).

Сумма совместного действия этих основных элементов двора, по Шликевичу, равняется сумме „хозяйственной энергии" двора, слагаемой, в свою очередь, из проявлений в ней общих с в о й с т в последнего или его факторов-следствий.

Задачей комбинационной таблицы отсюда и является—разложить сумму совместного действия основных факторов двора и узнать роль и значение в хозяйственной жизни его, во-первых, каждого из этих факторов и, во-вторых, проследить

---

[1]) В труде Н. М а к а р о в а: „Крест. хоз. и его эволюция", стр. 24. М. 1920 г. элементы таблицы Шликевича указаны другие—земля, раб. сила, аренда и сдача в аренду земли. Е. В.

действия переменных количеств одного из основных факторов на двор-хозяйство, как целое, в присутствии постоянных количеств в нем двух остальных.

В дальнейшем развитии „комбинационных таблиц“ число основных элементов—двора—его факторов-причин — значительно возрастает; так, по мнению С. А. Харизоменова, высказанному в начале девяностых годов прошлого столетия, к ним уже, помимо рабочего состава семьи, надела и скота, относятся, также платежи и посев [1]); в 1897 году к этим факторам-причинам прибавляется еще „средняя семья“, согласно Ф. А. Щербины, „представляющая собой наиболее характерный цифровой показатель хозяйственной жизни“ сельского населения; в настоящее же время с легкой руки А. И. Хрящева и П. П. Попова за основания комбинационных таблиц в аграрной статистике русских земств кроме признаков посева, земледелия и семьи в ее целом берутся еще признаки промысловости и социального положения промышленников. (См. „Подворная перепись 1910 года по Новосильскому у. Тульской губ.“. Часть текстовая. Тула, 1914 г.)

Таким образом в последние годы в аграрной статистике русских земств искание обобщающего „универсального“ признака для группового подсчета подворных данных, которым можно было бы исчерпать и характеризовать все формы экономической жизни сельского населения, в практике составление комбинационных таблиц сменилось изучением тесноты и характера связи между всеми отдельными признаками сельского хозяйства, обусловливающих типичность его отдельных групп в рамках окружающей эти группы совокупности всех местных, как естественных, так и социальных условий.

То же „новые задачи“ и „новые требования“, о которых мы говорили выше, привели агр. статистику русских земств еще к одному, совершенно оригинальному „бюджетному“ типу исследования и группировок сельского хозяйства, впервые проведенному сперва в порядке дополнительного к основной сплошной подворной переписи выборочного исследования, по Козелецкому у. Калужск. губ. А. В. Пешехоновым, а затем, в виде монографического исследования, развитого при производстве подворной переписи в Воронежской губ. Ф. А. Щербиной. Тип этот известен в земской статистике под именем „воронежского типа“ исследования.

Дальнейшим шагом в развитии этого типа исследования является попытка статистиков московской школы, в лице Н. П. Макарова, С. А. Первушина, К. П. Рыбникова, А. В. Чаянова и др., перейти от рекомендованных Ф. А. Щербиной монографических описаний единичных бюджетов по данным изустного опроса ведущего хозяйство лица и его годового приходо-расхода, к установлению в типичных хозяйствах регулярно ведущихся подневных счетоводных записей с учетом при них, по особым ведомостям, заполняемым специальными агентами-статистиками, на первое число каждого месяца со слов домохозяев, месячного прихода в их хозяйствах продуктов натурой; месячной затраты по этим хозяйствам рабочего времени; однодневного, в истекшем месяце, удоя и прокорма скота и годового баланса важнейших статей прихода и расхода в натуре и в денежных знаках.

Мысль, брошенная этой группой статистиков, о переходе с монографических бюджетных описаний к последовательной постановке и типичных сельских хозяйствах бюджетно-счетоводной статистики по западно-европейскому образцу, с 1913 года овладела не только умами земских статистиков, но и представителей официальных государственных статистических учреждений России, после февральского переворота 1917 года созвавших целый ряд совещаний по вопросу ее организации.

Такого же рода совещания были организованы летом 1918 года и в Киеве под руководством Н. Н. Черненкова и проф. А. И. Ярошевича при департаменте

---

[1]) В том же труде П. Макарова, стр. 24, указывается нечто другое, а именно, что в 1884 г. в Таврич. губ. по Мелитопол. у. С. А. Харизоменовым и К. А. Вернером была применена комбинировка числа десятин посева с числом рабоч. скота и работников в хозяйстве. Е. В.

сел.-хоз. экономии, статистики и кооперации министерства земледелия времен гетманщины, с участием проф. Челинцева, харьковского статистика Обер-Таллера, черниговского—Кострова и др.

Однако выработанный в этих совещаниях проект организации для юга России „Центрального бюро бюджетно-счетоводной статистики" провести в жизнь не удалось и удалось лишь поставить опыт организации бюджетно-счетоводных записей в мелких крестьянских хозяйствах по Черниговской губ., результаты которого еще не опубликованы.

Обращаясь к вопросу об изучении в статистике русских земств значения и форм промысловой деятельности мелкого трудового крестьянского хозяйства-двора, необходимо согласиться с высказанным в 1914 году в заседании статистической комиссии при московском обществе имени А. И. Чупрова, С. Н. Прокоповичем взглядом, что почти полное игнорирование при этом изучении положений общей экономической науки, отводящей в системе типов различных форм промышленности не мало места анализу экономической структуры сельских промыслов, являлось до недавнего времени основным грехом земской статистики, центр тяжести занятий селянина видевший в земледелии и не придававшей нужного значения ее промысловой деятельности.

И хотя специальной области аграрной статистики эта сторона хозяйственной деятельности крестьянского хозяйства-двора прямо и не касается, все же игнорировать совершенно ее она не в праве, так-как без изучения последней самое изучение аграрной статистикой главнейшего объекта ее существования—сел.-хоз. предприятия в его целом — получило бы односторонний и неполный, а следовательно и ошибочный характер.

В этом отношении упрек, брошенный С. Н. Прокоповичем по адресу всей земской статистики, равно относится и к аграрной статистике русских земств, поскольку мы хотим видеть в ней самостоятельную отрасль научно-статистического исследования сел.-хоз. действительности нашей страны в ее реальных объектах—индивидуальных и сложных по своей экономической структуре сел.-хоз. предприятий-хозяйств.

Как показали позднейшие исследования земской статистики в этом направлении, промысловая деятельность сельского населения у нас, в России, играет громаднейшую роль в его жизни.

Она определяет не только структуру его собственного хозяйства и взаимоотношение важнейших элементов последнего,—размеров семьи, землепользования и посева, —но и его отношение к денежному рынку, его бюджет и даже степень культурности самого производителя и его семьи.

То обстоятельство, что часто земледельческие крестьянские хозяйства, не отчуждающие свои рабочие силы в промыслы, выражают степень своего участия в денежном рынке только в сфере продажи и покупки сел.-хоз. продуктов и предметов домашнего обихода и хозяйственного инвентаря, а хозяйства промысловые, продающие рынку часть своего труда в промыслах, часть — в наемных рабочих руках, более сложно участвуют в современных рыночных отношениях, вызывает за собой определенные экономические и социальные следствия, находящиеся в прямой или обратной зависимости к тем причинам, по которым той или иной категорией хозяйств производится отвлечение от собственного земледелия или животноводства своих рабочих сил в промыслы и на рынок.

Эти причины бывают внешние и внутренние.

К внешним относятся несомненно—пространственное отношение, близость или отдаленность хозяйства к тому или иному земледельческому району рынка, покупающему продукты сельского промысла или рабочую силу крестьянства по более высокой оценке, чем та, которую оно по местным условиям может получить, применяя свой труд только в земледелии или животноводстве и только в своем собственном хозяйстве.

К внутренним относятся условия внутреннего существования и развития в самом себе крестьянского хозяйства, выражающиеся не только в количественных взаимоотношениях составляющих его основных элементов — семьи, ее рабочего и потребительного состава, площади землепользования и площади посева, количества скота и навозного удобрения на единицу посевной площади,—но и в качественной характеристике каждого из этих элементов,—в интенсивности человеческого труда, вкладываемого в земледелие и животноводство, в естественном богатстве почвы и ее потенциальном плодородии, в географическом и климатическом положении земельного участка, в возрастном и трудоспособном составе семьи, в обеспечении хозяйства живым и мертвым инвентарем, денежными средствами, семенами и удобрением и прочими средствами производства.

В частности исследования промысловых хозяйств позднейшего времени устанавливают, что на распространение промыслов в крестьянском хозяйстве сильно влияет, в порядке п р я м о й зависимости, размер семьи, а в порядке зависимости о б р а т н о й — размер запашки.

Оказывается, что чем больше площадь посева в хозяйстве при данном размере семьи, тем меньше случаев отпусков членов ее в промыслы. С ростом же показателя группы по размеру семьи растет и среднее количество промышленников на одно хозяйство. При этом, в исключительно тесной зависимости от размера семьи стоит распространенность отхожих промыслов. Чем же крупнее по посеву и многоземельнее крестьянское хозяйство, тем меньше % его членов обоего пола заняты в промыслах, тем реже применяется к промыслам детский труд.

Между промысловостью и земельным обеспечением крестьянского хозяйства обнаруживается, при этом, особо сложная связь: промысловость, влияя отрицательно на интенсивность купчего и арендного землепользования в крестьянстве, увеличивает у крупнопосевных и многоземельных хозяйств его сдачу их земли в аренду, уменьшает вообще среднюю площадь крестьянского землепользования и посева, освобождая тем самым значительные части удобной земли в свободный земельный фонд местного назначения и, подымая грамотность на общую культурность сельского населения, содействует интенсификации с.-х. производства в хозяйствах, ею охватываемых.

При этом равновесие рабочих сил с площадью обрабатываемой земли достигается в промысловых хозяйствах в большинстве случаев не путем увеличения этой площади закупкой или арендой новых участков земли, как то происходит в чисто земледельческих хозяйствах, а путем отчуждения излишних рабочих сил семьи на сторону.

Кроме того, увеличивая доходность сельского хозяйства доходами с промыслов и выгодным помещением в сторонних заработках излишних в земледелии рабочих рук крестьянской семьи, промысловость является тем самым одним из самых могучих факторов устойчивости мелкого трудового хозяйства, отвлекая, в первую очередь, в сторону промыслов хозяйства безлошадные и малоинвентарные, а во вторую—малоземельные с большим составом семей, т.-е. те хозяйства, которые без промыслов и сторонних заработков были бы обречены на пролетаризацию и пауперизацию.

Таково, в общих чертах, значение в жизни мелкого крестьянского земледельческого хозяйства-двора промысловости, принудившее, в конце-концов агр. статистику русских земств усиленно заняться ее серьезным изучением и принять в заседаниях статистической комиссии московского общества имени А. И. Чупрова, в 1914 году, по докладу М. С. Антиповича на тему „Объем и методология обследования промыслов“, пожелание, чтобы впредь в основу изучения промыслов в земской статистике была бы положена, без всяких урезок, указанная С. Н. Прокоповичем, система типов различных форм, промышленность, принятая в общей экономической науке, и чтобы в основу определения экономического значения в

крестьянском хозяйстве каждого отдельного промысла и ремесла были бы положены: 1) тщательный анализ его экономической структуры и 2) все те признаки, бытовые и территориальные, элементы которых выявляются в порядке основных исследований местной хозяйственной жизни—в порядке исчерпывающих подворных переписей.

„Исследование динамики сельского хозяйства и законов им управляющих", так была формулирована в совещании статистиков 1900 года „главнейшая задача", лежащая ныне перед земской статистикой.

Посмотрим же, что сделано ею в порядке осуществления этой задачи.

До конца 90-х годов прошлого столетия единственным материалом для суждения об экономических изменениях в крестьянском хозяйстве той или другой местности являлись военно-конские переписи.

Только позднее, с развитием земской статистики, появились повторные подворные переписи.

Однако, если судить по опубликованным земствами статистическим сборникам, таких переписей было произведено крайне немного, при чем недостатком их являлось то обстоятельство, что обычно они охватывали собой лишь незначительные территории отдельных уездов, разбросанных по разным губерниям. Лишь Полтавская губ. пережила три сплошных подворных переписи в 1899, 1900 и 1910 годах. Воронежская губ. имеет одну сплошную подворную перепись 1885 г., произведенную под руководством Ф. А. Щербины, и повторную части уездов, охватившую 40% всех крестьянских хозяйств в них, имевшую место в 1900 году. По Самарской губ. только Николаевский у. имеет две переписи — сплошную подворную 1888 года и вторую, частичную—1898 года. По Смоленской губ. Вяземский уезд сплошную подворную перепись имел в 1884 году, а вторую, такую же—в 1900 году; Сычевский у. той же губернии первую—в 1885 г. и вторую—1901 г. [1]). Кроме того повторные переписи, результаты которых еще не опубликованы, были произведены уже ныне 1900 года по Вельскому у. Вологодской губ., по Кромскому у. Орловской губ., по Днепровскому у. Таврической губ. и еще кое-где; повторные же исследования не сплошного, а частичного подворного характера имели место, под руководством Н. Каблукова, в Московской губ.

Большинство этих повторных исследований, однако, не задавалось целью изучать эволюцию типа хозяйств и потому дает возможность сравнивать лишь некоторые конечные результаты экономических изменений, происшедших с массой хозяйств данной местности в истекший промежуток времени между основным и повторным исследованиями.

Определить же характер процессов, развивавшихся в этих хозяйствах в тот же промежуток времени, и по ним определить самое направление в данной местности эволюции ее крестьянских хозяйств, на основании сравнения конечных результатов обоих исследований, само собой разумеется, оказывалось невозможным.

В силу этого, простое сопоставление их итогов, естественно, не удовлетворяло тех исследователей крестьянского хозяйства, которых интересовала именно их эволюция и законы, ею управляющие. Приходилось вырабатывать особые методы регистрации промежуточных моментов в жизни зарегистрированных двумя или тремя переписями хозяйств, дабы иметь возможность хоть отчасти проследить развитие и характер процессов, совершающихся в промежутках между переписями и уяснить себе смысл происходящих в хозяйствах экономических изменений.

---

[1]) Из работ типа повторных исследований следует также отметить разработку черниговскими статистиками в первых своих работах 80-х годов по двум уездам, параллельно с вновь собранным материалом—материала Румянцевской переписи 1865—68 гг., в Ярославской губ.—К. Я. Воробьевым, сопоставление нового земского материала с переписью государственных крестьян 1862 г. и работу Н. Л. Яснопольского: „Одно сельское общество Полтавской губ." с 1861 по 1901 год

Первые шаги в этом направлении были сделаны Н. Н. Черненковым в 1897 году при разработке им данных подворной переписи по шести волостям Петровского уезда Саратовской губ. и их сравнении с данными основной подворной переписи по тому же уезду. Ему первому принадлежит честь попытки в статистической литературе обрисовать, на основании тщательного анализа вышеуказанных данных, главнейшие моменты, характеризующие эволюцию внутрихозяйственных отношений в жизни крестьянских хозяйств-дворов, и значение происходящих в ней процессов разделов семей, их выселений и возвратов в деревню.

Второе исследование в направлении изучения динамики крестьянского хозяйства было проведено в 1900 году по Вяземскому у. Смоленской губ. П. П. Румянцевым, дополнившим Н. Н. Черненкова выяснением процесса обратных соединений распавшихся хозяйств, а также процесса соединения хозяйств не распадавшихся.

В 1901 году подобного же рода исследование было произведено С. М. Блекловым в отношении крестьянского хозяйства Днепровского у. Таврич. губ., однако результаты его еще не опубликованы.

В 1910 году исследование процессов динамики крестьянского хозяйства было повторено в отношении 11-ти волостей Моск. губ. П. А. Вихляевым в связи с вопросом о влиянии травосеяния на отдельные стороны его.

Исследование Г. А. Кущенко по Суражскому у. Черниговской губ. и А. И. Хрящевой по Епифанскому у. Тульской губ. в 1911 году являются последними работами агр. статистики русских земств в том же направлении, опубликованными в ее литературе.

Именно А. И. Хрящевой, в этой ее работе, принадлежит честь подведения итогов всех опытов земской статистики по уяснению процессов динамики и эволюции русского крестьянского хозяйства до начала мировой войны, смысл и значение которой ею были формулированы в таких словах:

„Сущность эволюции крестьянского хозяйства определяется не только повышением или понижением его экономического уровня, но и процессами социально-органического характера—разделами, соединениями, эмиграцией и вымиранием...

„Рост крестьянской семьи неизбежно приводит к ее распадению при данных условиях. Вырастая, семья стремится увеличить и свою земельную площадь и средства производства, но наступает момент, когда скопление в одном хозяйстве рабочих сил, предназначенных для своего сельского хозяйства, становится нерациональным...

„Тогда избыток земледельческого населения ищет применения своих сил вне старого хозяйства, приходя к разделу или к выселению из деревни...

„Только в местностях, близких к центрам промышленности, процесс отделения излишних производительных сил от земледелия начинает терять свое значение нивеллирующего и дробящего крестьянское хозяйство фактора и приобретает иное значение—фактора целесообразного перераспределения рабочих сил страны между земледелием и промышленностью...

„Однако, для значительной части русского крестьянства, поскольку оно живет и развивается в деревне, мало связанной с промышленными центрами, получается такой круг эволюции его хозяйства, который приводит его к дилемме — или распадения или выселения из деревни.

„Конкретно, вся эволюция русского крестьянского хозяйства выливается в условиях нашей отечественной действительности в этих двух результатах: в размножении хозяйств и в отслоении известной части тех из них, которые закончили путь своего развития или упадка в деревне, за пределы ее.

„При чем, процесс размножения — разделы, образуя кадры новых крестьянских хозяйств, способных к дальнейшему развитию, находится в прямой связи с процессом отслоения крайних групп, которое тем более интенсивно, чем интенсивнее размножение".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Организационно-производственное направление аграрно-экономической статистики русских земств, его связь с бюджетными исследованиями и проблема сел.-хоз. районирования России.

В предыдущей главе мы остановились коротко на том, что „характеристика хозяйств по внутренним,—„организационным" другими словами—признакам, явилась существенным основного требования всей русской аграрно-экономической статистики последних лет".

В историческом развитии русской агр.-эконом. статистики это обозначало победу так-называемого организационно-производственного направления в ней над главенствовавшим до 90-х годов направлением социально-экономическим.

Идеологом этого направления мы назвали покойного проф. В. Г. Бажаева, с особой четкостью изложившего теорию его в своем докладе статистической подсекции XII съезда естествоиспытателей и врачей—„О статистическом изучении систем земледелия", выдержки из которого мы приводили.

Однако, основную идею этого нового статистического воззрения—идею внутренней автономности и целостности хозяйства, как хозяйственной организации, во всех своих частях, во всех входящих в нее элементах сел.-хоз. производства, занято соподчиненной единой общей цели—идее хозяйства, или, как выражается проф. Косинский, „интересу хозяйствующего центра",—мы находим еще раньше у А. В. Пешехонова, в его исследовании крестьянского хозяйства по Козельскому уезду.

К тому же направлению временами приближается и П. А. Вихляев—в заключительной главе своей работы о „Влиянии травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства" (в Москов. губ.) и в исследованиях по Тверской губ.

Наиболее же ярко организационно-производственные воззрения представлены А. В. Чаяновым, Б. Д. Бруцкусом и в особенности у А. И. Челинцева и его школы харьковских статистиков 1917—1920 лет.

У них находит себе наиболее последовательную и глубокую разработку идея организации хозяйства в основных ее гранях.

Развивая в одной из глав своей работы „Крестьянское хозяйство и его эволюция" (Ученые труды Кооперативного института, Москва, т. I. Изд. Совета всероссийских съездов) идею необходимости синтеза этих двух основных течений в аграрно-экономической статистике русских земств — социально-экономического и организационно-производственного, - И. Макаров в таких чертах передает сущность воззрений названных выше исследователей:

„Идея субъективной целостности и единства хозяйства наиболее развертывается у А. В. Чаянова в его „Очерках по теории трудового хозяйства“; но и во всех других его работах мы встречаемся все с той же идеей „единства организационного плана земледельческого хозяйства“.—„Нет ни одной отрасли хозяйства, которая не была бы так или иначе связана со всеми другими отраслями (см. Сб. лекций по льняному делу. Москва, 1915 г., стр. 63), а в другом месте он пишет: „абсурдно представить себе душу человека на пустом месте, ибо эта душа есть не более, как качественный и количественный способ сочетания производственных сил хозяйства, теснейшим образом зависящий и отвечающий на запросы всех внешних воздействий— короче, это есть организационный план хозяйства“.

(А. Чаянов: „Лен и другие культуры“. М. 1912, стр. VII—VIII). „Не существует отдельных культур, отдельных сторон хозяйства, а есть только одно хозяйство, одна хозяйственная система и малейшее изменение в одном из ее звеньев неизбежно отражается и на других“. (А. Чаянов. Ibidem.)

Но весь план подчиняется у Чаянова, в конечном итоге, давлению основной главной идеи для него: соотношению между едоками — потребительными запросами семьи, и рабочими-производственными силами хозяйства. В этом своеобразии и выражается субъективное единство хозяйства и его давление на всю хозяйственную жизнь. И к вопросу о роли отдельных культур, и к вопросу о применении орудий и т. д. автор подходит через призму этого отправного пункта внутри хозяйственной связи едоков и работников.

Б. Д. Бруцкус отдает себе ясный отчет о субъективном единстве, в особенности когда он в предисловии к русскому переводу Аэробоэ — „Основы сел.-хоз. экономии“, — подчеркивает связь новых течений в сел.-хоз. экономии с принципом предельной полезности, как с субъективным оценочным принципом, и говорит, что вместо прежнего, малосвязанного рассмотрения организации отдельных частей производства, проф. Аэробоэ конструирует всю организацию хозяйства, исходя из одного экономического принципа. Он состоит в подразделении каждого элемента производства, входящего в состав взаимодействующей системы на последовательные доли. (Аэробоэ, „Основы сел.-хоз. экономии, предисловие).

Но все же больше всего Б. Д. Бруцкус в своих статьях „Об основном законе сельского хозяйства“ и „Очерки крестьянского хозяйства в Западной Европе“ и, в особенности, в статьях о „системах сельского хозяйства“—говорит об объективной организационной целостности хозяйства: подавляющее большинство сел.-хоз. предприятий представляет из себя своего рода организмы, состоящие из множества координированных между собою частей. Отсюда и слово „система“ в применении к хозяйству часто значит нечто составленное из нескольких частей, соединенных в одно целое.

(Бруцкус: „К критике учений о системах хозяйства“,—„Журнал. сел. хозяйства и лесоводства“, 1909. Сентябрь, стр. 3—4.)

А. Н. Челинцев в своих статистических исследованиях русского сельского хозяйства по районам, вместе с Б. Д. Бруцкусом, устанавливает „генетические признаки“ сельского хозяйства, которые сводятся к трем следующим группам:

а) к способам поддержания плодородия, изменения коих соединены с

б) переменами в доле пахоты относительно естественных кормовых угодий в пользовании пахоты и

в) с положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства.

Эти грубо технические признаки устанавливают определенную объективную точку зрения, при помощи которой А. Н. Челинцев без конца подходит к анализу жизни хозяйств самых различных районов и частей света.

(А. Челинцев: „Очерки по сел.-хоз. экон.“; „Культ. уровень сельск. хоз. по эконом. район. Евр. Рос.“ стр. 265.)

„Генетические признаки,—говорит А. Н. Челинцев,—наиболее важны и всего лучше характеризируют сущность сел.-хоз. производства, т.-е. его условия организации, уровень техники и производительность сел.-хоз. площади... Нужные нам признаки должны стоять в тесной связи с общей организацией хозяйства, и даже севооборот не должен быть взят без других признаков, указывающих на всю обстановку и строй хозяйства". (А. Н. Челинцев: „Очерки по сел.-хоз. экономии", „Журнал сел. хоз. и лесоводства", 1910, кн. X.)

Однако, А. Н. Челинцев не обходит ни влияния экономических особенностей крестьянского хозяйства на его организационный строй, ни влияния на тот же строй экономических условий, стоящих вне хозяйства.

К первым он относит те экономические признаки, которые определяют крестьянское хозяйство как трудовое — постоянство среднего уровня крестьянской семьи, ограниченность в крестьянском хозяйстве количества живого человеческого труда с одной стороны числом работников в семье, с другой—степенью „самоэксплоатации", ограниченность предела рабочих дней собственных работников на 1 дес. хозяйственной площади, зависимость от размера хозяйственной площади состава и состояния сел.-хоз. отраслей — земледелия и животноводства, зависимость от меры самоэксплоатации собственной рабочей силы высоты потребительного бюджета на одного едока, и т. д. или, коротко — „строй потребления хозяйствующей семьи" и „запас реализуемого в хозяйстве труда". Эти признаки А. Н. Челинцев называет внутрихозяйственными факторами организации сельского хозяйства.

(См. проф. А. Н. Челинцев: „Теоретические основания организации крестьянского хозяйства". Харьков, 1919, стр. 6—10.)

Ко вторым он относит рынок на сел.-хоз. продукты, определенно подчеркивая влияние на тип сельского хозяйства не только степени удаленности и силы развития этого рынка, но и рода и количества сбываемого продукта.

Этому влиянию он придает такое исключительно важное значение, что не затрудняется признать, что „сложившийся строй сел.-хоз. рыночных отношений является показателем стадий развития сел.-хоз. производства" (ibid., 53 стр.), но тут же подчеркивает, что влияние рыночных отношений на тип организации местного хозяйства со своей стороны является как бы производным фактором, „так-как оно „осложняется влиянием природной обстановки" (напр. состоянием грунта проселочных дорог, присутствием водной артерии и пр.) (ibid., стр. 57).

Что касается рыночных цен на сел.-хоз. продукты, то им А. Н. Челинцев отводит крайне ограниченную роль в смысле их влияния на организационные формы крестьянского хозяйства, устанавливая, что цены на сел.-хоз. продукты получают организационное значение только в пределах тех местных рыночных отраслей сел. хозяйства, кои по всему укладу хозяйства являются единственным средством (курсив наш. Е. В.) дальнейшего расширения производительности площади хозяйства, которая иначе была бы недостаточна (ibid., стр. 63).

Комплицировано и влияние на строй сельского крестьянского хозяйства его удаленность от рынка. Оно связано с внутрихозяйственными факторами его организации — с плотностью сел.-хоз. населения, или со степенью земельного утеснения—это с одной стороны, а с другой—с неодинаковой затратой трудовых усилий на доставку сел.-хоз. продуктов на рынок (ibid., стр. 64).

В общем, А. Н. Челинцев в закон Тюнена о влиянии на состояние и строй сел. хозяйства расстояния его от рынка вносит поправку, ограничивая правильность этого закона рамками „одной и той же плотности с.-х. населения при прочих одинаковых условиях" (ibid., стр. 67).

Кроме указанных внутрихозяйственных и внешнехозяйственных признаков, влияющих на организационный строй сельского крестьянского хозяйства порознь и в различных состояниях, в разной мере и степени этих влияний для разных „типов" хозяйств, А. Н. Челинцев посвящает в том же труде „Теоретические основания

организации крестьянского хозяйства" особую главу „промыслам", как условию организации его сельского хозяйства", рассматривая их как своего рода промежуточный—и внутрихозяйственный и внешнехозяйственный, но все же в конечном счете—экономический фактор.

Влияние внутрихозяйственных факторов организации сел. хозяйства в крестьянском хозяйстве А. Н. Челинцев подробно анализирует в отношении различных отраслей последнего: на земледелие, на связь земледелия с животноводством, на животноводство вообще, на разные отрасли продуктивного животноводства, на рабочее скотоводство, на птицеводство, по синтеза своим выводам не дает, в результате чего от его чрезвычайно ценной работы, по существу, остается досадное впечатление недоконченности, недоговоренности.

Надо полагать, что синтез этот нашел себе законченное выражение в его другом солидном труде, изданном в Харькове в 1920 году под заглавием „Основные вопросы экономии и организации крестьянского хозяйства", к сожалению не имеющемуся у нас под руками, в котором, судя по заглавию, он пытается осуществить высказанную почти одновременно с ним Н. Макаровым, в его, нами уже неоднократно цитированном труде „Крестьянское хозяйство и его эволюция", идею синтеза обоих направлений в русской аграрно-экономической статистике.

Прямым продолжателем идей А. В. Чаянова является его последователь московский сел.-хоз. статистик-экономист, ныне профессор Саратовского университета, А. А. Рыбников, в своих работах по льноводству в крестьянском хозяйстве не раз с большой рельефностью выражавший идею целостности хозяйства.

„Если мы изобразим затрату труда крестьянского хозяйства в виде круга и впишем в этот круг льноводство в виде сектора, то при расширении сектора мы увидим, что остальные области хозяйства начинают отступать, сокращаться"... (А. Рыбников: „Крестьянское промышленное льноводство". Москва, 1915, стр. 6.)

На точке понимания „производственной замкнутости" и „ограниченности", как исходных пунктов организации сельского крестьянского хозяйства, стоял и Н. Макаров, в итогах своей работы о крестьянском хозяйстве в Моск. у. в 1914 году формулировавший свое отношение к крестьянскому хозяйству, как к „целесообразной, внутренней закономерной системе действий и отношений", как к какой-то „замкнутой производственной величине"...

Как мы видели выше, А. Н. Челинцев раздвигает сильно границы этой „замкнутости" в своих исследованиях, указывая на зависимость организационного строя крестьянского хозяйства не только от его генетических, организационно-производственных, узко-внутренних признаков, дополняемых внутрихозяйственными, но и от признаков экономических, внешних к этому хозяйству, и даже от признаков природных—естественно-исторических.

А в 1920 году и Н. Макаров должен был признать, что „организационно-производственное направление не может сколько-нибудь долго удерживать свой анализ вне социально-групповых представлений", ибо за это время уже выяснилось, что „постоянное общение и ход идеологической истории" мало-по-малу приводили к тому, что оба направления, „а вместе с тем и содержание понятий двух указанных категорий", все чаще и чаще стали „персонально объединяться". Происходило как бы взаимное „психическое заражение". Одни и те же вопросы все чаще становились интересными для обоих сторон, но особенно для „организационно-производственной школы".

„Процесс взаимного проникновения двух течений совершался тем путем, что социально-экономическое направление переходило к организационно-производственному анализу отдельных социально-экономических групп хозяйств для выяснения своей социально-экономической проблемы", а в организационно-производственном течении, в то же время, совершался" все больший переход к анализу организации хозяйств в различных социально-экономических группах хозяйства", и этот переход

совершался „тем легче, что развивается взгляд на группы хозяйств, тоже как на стадии эволюции организации хозяйства".

(П. Макаров: „Крестьянское хозяйство и его эволюция", т. I, стр. 58 и стр. 55.)

С другой стороны, еще раньше, чем начался процесс объединения в аграрно-экономической статистике России ее двух основных — социально-экономического и организационно-производственного—направлений, произошло еще одно, чрезвычайно знаменательное событие в ходе ее исторического развития — бюджетные исследования, о которых говорилось в предыдущей главе, выйдя из недр социально-экономического направления, стали основным фундаментом, как методологическим, так и материальным, для направления организационно-производственного.

Начало этого слияния датируется периодом расцвета бюджетных исследований в практике аграрно-экономической статистики русских земств, периодом с 1894 по 1901 гг., между IX и X съездами „естествоиспытателей и врачей", на которых подсекция статистиков обычно подводила свои итоги, когда, по выражению А. Н. Челинцева, „бюджетные работы, по мере своего развития, не только по своему содержанию, но и по своим задачам", стали постепенно переносить „центр внимания с бюджета семьи на бюджет хозяйства". (А. Челинцев: „Счетоводный анализ крестьянского хозяйства", Москва, стр.; А. Чаянов: „Опыт разработки бюджетных данных по 104-му хозяйству, т. I. Введение. История бюджетных исследований". М. 1915.)

Что касается бюджетных работ предшествовавшего периода—до 1894 года, то, начиная с работ М. П. Семенова и Д. Н. Анучина в 1877—78 гг., А. В. Чаянов до 1884 года насчитывает по России до 23 работ по исследованию бюджетов, из которых особенно выделяются работы В. Постникова, Т. Осадчего, Покровского и Ф. Щербины.

Эти исследования всецело служат социально-экономическому направлению и в первой своей стадии изучают главным образом потребление.

В период, указанный нами выше — с 1894 по 1901 гг., было произведено 12 исследований, среди которых выделяются тем признаком, на который указал А. В. Чаянов в вышеприведенной цитате, бюджеты киргизские, воронежские (Ф. Щербина) и калужские (А. Пешехонов.)

„Если—пишет А. В. Чаянов в той же работе—Ф. Щербина в своей текстовой разработке интересовался тем, какой процент хозяйственные расходы занимают в общей сумме расходов семьи и что влияет на размер этого процента, то очень скоро исследователи, сопоставляя хозяйственные расходы с хозяйственными доходами, будут начислять чистую прибыль отраслей хозяйства или оплату труда".

(А. Чаянов: „Опыт разработки бюджетных данных..." т. I. Введение, стр. 35.)

„И в частности — добавляет к этому П. П. Макаров—А. В. Пешехонов дает широко развернутую картину организации производства в крестьянском хозяйстве, пользуясь бюджетным материалом". (П. П. Макаров: „Крестьянское хозяйство и его эволюция", т. I. стр. 47.)

Вскоре появляются вологодские и херсонские бюджеты; при этом последние используются последователем Арнольдом для выяснения целого рода агрономических проблем.

С 1901 по 1909 гг. появляется 21 бюджетная работа, при чем на XI съезде естествоиспытателей и врачей в подсекции статистики, но уже упоминавшемуся нами в другом месте докладу покойного проф. В. Д. Бажаева „об изучении систем сельского хозяйства", указывалось на бюджетные исследования, как на желательный путь изучения систем сельского хозяйства.

С 1909 года по 1915 год опубликовывается еще 17 работ, в том числе и бюджетные исследования А. В. Чаянова и черниговского статистика Н. П. Кострова, выступавшего на упомянутых в предыдущих главах совещаниях статистиков летом 1918 года в Киеве при департаменте сел.-хоз. экономии, статистики и кооперации

мин. земледелия Украинской державы докладчиком по организации в общегосударственном масштабе, в специально устанавливаемых по выборочному методу гнездах, систематических бюджетно-счетоводных записей.

В этих работах проводится уже вплотную — на основе бюджетных данных организационно-производственный анализ крестьянского хозяйства.

В них,—как говорит Н. Макаров,—„счетоводный анализ окончательно синтезируется с организационно-производственным изучением крестьянского хозяйства".

И далее, в бюджетных исследованиях вырабатываются формально-логические очертания основных идей организационно-производственной точки зрения.

„Идея целостности, идея связи и воздействия частей хозяйства между собой и целым—все это вынашивалось в бюджетных исследованиях". (Н. Макаров „Крестьянское хозяйство etc.", стр. 48.)

По-другому обстоял вопрос с организационным анализом. В своем материальном содержании он был менее связан с бюджетными исследованиями и более развивался в учениях о системах сельского хозяйства, на статистическом изучении которых под углом зрения именно такового анализа настаивал проф. Б. Д. Бажаев. Кроме Бажаева из русских статистиков системами хозяйств интересовались А. И. Чупров, рассматривавший их с точки зрения соотношения затрат так-называемых факторов производства—труда, капитала и сил природы; К. А. Вернер и А. Ф. Фортунатов, упиравшие на важность качественного различия факторов производства при различии систем хозяйств, и, наконец, в последние годы Б. Д. Бруцкус, в своем этюде „К критике учений о системах хозяйства", 1909 г., с А. Н. Челинцевым в его „Очерках по сел.-хоз. экономии" (1910 г.) приступают к изучению систем крестьянских хозяйств под углом той точки зрения, которая гласит: „интенсивность хозяйства и направление его—это два выражения одного и того же состояния хозяйства".

Установленные ими для характеристики систем хозяйств четыре признака:

1) систему земледелия, как соотношение между угодьями и между группами высеваемых на пашне растений;

2) способ обеспечения плодородия почвы;

3) соотношение между двумя важнейшими отраслями сел. хозяйства — земледелием и скотоводством и

4) ближайший характер продуктов, являющихся главной целью производства— в своих разных качественных выражениях одновременно изображали и разные ступени интенсивности хозяйства и таким образом оказывались пригодными не только для характеристики систем отдельных хозяйств, но и для определения сельско-хозяйственных районов, их распространения, относительно чего до того времени, как говорил проф. А. Ф. Фортунатов, русская аграрно-экономическая наука „еще не располагала достаточными сведениями и не имела средств, чтобы определить относительную важность отдельных признаков, которыми характеризуются сел.-хоз. положения различных местностей [1]).

Эти признаки устанавливались теперь в работах Б. Д. Бруцкуса и А. Н. Челинцева и таким образом открывалась возможность сознательного подхода к проблеме сел.-хоз. районирования России, материал к которому дали с одной стороны частичные подворные переписи, производившиеся в разное время по губерниям, а с другой данные всероссийских сел.-хоз. переписей 1916 и 1917 гг.

Почти одновременно с ними дали опыты сельско-хозяйственного районирования еще несколько авторов: В. В. Винер, в своей работе „Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства". (Спб. 1908 г., харьковские последователи А. Н. Челинцева—И. П. Коротков по Харьковской губ., проф. Н. П. Кажанов по всей

---

[1]) „К вопросу о сел.-хоз. районах России" в „Трудах Вол.-Эконом. о-ва" за 1896 год и в более поздней работе его „К географии преобладающих яровых посевов".

левобережной Украине (1919—1920 гг.) [1]), А. Г. Дояренко, в своей работе „Сел.-хоз. области с расположением опытных учреждений по материалам всероссийских и областных совещаний 1919—1920 гг.“ и Г. И. Баскин—„Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства“. Самара, 1921 г.

Как констатирует Н. М. Макаров—„вопрос о реальном изучении систем сельского хозяйства наиболее поддерживался именно проблемой разделения России на сел.-хоз. районы“, ибо — „в процессе этого изучения вырабатывались те признаки, по которым судили об организации хозяйства и устанавливались те условия, которые влияли на выбор организационного типа“. (Н. Макаров „Крестьянское хозяйство“, т. I., стр. 50.)

В предыдущих главах мы говорили о земских работах в этом направлении, о „нижегородском типе“ исследования, о работах проф. Докучаева, Сибирцева; о почвенной карте Европейской России Тенфилова, составленной с использованием в значительной мере материалов аграрно-экономической статистики бывших земств.

Таким образом начало смешанного научно-естественного и статистического в то же время подхода к вопросам сел.-хоз. районирования территорий в аграрно-экономической статистике надо датировать эпохой восьмидесятых годов прошлого столетия.

С этого времени работы аграрно-экономической статистики бывших земств все сильнее и сильнее начинают связываться в своих задачах с работами агрономических отделов земств, которые в своих исследованиях естественно-исторических условий соответствующих территорий давали базу к установлению в их пределах первичных, пока еще искусственно отграниченных случайными административными границами губерний, признаков сел.-хоз. районирования. Климат почвы, растительный покров, как предпосылки к определению географических поясов различных степеней распространенности тех или других полевых культур и силы их средней урожайности, не могли, конечно, не привлечь внимания хоть сколько-нибудь вдумчивых сел.-хоз. статистиков. Между ними и почвоведами, агрономами, геологами, климатологами и другими представителями научного естествознания устанавливается крепкий органический контакт, приведший в 90-х годах прошлого столетия земскую статистику на всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей.

В том же направлении в свое время на юге работал известный статистик Д. И. Журавский, давший естественно-историческое описание Киевской губернии.

В дальнейшем методологическую обстановку работам по сельско-хозяйственному районированию России дает в 1896 г. А. Ф. Фортунатов, в работе—„К вопросу о сельско-хозяйственных районах России“ и с этого времени русская аграрно-экономическая статистика пытается уже перейти от погубернского районирования к областному, во всероссийском масштабе, с игнорированием искусственных административных границ. В этом отношении представляют большой методологический интерес опыты того же А. Ф. Фортунатова и П. Б. Кулябко-Корецкого, которые, по отзыву самого А. Ф. Фортунатова, не увенчались успехом по двум причинам: 1) потому, что „до того времени аграрно-экономическая статистика еще не располагала средствами для того, чтобы определить относительную важность отдельных признаков, которыми характеризуется сельско-хозяйственное положение различных местностей“, и 2) потому, что к тому времени русская, повидимому экономическая, география, „не выработала еще какого-либо общепринятого разделения России на хозяйственные и общие районы“.

(„К вопросу о сел.-хоз. районах России“ в „Трудах В.-Эк. Об-ства“ за 1896 г. № 5, и в позднейшей работе „К географии преобладающих яровых посевов“.)

---

[1]) За последнее время получены сведения о подобного же рода работе по данным переписи 1917 г. в отношении Туркестана, произведенной проф. Н. Н. Кажановым, как проф. Ташкентского университета. Е. В.

В этих работах, как и во многих дальнейших, земского типа, естественно-историческая точка зрения лежит в основе, с которой связывается и экономическое своеобразие каждого района.

Лишь в 1898 году Д. И. Рихтером, в его работе „Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам“ (см. „Труды В.-Э. Об-ва“ 1898 г. № 4) делается попытка наметить с двух сторон классификационные признаки районов — со стороны естественно-исторических условий и со стороны условий экономических, не подчиняя их друг другу, а располагая в известном комбинационном сочетании.

Из этих признаков, со стороны естественно-исторических, Д. И. Рихтер брал почву, распределение влаги, климат и растительный покров, а со стороны экономических — густоту населения, его занятие, распределение земель на угодия, условия землевладения и землепользования, развитие скотоводства, сбор сел.-хоз. продуктов и данные этнографического, исторического и административного характера.

Этой работой начинается критический период в постановке проблемы.

По отношению к ней „Районирование России по угодьям и культурам“ А. Ф. Фортунатова в 1892 году является частичным опытом, не имевшим успеха по тем же самым основаниям, на которые было им же указано раньше. По этим же основаниям и работа Д. И. Рихтера реальных результатов не дала. Она лишь способствовала установлению критических точек зрения, положивших начало, в дальнейшем развитии аграрно-экономической статистики, трех методологических направлений в работах по районированию:

а) физико-географическому, в лице А. И. Скворцова, пытавшемуся монистически все деление России на хозяйственные, в том числе и сел.-хоз., районы свести к естественно-историческим условиям. Наиболее утрировано это направление выражено у В. В. Винера в его работе „Проект организации порайонного изучения сельского хозяйства“. Спб. 1908 г. и у проф. А. Г. Дояренко в его труде „Сел.-хоз. области с расположением опытных учреждений по материалам всероссийских и областных совещаний 1919 года“. М. 1920;

б) чисто экономическому, пытающемуся в лице Г. И. Баскина путем приложения к анализу различных групп и типов сел. хозяйства дистанционного признака установить сел.-хоз. районы по степени их связанности с пунктами сбыта или, как он говорит в последних работах, с культурно-экономическими центрами, выражаемой в их отдаленности от последних (перефразировки теории Тюнена и „хлебо-торговых районов“), и

в) организационно-производственному, в лице А. Н. Челинцева и его школы, устанавливающему сел.-хоз. районы по признакам преобладания в них той или иной системы хозяйства, той или иной формы его организационного внутреннего строя.

Все эти три направления, к началу 1921 года, обнаружили явную тенденцию к синтетическому обобщению своих методов и к установлению связи специального сельско-хозяйственного районирования с проблемой общего экономического районирования и задачей построения общегосударственного хозяйственного плана ее на основе учета всех моментов развития ее силового хозяйства.

В своей неоднократно упоминавшейся нами работе Н. Макарова, вышедшей в свет в 1920 году—„Крестьянское хозяйство и его эволюция“, автор ее является предвозвестником грядущего синтеза всех указанных выше трех направлений в русской аграрно-экономической статистике. Первой же ласточкой этого синтеза, по крайней мере попытки его научно-критического построения, является только-что выпущенная Народным комиссариатом земледелия работа Б. Н. Кипповича — „К методологии районирования“ („Труды отдела сел.-хоз. экономии и статистики Наркомзема“, т. II.—„Сельско-хоз. районы России“, вып. 1. Москва, 1921 г.).

К сожалению, издание этой чрезвычайно ценной работы, дающей в первом выпуске своем сравнительный анализ всех имевших место до сего времени подходов

к проблемме сельско-хозяйственного районирования России, еще не закончено, что не дает нам возможности в настоящем изложении высказать о ней окончательное мнение. Это, конечно, не мешает нам указать уже на то, что обнаруженная автором громадная эрудиция по вопросам, охватывающим содержание первого выпуска его труда, в связи с его оригинальным подходом к основной задаче последнего—к установлению синтетических признаков научно-критического построения сельско-хозяйственных районов России — ставят работу Б. Н. Книповича на одно из первых мест в цикле научно-методологической литературы русской аграрно-экономической статистики последнего времени.

Из работ, развивающих положения школы А. Н. Челинцева в применении к вопросам мелкого сел.-хоз. районирования, необходимо также отметить работы проф. Н. П. Никитина—„Хозяйственные районы Европейской России". Москва, 1918 г. „Разделение Московской губ. на сел.-хоз. районы", вып. 1. Москва, 1921 г.; проф. А. А. Кауфмана—„К вопросу о районировании дробного масштаба—хозяйственные районы Петроградской губ.". Петроград, 1918 г.; В. Л. Брука—„Производственные районы Воронежской губ.". Воронеж, 1921 г., и И. П. Короткова: „Опыт разделения Харьковской губ. на сел.-хоз. районы". Харьков 1919 г.

Часть II-ая

Методология и техника аграрно-экономической статистики

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Предварительные замечания по общей теории статистического метода и ее значения в аграрно-экономической статистике.

Говорить о методологии и технике аграрно-экономической статистики — это значит говорить о применении к изучению явлений с.-х. действительности того почти не изучаемого в логике метода исследования, одной стороной которого является чисто эмпирическое наблюдение и арифметический учет массово повторяющихся явлений этой действительности, а с другой качественный анализ этих самых явлений с помощью различных приемов элементарной и высшей математики, а также открытие и исследование существующих среди них причинных связей и законозависимостей путем соответствующего применения к измерению основных положений теории вероятностей и корреляционного счисления.

Сложность этого метода, в отличие от обычных методов логического мышления— индуктивного и дедуктивного — называемого методом статистическим, объясняется сложностью самых объектов изучения, к которым он прилагается; сложностью массовых явлений, изучение которых при помощи чистых методов индукции и дедукции оказывается почти не достигающим необходимой степени научной полноты и достоверности.

В этом отношении статистический метод в последние десятилетия завоевывающий для своего применения все новые и новые области наук, как специальных, так и естественных, и вытесняющий из них постепенно оба метода логического мышления, может быть оценен как попытка исследователей найти новое, более усовершенствованное, орудие для получения необходимого знания о сложнейших явлениях и фактах развивающейся вокруг нас естественной и социальной жизни и о законах, ими управляющих.

И поскольку в статистическом методе синтезируются все, наиболее творческие, элементы как эмпирической индукции, так и философской дедукции, постольку он может быть назван последним и новым словом в области логического мышления человека.

И если до сего времени в последней главе логики (о методах) статистический метод, как новая форма человеческого мышления, еще почти не рассматривается, то причину этого обстоятельства надо видеть, пожалуй, в том, что, вырабатываясь постепенно из чисто эмпирических приемов первоначального массового наблюдения над повторяющимися фактами и явлениями, как естественной, так и социальной жизни, путем аналогичным обыкновенной индукции, он не привлекал в себе особого внимания людей кабинетной науки то тех пор, пока в своем развитии он не дошел до высших форм, форм совершенно оригинальных, — статистического умозаключения.

При этом, идее признания статистического метода, как вполне оригинальной, третьей формы логического мышления человека, вредят в значительной мере неразработанность его теории и разногласия по поводу его, царящие в среде самих статистиков.

В этом отношении необходимо указать, что теория статистического метода еще и по сей день переживает период исканий и часто даже как бы противополагается теории статистики.

Как это ни странно, но считается и по сей день вполне допустимым трактовать отдельно о теории статистики и о ее методе и говорить о последнем лишь как о совокупности только технических приемов получения об изучаемых массовых явлениях „неполного" знания, не имеющего, „почти никакого научного значения" (мнение покойного проф. А. А. Кауфмана в его „Теории и методах статистики" Е. В.).

Едва ли не первой попыткой противоставить статистику-метод статистике-технике, как систему приемов, правил и схем в области практической познавательной работы; статистике, как методологическому учению,—является уже упомянутая нами однажды работа проф. Е. Е. Слуцкого, опубликованная под заглавием „Статистика и математика" в 1916 году в книжке № 3—4 „Статистического Вестника", в которой он пытается—„довести до конца рассуждения о логическом месте учения о статистическом методе в системе знаний"; но и в этой работе проф. Е. Е. Слуцкий не доходит до конца—он продолжает смешивать учение о статистической методологии с теоретической статистикой и видит в самом статистическом методе не новую форму мышления человека, а лишь „своеобразное применение к счету элементов совокупностей обыкновенных арифметических операций".

Гораздо ближе к определению „логического места" в системе знаний для статистического метода подходит проф. А. А. Чупров в своей работе „Статистика и статистический метод", специально посвященной этой теме.

Он определенно противоставляет сферу статистического познания сфере познания логического и даже совершенно переносит из логики в область статистической методологии два метода индукции — метод сопутствующих изменений и метод разницы, полагая и утверждая, что оба этих метода „покоятся на соображениях совершенно отличных от тех, что лежат в основании индуктивного вывода"—на соображениях статистического характера (ibid., стр. 63).

Неоднократно в своих многочисленных научных трудах, лекциях и докладах возвращается проф. А. А. Чупров к попыткам обоснования особой „статистической точки зрения", лежащей, по его мнению, в основе человеческого миросознания и определяющей собой особые „статистические" формы знания, постигаемого нами в условиях массовых средних итогов закономерностей, вне необходимости знать в точности все, приводящие к ним, единичные факты и процессы.

„Повсюду,—утверждает проф. А. А. Чупров,—где наша мысль (будь то в области естествознания, будь то в области обществоведения. Е. В.) наталкивается на неорганизованное планомерно равновесие системы индивидуальностей, находящихся в некотором взаимодействии и в то же время осуществляющих свои особые жизненные цели, — научное размышление об условиях, устанавливающих подобное равновесие, при отсутствии направленных на его поддержку забот, приводит к статистике и к закону больших чисел, являющемуся логической основой статистической точки зрения и внутренним оправданием тому отказу нашей мысли от слежения за отдельными явлениями, тому стремлению ее объединить их в совокупностях, которые характеризуют самый ход статистического исследования и определяют его методы".

Основной целью этого исследования, согласно проф. А. А. Чупрову, является „схватить связи" между интересующими нас явлениями и „законы" этих связей, особенно в тех случаях, „непостижимых при посредстве применения удобных и несложных путей, описываемых в логике под именем мето-

дов индукции, когда действительная сложность явлений не позволяет исследователю проследить все взаимодействия между этими явлениями, связывающие их одно с другим в запутаннейший узел причин и следствий".

Отсюда, из самой цели исследования и из сложности изучаемого в статистике мира массовых явлений, вытекают и пути его, определяемые в статистической методологии и, как в особой отрасли логического мышления человека, синтезирующей в себе все творческие элементы как индуктивного анализа, так и дедукции.

Однако вопрос о том, как должны синтезироваться и в каких взаимоотношениях должны находиться друг к другу эти элементы при статистическом анализе массовых явлений и их совокупностей, теорией статистического метода далеко еще не разрешен и, как это ни печально, единого мнения по поводу его в среде статистиков не существует.

Одни из них, следуя за проф. Янсоном, признают основными элементами статистического метода лишь метод совпадений и метод сопутствующих изменений, из четырех методов индукции. Профессор А. Ф. Фортунатов еще более ограничивает роль индукции в статистической методологии, останавливаясь исключительно на методе сопутствующих изменений. Проф. А. А. Чупров, как мы видели выше, идет еще дальше: он просто считает недоразумением отнесение к методам индукции метод разницы и сопутствующих изменений и переносит их без оговорок в область статистической методологии. В противовес этой группе ученых проф. К. Г. Воблый считает для статистики пригодными, хотя и не в одинаковой степени, все четыре формы индуктивного метода, следуя в этом за проф. Н. А. Каблуковым и проф. А. И. Анциферовым, говорящими о пяти формах индуктивного метода; профессор же Л. В. Ходский расширяет эту пригодность не только на все без исключения формы метода индукции, но и на дедуктивный, оговариваясь лишь об их „относительной приложимости" к статистике. Осторожнее поступает проф. А. А. Кауфман, высказываясь лишь за признание „аналогичности" методам книг индукции статистических приемов исследования и видя в приложении к ним математических формул и теории вероятностей лишь „пропедевтический смысл".

На крайнем фланге понимания статистического метода, как метода исключительно дедуктивно-математического, стоящего всецело на основе теории вероятностей и призванного изучить между массовыми явлениями и их совокупностями не столько обыкновенные функциональные связи и зависимости, сколько связи и зависимости корреляционные, при которых „каждому значению одной величины, одного фактора или каждой совокупности значений всех факторов или величин, существенных для данного явления, соответствует не одно, как при функциональной зависимости, а целый комплекс значений"—стоит школа последователей математической теории статистики, из среды русских статистиков, имеющая в своих рядах проф. Андерсена, проф. А. В. Леонтовича, проф. Р. М. Орженцкого, М. Е. Подтягина, Е. Е. Слуцкого и др.

Среднюю позицию среди этих групп занимает, все же, проф. А. А. Чупров, совершенно отделяющий, как мы видели выше, область статистической методологии от общепринятого в логике учения о методах индуктивного мышления, но, с другой стороны, ищущий примирения и с „математиками", и соглашающийся признать, что „возражения теоретического характера, которые выдвигаются против „математических приемов" статистического анализа, покоятся главнейше на недоразумениях.

(См. предисловие проф. А. А. Чупрова к работе М. М. Виноградовой: „Потребление водки в России и урожай". 1916 г.)

Таково в настоящее время фактическое положение вопроса о том, что же такое представляет из себя статистический метод; из каких элементов научного мышления он состоит и в каком взаимоотношении эти элементы между собой находятся, входя в состав самой теории статистического метода. Ясно, что пока в этой теории не будет точно установлено самое понимание и содержание статистиче-

ского метода, призванного изучать тончайшие связи массовых явлений и их совокупностей, как в социальной, так и в естественной жизни; пока, другими словами, не будет создана теоретиками-статистиками стройная и строгая теория статистического метода, примиряющая все их разноречия, до тех пор статистику-практику нечего делать с их глубокомысленными построениями, неспособными внести в его повседневную познавательную работу изучения массовых явлений окружающей его социальной и естественной жизни, необходимого ей руководящего и освещающего ее внутренним научным смыслом единого теоретического начала.

Поскольку теоретическая статистика последнего десятилетия в жизни аграрно-экономической статистики русских земств выдвинула в этой области целый комплекс новых суждений, проявив в них явное стремление все преимущества перед „элементарными“ приемами статистического анализа отдать приемам „корреляционного счисления“ и на основе их создать, наконец, действительную „теорию“ статистического метода, постольку мы в дальнейшем остановимся на этих суждениях.

Строя статистические ряды цифр, мы расчленяем статистические данные о той или иной совокупности по одному из характеризующих их признаков на группы и для каждой группы вычисляем среднюю.

Этим способом мы каждый раз обособляем действие одного определенного фактора на изучаемое нами массовое явление от всей совокупности остальных факторов и таким образом прослеживаем влияние увеличения или уменьшения одной величины, принимаемой нами за независимую переменную, на другую переменную—зависимую.

Этот, чисто „элементарный“ прием был бы правилен, если бы между изучаемыми в статистике переменными существовала только прямая или обратная, но всегда и во всяком случае строго функциональная зависимость, при которой каждому определенному значению x постоянно отвечает одно и то же определенное значение y. Однако случаи такой чисто функциональной зависимости среди статистических величин крайне редки, ибо изменения зависимых переменных, изучаемых в статистике, как правило, являются результатом действия на них не одной лишь той величины, принимаемой нами условно за переменную независимую, на основе которой строится тот или иной статистический ряд, но и неопределенного комплекса величин.

Вследствие этого формула строгой функциональной зависимости, выражаемая в уравнении $\frac{x}{y} = 1$, в отношении подавляющего числа статистических рядов оказывается неприменимой, так-как ускользающее от нашего внимания влияние на изучаемое нами массовое явление целого комплекса неизвестных величин делает совершенно невозможным по зависимости x от y судить об обратной зависимости y от x.

Эта „необратимость“ статистических рядов при графическом изображении их в виде кривых, построенных раз по абсциссе X при ординате Y, а другой раз — по абсциссе Y при ординате X, получает свое выражение в образуемом этими кривыми угле их расхождения, величина которого и представляется мерой расхождения двух функциональных зависимостей одних и тех же величин изучаемого статистического ряда, мерой его собственной „необратимости“. Математически этот угол изображается в виде формулы так-называемого „коэффициента“, данной A. S. Bowley'ем $r = \frac{S(xy)}{\sqrt{S(x)^2} \cdot \sqrt{S(y)^2}}$, где x есть отклонение от средней членов первого ряда; y — отклонение членов второго ряда; числитель — алгебраическая сумма произведений соответствующих отклонений, а знаменатель — произведение радикалов второй степени из сумм квадратов отклонений. Чем меньше угол расхождения между кривыми изучаемых переменных, тем ближе математические выра-

жения коэффициента их корреляции к единице. Когда угол между кривыми равен нулю, тогда коэффициент корреляции равняется единице и место корреляционной связи занимает связь функциональная.

Когда же угол корреляции = 90°, то это значит, что между переменными нет никакой связи. Прочие же значения коэффициента корреляции указывают, насколько данная корреляционная зависимость далека от полной функциональной зависимости; точнее—какую часть из всего комплекса причин, обусловливающих явление B, составляет причина A.

Главнейшей задачей корреляционного счисления, базирующегося на сравнении коэффициентов корреляции отдельных статистических рядов между собой, является недоступное элементарным приемам статистического исследования определение чисто математическим путем с удивительной полностью силы связи двух данных или даже нескольких, в последовательных парах изучаемых, статистических рядов, а также определение самой разницы в степени зависимости каждой такой пары рядов от другой и ее количественное измерение.

Однако необходимо оговориться, что корреляционное исчисление, в свою очередь, далеко не всегда в состоянии дать правильное и точное представление об указанных выше явлениях и последнее имеет место только в тех случаях, когда мы имеем дело лишь с однородным материалом статистического характера, свойства которого характеризуются следующими чертами:

а) в средине распределения такого материала обязательно должно находиться одно определенное (истинное) сочетание x и y, по отношению к которому все другие сочетания являются случайными уклонениями, и

б) частота каждого сочетания должна представлять собой функцию его отклонения от упомянутого выше истинного сочетания x и y.

(См. проф. Р. М. Орженцкий: „К вопросу корреляции“, „Статистический Вестник“, кн. 4-я, за 1914—15 гг.)

Во всех же остальных случаях, а особенно, когда ряд величин изучаемых и сравниваемых рядов имеет динамический характер, а также при различии „веса“, т.-е. числа случаев, в сравниваемых рядах и при различных величинах составляющих их интервалов, коэффициент корреляции, согласно проф. Р. М. Орженцкому, получает значение лишь условной показательной величины, не более достоверной обыкновенной арифметической средней.

И поскольку в первых случаях применение к изучению статистических рядов корреляционного счисления безусловно необходимо, поскольку во всех остальных случаях необходим строгий предварительный логический анализ, чтобы решить самый вопрос о том, имеются ли для предполагаемого статистического исследования тех или иных цифровых рядов условия, необходимые для применения в данном случае корреляционного исчисления, или же более рациональным в этом случае будет применение какого-либо иного метода исчисления.

При этом, одной из поправок к методу корреляции, позволяющей применение его в некоторых отношениях и к рядам слабо выраженного динамического характера для устранения влияния на них так-называемых „вековых движений“, является предложенный Hooker'ом особый прием вычисления в этих случаях самих коэффициентов корреляции, отыскиваемых не между самими величинами, а между разностями их последовательных значений.

„Теория корреляции“ и даваемый ею метод корреляционного исчисления силы связи и степени зависимости различных массовых явлений, выраженных в статистических рядах, несмотря на все ограничения в их применении к статистике, указанные выше, являются в области теоретической логики одним из самых важных завоеваний тех форм статистического мышления, победу которых во всех без исключения отраслях научного знания во всех своих печатных и устных выступлениях последнего времени столь энергично отмечает проф. А. А. Чупров и кото-

рые, во всей их сложной совокупности, характеризуются проф. А. В. Леонтовичем как особое „интегральное мышление“ человека.

В этом смысле „Теория корреляции“ представляет собой наиболее сложный случай применения интегральной мысли, игнорирование которого в логике статистического метода, как справедливо замечает проф. А. В. Леонтович, естественно являлось бы непростительным проблем.

(См. проф. А. В. Леонтович: „Несколько слов в защиту теории корреляции“, „Статистический Вестник“, кн. 4-ая, за 1914—15 гг.)

Итак главнейшим значением корреляционного счисления для статистики является то, что, давая численную меру зависимости между выраженными в статистических рядах явлениями и между отдельными факторами каждого из этих явлений, оно дает возможность еще и сравнения коэффициентов корреляции этих рядов, взятых попарно, друг с другом, выясняя тем самым и самую степень зависимости их между собой.

В этом смысле каждый коэффициент корреляции, по словам М. Е. Подгаткина, является твердо установленным статистическим фактом и накопление этих фактов во всякого рода более или менее сложных статистических исследованиях является прямо-таки необходимым, т.-к. только на основе их общей сравнительной оценки возможно получить тот прочный и научно-обоснованный результат, дать который до сего времени не смог ни один из употреблявшихся в статистике так-называемых „элементарных приемов“ исследования.

При посредстве корреляционного счисления оказывается возможным учесть ту двухсторонность функциональной зависимости между элементами явлений, изучаемых в статистике, между самими явлениями и их совокупностями, которая совершенно ускользает от исследователя при употреблении им тех эмпирических, или, как их называет проф. А. А. Кауфман, „элементарных“ приемов, сущность которых сводится к условному расчленению рядов на произвольные группы по произвольно принимаемым за „основные“ признакам явления, что совершенно устраняет возможность вычисления, хотя бы с приближением, вероятной ошибки конечного заключения.

Наоборот, эта „вероятная ошибка конечного заключения“, при измерении связи (параллелизма) двух рядов посредством коэффициентов корреляции, получает вполне отчетливое выражение в своей численной мере, при чем самая возможность ее ограничивается лишь теми случаями, когда установленная коэффициентами корреляции связь двух данных рядов неправильно распространяется на весь объем изучаемых явлений. Важность же получения численной меры вероятной ошибки конечного заключения явствует уже из того, что только при установлении последней открывается перед исследователем возможность оценить самую степень достоверности своего заключения, применением к этой оценке математической формулы:

$\sigma = \frac{1-r^2}{\sqrt{N}}$, где σ есть искомая степень достоверности его заключения; r^2—квадрат коэффициента корреляции и N—число членов изучаемого ряда.

Кроме того, в то время, как „элементарные“ приемы статистического исследования, устанавливая самый факт зависимости явлений, ничего не говорят не только о степени этой зависимости, но и ее развития, коэффициент корреляции дает представление и о том и о другом, при чем самое представление о развитии зависимости между явлениями получается в этом случае посредством сравнения с эмпирическими средними так-называемых „уравнений репрессий“, которые проф. Р. М. Орженцкий считает более правильным называть „корреляционными уравнениями“.

И, наконец, значение корреляционного счисления сказывается еще и в том, что посредством его удается во всех случаях, когда логический анализ статисти-

ческих рядов ясно указывает на корреляционный характер их связи, выяснить обманчивость уже выведенной при посредстве элементарных приемов односторонней связи—функциональной их зависимости.

Все то, что сказано нами выше о статистической методологии в ее целом, в равной степени относится и к области специальной методологии аграрно-экономической статистики, особенно статистики бывших земств, в последнее десятилетие, до начала мировой войны, переживавшей, в свою очередь, период увлечения математическими приемами исследования вообще и методом корреляции в частности, применяя последний, главным образом, к статистике урожаев, к сравнительным оценкам различных статей дохода в крестьянском хозяйстве, к установлению между ними и статьями расхода и потребления численных мер зависимостей и степени их связей и к установлению научно-определенных основ выбора признаков сельского хозяйства для построения комбинационных таблиц (работы Г. И. Баскина, С. Н. Прокоповича, М. Е. Подтягина, Р. М. Орженцкого, А. А. Чупрова, М. М. Виноградовой и др.).

И поскольку самые свойства объектов изучения агр.-эконом. статистики вызывают для ее методологии необходимость приноравливать к своим специальным задачам изучения принципы общей статистической методологии, создавая в порядке этого приноравливания особые типы исследования и отвечающие им специальные приемы, постольку в следующих главах мы уделим место специальному рассмотрению этих типов и приемов, созданных и разработанных в практике аграрной статистики бывших земств, методологическое значение которой в общем строе статистических форм познания до последнего времени, по свидетельству проф. А. А. Кауфмана, еще недостаточно оценено.

„Сколько мне известно,—говорит проф. А. А. Кауфман по этому поводу,—этого вопроса касаются более или менее мимоходом лишь проф. Н. А. Каблуков в своих литографированных лекциях и А. А. Русов в докладе первому из наших (статистических) съездов. Официальные же представители нашей научной статистики—если не считать Н. А. Каблукова—либо совершенно не касаются данного вопроса, либо ограничиваются немногими презрительными замечаниями по поводу (методологических) „увлечений“ земской статистики—„увлечений, действительно, во многом противоречащих выработанному на западе теоретическому шаблону. Между тем, мне думается, что заслуги в данном направлении русской земской статистики чрезвычайно велики...“ и хотя „очень многое в практике наших земских исследований приходится признать недостаточно установившимся“, хотя остается еще открытым вопрос о том,—„в какой мере выработанные в русских условиях методологические приемы применимы в условиях западно-европейских стран“, все же, „игнорировать указания русской статистической практики статистическая методология не может и не должна, ибо они несомненно дают материал для существенных дополнений и поправок к ее чрезмерно схематическим и основанным на слишком одностороннем опыте положениям“.

(См. доклад проф. А. А. Кауфмана статистической подсекции XII съезда рус. врачей и естествоиспытателей на тему „Земские подворные переписи и статистическая методология“ и его же статью в „Рус. Мысли“ за март 1910 г.—„Земская статистика и статистическая методология“).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Массовое наблюдение, его формы, приемы и принципы в практике аграрно-экономической статистики бывших земств и их текущей сельско-хозяйственной статистики.

Как мы видели в предыдущих главах, в практике изучения аграрно-экономической статистики бывших земств мелкого крестьянского хозяйства уже с 1876 года происходит определенный поворот, сущность которого состоит в том, что место прежде проводившегося в оценочных целях сплошного или, вернее, огульного поселенного или необщинного учета крестьянского хозяйства мало-по-малу занимает иногда сплошной, иногда выборочный, подворный учет индивидуальных хозяйств-дворов, регистрирующий каждый двор, как вполне самостоятельную и неделимую экономическую единицу.

Поворот этот, начало которому было положено упоминавшимися нами московским и черниговским исследованиями 1876 года, конкретно был зафиксирован в постановлениях совещания статистиков 1898 года, в окончательной форме определившего преимущества подворного исследования крестьянского хозяйства перед поселенным.

Приблизительно в то же время на частичных совещаниях московских статистиков, предшествовавших повторному сплошному статистическому обследованию крестьянского хозяйства Московской губ., произведенному в 1898—1900 годах, под председательством проф. И. А. Каблукова, были точно сформулированы веские соображения по поводу того—нужно ли подворную перепись сопровождать во что бы то ни стало поселенным учетом, на чем настаивало совещание 1898 года, или нет, сущность каковых соображений сводилась к следующему:

„С точки зрения обобщения известного явления, выяснения его как фактора, имеющего общее значение, совершенно неважно, что в данном селении существует, например, столько-то дворов, имеющих по одной лошади, столько-то—по две и т. д.

„Это будут единичные случаи. Значение их определится, выяснится лишь тогда, когда, имея перед собой массу дворов, имеющих по одной лошади, и массу дворов, имеющих по две, мы сопоставим это с каким-либо другим фактором.

„Только тогда, при массовом характере этого явления, мы в состоянии будем определить, с каким явлением оно стоит в связи, что именно знаменуется им и чем оно обусловливается.

„Статистика, именно, стремится определить то общее, что оказывает свое влияние на те единичные явления, из совокупности которых составляется представление о массовом характере явления.

„Раздроблять, таким образом, на единичные явления то, что должно быть выяснено, как массовое, значило бы итти наперекор тому, что выработано статистической наукой и практикой.

„Это значило бы фотографировать явление вместо того, чтобы дать полную хозяйственную картину его, передающую то, что ему присуще не в данный только момент фотографирования, а что составляет его общие и основные черты, постоянно присущие ему при определенных условиях.

„Правда, и такое фотографирование может иметь свое значение, но только при особых обстоятельствах. Так, если производить подворное исследование для выяснения степени нужды в продовольствии населения данной деревни в данный момент, или с целью принять тотчас же меры против какой-либо болезненной эпидемии, охватившей в данный момент определенный район, тогда, конечно, важно знать состав семьи каждого двора данного района или села и пр...

„Производить же такое поселенное фотографирование при общей подворной переписи, производимой для выяснения общих экономических условий данного района,—это значило бы заново переделывать весь сырой материал ее, только изменив систему его группировки.

„Не говоря уже о том, что с чисто практической стороны такое фотографирование"... тех или иных факторов по селениям бесспорно, так-как в каждый новый момент это распределение меняется и, таким образом, всякий раз для всякого нового конкретного вопроса необходимым является и „новое фотографирование",—в научном отношении оно не выдерживает критики уже потому, что, как уже отмечено выше, оно давало бы в раздробленном виде то, что важно иметь в массовых данных, т.-е. противоречило бы „всему тому", что выработано статистической наукой и практикой".

(См. И. А. Каблуков: „Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях". Литографированные лекции, изданные отдельной брошюрой в 1912 г. в Москве. Стр 11—12 последнего издания.)

Таким образом, в данном вопросе—о ненужности при подворных обследованиях сплошного характера, безразлично-исчерпывающих или частичных, параллельного поселенного описания, сохраненного, под влиянием соображений совершенно чуждых научной статистике, в практике русских земств, совещанием статистиков 1898 года,—московские статистики совершенно сошлись со статистиками черниговскими, еще в 1876 году, устами П. Червинского, признавшими то же самое, но лишь в другой постановке вопроса—в факте отрицания ими всякого научного значения за поселенным исследованием в его чистом виде, как за исследованием, объектом своим имеющим совершенно расплывчатую собирательную и „далеко не экономическую" единицу- селение.

И хотя, несмотря на это, покойный проф. А. А. Кауфман, в своих вышедших в 1912 году очерках по „Вопросам экономии и статистики крестьянских хозяйств" (см. вып. 1-й, стр. XII и XV), продолжает утверждать, что и до сего времени оба типа исследований—подворное и поселенное—равно применяются при земских и вообще организованных по земскому образцу исследованиях крестьянского хозяйства, мы все же будем утверждать, что еще с 1898 года формуляр подворной переписи становится единственным основным формуляром этого исследования, в качестве такового проделывая в дальнейшем всю ту эволюцию своего внутреннего содержания, в результате которой сама подворная перепись земского типа обратилась в обширнейшее исследование, поражающее своей сложностью и кажущейся, по первому взгляду, замысловатостью ряда своих вопросов, с помощью которых на самом деле перепись дает возможность получить реальное и жизненное понятие о многих интимнейших сторонах жизни крестьянского хозяйства-двора и в то же время взаимно контролировать получаемые сведения

сопоставлением различных показаний об одном и том же предмете, хотя бы эти показания касались самых отдаленных его признаков.

В этой последней особенности земских подворных переписей, открывающей широкую возможность внутренней поверки получаемых показаний путем взаимного контроля отдельных ответов на вопросы программы, одно из самых существенных достоинств выработанного в практике русской аграрной статистики метода сплошного статистического исследования крестьянских хозяйств.

В этой же особенности их—одно из самых коренных расхождений последней с положениями общей западно-европейской статистической методологии, в свое время формулированными еще Кетле в трех ее основных требованиях ограничивать круг вопросов надлежащих статистических исследований только теми сведениями, которые: 1) безусловно необходимы для целей данной статистической операции, 2) могут быть получены из непосредственного опроса и 3) не вызовут, в порядке своего собирания, недоверчивого отношения со стороны опрашиваемого населения.

Как мы видели выше, сплошные подворные, частичные или исчерпывающие, переписи основного характера, применявшиеся сначала лишь к изучению статики крестьянского хозяйства, в дальнейшем, в практике агрономической статистики русских земств, были дополнены производством повторных таких же переписей, целью которых было поставлено регистрировать происходящие во времени изменения в сельском хозяйстве данного района в интересах обнаружения процессов динамического характера, в нем развивающихся.

В связи с этим в практике русской земской аграрно-экономической статистики большое значение получило применение так-называемого выборочного исследования, вырабатывавшегося постепенно из идеи дополнительных частичных статистических исследований к исследованиям сплошным подворным и из метода монографического отбора типичных селений по заранее намеченной программе.

Что касается происхождения и первых опытов этой формы статистического исследования, то до последнего времени, с легкой руки А. А. Кауфмана, в русской статистической литературе был распространен взгляд, будто первым популяризатором в России метода этого исследования, воспринятого якобы русской земской статистикой от руководителя и методолога норвежской статистики—Киэра, являлся А. И. Чупров, а первыми статистиками, применившими его в практике земских исследований, А. В. Пешехонов и В. Г. Громан.

Этот взгляд в самое последнее время категорически опровергается историческим обследованием развития в России методов частичного статистического исследования ветерана русской земской статистики А. А. Гурьева на страницах № 1—4 органа Центрального Статистического Управления „Вестник статистики“ за январь—апрель 1921 года в его статье, посвященной 25-летнему юбилею выборочного метода в России, под заглавием „Происхождение выборочного исследования и первые его опыты в России“.

В этой своей крайне интересной работе, освещающей одну из славных страниц в истории русской земской статистики, А. А. Гурьев исправляет указанные выше неточности покойного А. А. Кауфмана, допущенные им в форме слишком категорических утверждений в последнем, третьем, издании его „Теории и методов статистики“, вышедшем в 1916 году. Исправления А. А. Гурьева касаются главным образом двух следующих положений А. А. Кауфмана, воспринятых всеми его учениками и последователями—первого, согласно которому устанавливается тот факт, оспариваемый А. А. Гурьевым, будто русские земские статистики впервые подошли к выборочному методу в своих исследованиях под влиянием идей упомянутого выше норвежца Киэра, популяризованных в России в 1894 году А. И. Чупровым, и второго—утверждавшего, что именно эти идеи „послужили непосредственным толчком для двух *первых* (курсив наш. Е. В.) выборочных исследований—произве-

денной А. В. Пешехоновым выборочной бюджетной переписи в Козелецком у. Калужской губ. (А. Гурьев поправляет—„не только в Козелецком, но и еще в трех уездах той же губернии—Лихвинском, Перемышльском и Калужском в 1896—97 гг.". Е. В.) и организованной, по идее главным образом В. Г. Громана, повторной переписи Вятской губ." (в 1900—1902 гг. Е. В.).

Со своей стороны, в противовес этим утверждениям, А. А. Гурьев приводит следующие факты и соображения:

I. Специальное обследование Норвежской Парламентской Комиссии по выборочному методу было произведено под руководством Киэра в 1895 году. Между методом, примененным Киэром к этому исследованию, и методом А. В. Пешехонова нет ничего общего, так-как сущность первого заключается „в пропорциональной до скрупулезности выборке типичных общин", а сущность второго—в механическом отборе. Здесь глубокое идейное различие между ними.

Первое, самое раннее сообщение о Киэре и примененном им методе частичного исследования появилось на русском языке лишь в 1897 году в отчете директора Центрального Статистического Комитета Н. А. Тройницкого о пятой сессии Международного Статистического Института в г. Берне, бывшей с 14/26 до 19/31 августа 1895 года, в котором относительно Киэра было буквально сказано следующее в XXX разделе отчета:

„А. Киэр (Kiaer, директор Центрального Статистического Бюро в Норвегии) сделал сообщение о типичном обследовании и указал на его преимущества в некоторых случаях. Сущность типического исследования заключается в изучении отдельных географических единиц или местностей, рассеянных по всей стране. Успех подобного рода изучения всецело зависит от удачного выбора типичных местностей. Из прений, вызванных означенным докладом, выяснилось, что метод статистический и монографический не могут конкурировать друг с другом, так-как во всех случаях, где возможен первый, там статистики не должны, в видах точности исследования, рекомендовать монографический. Последний же метод имеет свою самостоятельную область применения".

П. А. И. Чупров, в своем докладе в подсекции статистики на IX съезде естествоиспытателей и врачей 1894 года на тему о монографическом описании отдельных селений, как способе дополнения основных земско-статистических исследований, ни одним словом киэровских идей не касался, свое отношение к выборочному исследованию определял ссылкой на практику западно-европейской статистики, совершенно не знающей сплошных исследований по образцу наших и в то же время достигающих результатов, имеющих, по его выражению,—„немаловажную цену". Основной мыслью этого доклада было раздвинуть рамки оценки выборочного исследования, как метода изучения социальных масс, установленные статистической комиссией Моск. Юр. о-ства 1887 года, согласно постановлениям которой этот вид исследования рекомендовался лишь в случаях необходимости дополнить исследование основное, сплошное. В противовес этому взгляду он утверждал, что „за выборочное исследование стоит приниматься и тогда, когда не было произведено и не производилось сплошного", однако,—как утверждает А. А. Гурьев,—„даже авторитет А. И. Чупрова не мог пересилить предубеждения (современной ему русской статистической мысли. Е. В.) против приемов исследования, не базировавшегося на сплошном подворном описании". Тогдашняя русская статистическая мысль, по свидетельству А. А. Гурьева, будучи воспитываема „в течение двух десятилетий в понятиях исключительного значения сплошной подворной переписи, как единственного средства для получения верных сведений о состоянии народного хозяйства, еще пока только мирились с новыми методами сокращенного статистического исследования и только как бы допускала их для собирания дополнительных данных".

Впрочем, по А. А. Гурьеву, для русской практики эти методы даже не являлись новыми, а были только забытыми — известными ей еще в 70-х годах прошлого столетия.[1]) — „в 80-х и 90-х годах отодвинутыми на задний план земско-статистическими сплошными исследованиями".

Первое же упоминание в устах А. И. Чупрова об А. Киэре, запротоколированное в статистической литературе, относится к еще более позднему периоду, к 1898 году, когда организованные А. В. Пешехоновым по его методу, резко отличающемуся от всей прежней методологии частичных статистических, монографического типа, исследований, принятой как на западе, так и в России, калужские исследования были закончены. Мы встречаем это упоминание в трудах Статистической комиссии 1898 года при обсуждении ею вопросов об исследовании типичных селений и отдельных дворов. Открывая прения по этому вопросу, председатель Статистического отделения Московского Юридического общества А. И. Чупров указал, что в данном случае дело идет о „выборочном исследовании" и что в „международной статистике сторонником таких исследований является, главным образом, норвежский статистик Киэр, защищающий их в особенности тогда, когда можно проверить удачу выбора по данным прежних сплошных исследований; при этом Киэр считает пропорциональность столь же существенным условием правильности выборочного исследования, как и типичность".

По поводу этой цитаты, приводимой самим А. А. Гурьевым, нам приходится отметить обратившее внимание на себя в его работе противоречие, несколько подрывающее в этом пункте силу его возражения покойному А. А. Кауфману.

Противоречие это заключается в утверждении А. А. Гурьева, будто в связи с постановлением комиссии 1898 года о том, чтобы предложенный ее обсуждению тип „выборочного описания типичных селений путем местного обследования их по подробным программам" считать целесообразным лишь „в качестве дополнения к кратким сплошным переписям", русские статистики в своей практике не изменили этому своему основному взгляду на частичные статистические исследования, каковое утверждение опровергается одобрением той же комиссией основных тезисов доклада самарских статистиков по тем же вопросам, согласно которому „самостоятельное значение указанного способа исследования" отнюдь не исключалось. (См. изложение тезиса доклада И. В. Нетсева в работе А. Гурьева, стр. 27.)

В этом собственно и заключалась победа чупровской идеи в Статистической комиссии 1898 года, которую А. А. Гурьев, в пылу своих возражений А. А. Кауфману, проглядел. Постольку же, поскольку, отстаивая эту свою идею о самостоятельности значения выборочного исследования, А. И. Чупров опирался на практику „международной статистики" и в частности на Киэра—А. А. Кауфман оказывается не совсем неправ в своем первом утверждении о значении для русской статистики идей Киэра-Чупрова.

Но зато в своем втором утверждении—о зависимости от этих идей в методологическом отношении работ А. В. Пешехонова по Калужской губернии и о значении в выработке новой, чисто-русской земской формы выборочного исследования В. Г. Громана, явившегося будто бы „идеологом" пятых исследований 1900—1902 годов—А. А. Кауфман оказывается совершенно неправ.

Он, оказывается, в свою очередь совершенно проглядел, что уже к этому периоду времени, в 1896—98 годах, в русской земской статистике выдвинулись оба метода выборочного исследования исследования монографического, основанного на отборе типических объектов, устанавливаемых по предшествующим исследованиям (это тот метод, который пропагандировался А. И. Чупровым, но который

[1]) („Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска", исполненного в 1876—1881 годах и основанного „на подробном описании экономического быта и условий жизни некоторых отдельных казачьих станиц", являвшихся как бы средними по отношению к четырем установленным их типам. Е. В.)

начинается в русской практике далеко не Кэтром; в отношении этого метода 1896—98 годы дают только сдвиг в понимании его значения, как метода в своем применении могущего конкурировать с методом сплошных исследований и их не только дополнять, но и заменять. Е. В.) и исследования массового, в коем представительство массы основывается на массовом же механическом отборе объектов типичность которых, независимо от воли исследователя, обеспечивается их количественным отношением к общему составу изучаемой социальной массы.

Творцом последней формы выборочного исследования и является А. В. Пешехонов, подчеркивающий в своем предисловии к текстовой части описания Козелецкого уезда, вышедшего в свет в 1898 г., значение тех чисто русских самобытных причин, которые привели его к этой форме исследования и к попытке, завершившейся полным успехом, заменить его не только не статистические, в строгом смысле этого слова, типические описания монографического типа, но и громоздкие, не всегда доступные земской статистике, сплошные переписи.

Одной из таких причин, между прочим, была необходимость собрать в возможно большем числе, чтобы обеспечить их типичность, ряд таких данных о крестьянских хозяйствах, вопросы о которых правительственной властью было запрещено включать в программы подворного опроса.

Аналогии этой форме массового выборочного исследования на западе нет и не было и никакой причинно-зависимости между ней и идеями Кэтра, даже если А. В. Пешехонов и был уже с ними знаком в момент обдумывания и обоснования своего метода что весьма сомнительно—нет.

Но и метод типического выборочного исследования, пропагандировавшийся А. И. Чупровым, в практике и дальнейшей методологической обработке его земскими статистиками получил формулировку, в значительной мере отличающую его от западно-европейских образцов.

Построенное на нем повторное выборочное исследование Самарской губернии в конце девяностых годов прошлого столетия, как и калужское исследование А. В. Пешехонова, является не только дополнительным к краткому сплошному, но вместе с тем имеет и самостоятельное значение, ведется одновременно с ним и служит для замены сплошного подворного опроса по отношению ко многим сторонам крестьянского хозяйства, обычно регистрируемым путем сплошной переписи.

Сущность дополнений, внесенных самарскими статистиками в основные положения А. И. Чупрова, развитые им в своем докладе 1894 г., и их значение в методологии популяризовавшейся им формы выборочного исследования А. А. Гурьевым, характеризуются в таких словах:

„...в самарском плане основные положения А. И. Чупрова являются в разработанном виде. Указаны с несомненно большей подробностью признаки, которые необходимо учесть при выборе типических селений, как-то — естественно-исторические условия, факторы крестьянского хозяйства, которые при этом перечислены, экономическое положение, сословные и этнографические группировки. Типичность селений устанавливается не только по данным предыдущих исследований, но и предварительного описания их современного состояния с краткой подворной переписью.

„Особенно же важным следует признать внесение в число условий, которым должно удовлетворять монографическое исследование,—требования пропорциональности числа выбранных по разным признакам, характеризующим местности и группы населения, для обследования объектов со всей их массой.

„Это именно то условие, которые делает монографический метод тождественным с выборочным, так-как позволяет вести разработку собранных данных согласно подобно тому, как производится разработка материалов сплошного исследования, без вычисления и введения посредствующих коэффициентов, определяющих

соотношение исследованных объектов и массы по каждому типу, представленному в исследовании.

„В этом наибольшая заслуга самарских статистиков".

Переходя к вятскому обследованию, о котором упоминает А. А. Кауфман, его методологии, и роли в установлении ее принципов киэровских идей, В. Г. Громана и его „типического метода", А. А. Гурьев, как участник совещания статистиков при Вятской земской управе, на котором В. Г. Громаном был повторен с некоторыми изменениями и дополнениями его доклад „О применении типического метода в текущей статистике", прочитанный им впервые в Комиссии по вопросам земской статистики, созванной Статистической комиссией при III Отделении Вольно-Экономического Общества в феврале 1900 года, свидетельствует следующее:

„Если не знать условий, в каких складывался проект выборочного исследования Вятской губернии, то в нем (как и в самарском исследовании. Е. В.) можно было бы признать влияние идей Киэра, так-как в основе этой выборки лежала пропорциональность отбираемых типических единиц с представляемой ими массой. Но что касается идей В. Г. Громана, якобы начавшего в конце 90-х годов прошлого века пропаганду выборочного метода, то, оставаясь в той же плоскости одних идейных сопоставлений, надо сказать, что эти идеи не имеют ничего общего ни с принципами Вятской губернии, ни с методом Киэра. Эти идеи были изложены в указанном выше докладе В. Г. Громана „о применении типического метода в текущей статистике", в котором автор, не касаясь существующих методов исследования, формулировал приемы распространения данных частичного исследования в текущей статистике на всю социальную массу, т.-е. приемы, уже примененные при разработке материалов Козелецкого уезда. Типический метод В. Г. Громана в том виде, в каком он предлагался в 1900 году, едва ли можно даже отнести к методам выборочного исследования и видеть в нем идейную близость с основаниями вятского выборочного исследования можно было только по недоразумению".

Итак, из всего вышеизложенного вытекает, что хотя история исканий земской русской статистики и обобщающей ее методологические завоевания научной статистической мысли в сфере разработки вопросов частичного статистического исследования уходит в глубь конца 70-х и начала 80-х годов, та форма этого исследования и его метода, которая получает современное нам содержание выборочного массового исследования, выросшего на почве специфических социальных и политических условий российской действительности своего времени, получает свое начало от работ калужских статистиков 1886—87 года, когда в основу выборочного исследования крестьянских хозяйств были положены—с одной стороны, принцип массового механического отбора объектов изучаемой социальной массы, а с другой—одновременное проведение с подробным выборочным исследованием исследования сплошного по более общей сокращенной программе.

Дальнейшее же развитие в практике русской земской статистики этот метод массового выборочного исследования получил тогда, когда ему было придано, согласно постановлениям совещания статистиков 1900 года, значение самостоятельного повторного исследования, определенно прикрепленного, в целях изучения динамических процессов, происходящих в социальных массах, в объектах своего наблюдения по каждому из них, к данным прежних переписей сплошного экономического содержания и следовавших за ними предыдущих повторных выборочных исследований.

Что касается современного положения, роли и значения методов выборочного исследования в практике, поглотившей в своих недрах земскую статистику государственной статистики нашей республики, то об этом будет сказано в последней части нашей работы, когда мы перейдем к обрисовке аграрно-экономической статистики России времен революционного перелома.

Теперь же упомянем лишь о том, что в самые последние годы в практике и в методологии этой статистики все сильнее и сильнее начинает проявлять себя тенденция синтеза обоих видов выборочного исследования, обрисованных нами выше, путем установления предварительно, по данным прошлых исследований и общих экономических и естественно-исторических описаний, так-называемых „гнезд", исследования в них определенных элементов социальной массы в порядке их первоначальной массовой механической выборки в известном процентном отношении к общему составу всей социальной массы, заключенной в данное гнездо, и затем в порядке ежегодного повторения этого исследования по тем же гнездам и тем же объектам в них по аналогичным программам.

От типов исследования перейдем к описанию типов „подворной карточки", служащей до настоящего времени орудием самого производства как сплошных, так и выборочных подворных исследований крестьянского хозяйства России; к описанию той эволюции как ее внешнего вида, так и внутреннего содержания, которую она успела проделать с 1887 года, с совещания статистиков, впервые установившего ее „минимальную программу", по настоящее время.

Превосходное описание этой эволюции мы встречаем у покойного проф. А. А. Кауфмана в упомянутых нами уже однажды его „Очерках по вопросам экономики и статистики крестьянского хозяйства". (Введение, вып. I-й.)

Вот как рисует эту эволюцию проф. А. А. Кауфман:

„В смысле построения первой по времени разновидностью типа подворной карточки была та, где рубрика и графы размещались просто, в порядке логической последовательности отдельных вопросов и групп вопросов".

(См. подворные карточки Острогожского и Землянского уу. Воронежской губ. за 1885—86 гг., во 2-м томе соч. С. Велецкого: „Земская статистика", стр. 73—76; подворный лист по Казанской губ. за 1883 г. Ibid., стр. 203—205; подворный лист по Царевококшайскому у. Казанской губ. уже более подробный, за 1887 г., стр. 206—209.)

„Эта разновидность очень скоро уступила место другой, впервые примененной в 1891 г. в Воронежской губ., главной характерной чертой которой являются размещенные в один ряд по всем или некоторым краям карточки выносные клетки и графы, которые, при накладывании заполненных карточек одна на другую, образуют сплошные столбцы подлежащих подытоживанию цифр и, таким образом, облегчают подсчет итогов.

„Первоначально стремились к тому, чтобы в этих же выносных клетках делать и возможно большую часть непосредственных записей, хотя бы соответственные цифры получились не прямо из опроса и требовали предварительно мысленного подсчета и даже некоторой классификации опрашивающими конкретных показаний.

„С течением времени, однако, из этой разновидности подворной карточки постепенно выработалась новая, технически гораздо более совершенная.

„Выносные цифры в ней (см. у С. Велецкого, т. 2-й, подворные карточки по Калужской губ., стр. 289 и стр. 315 за 1896 г.), заполняются непосредственно лишь такими данными, которые в готовом виде получаются из опроса,—иначе говоря, данными по таким вопросам, где ответ дается, или во всяком случае может быть дан, без каких-либо затруднений для отвечающего лица в виде одной цифры. Таковы, например, вопросы, относящиеся к разным видам скота, сел.-хоз. орудий и проч.— каждый отвечающий сразу может сказать, имеет ли он одну, двух или больше лошадей, восемь или пятнадцать овец, есть ли у него пахотное орудие—одно, два или больше... Но для большей части рубрик выносные графы становятся именно только выносными. Для первоначальных записей по этим рубрикам предназначается внутренняя часть карточки и самое построение граф приспособляется либо для вполне индивидуализированной записи каждого члена двора со всеми его демо-

графическими признаками, грамотностью, промыслами; для каждого случая аренды, каждого участка купчей земли или, по крайней мере, для каждой, имеющей самостоятельное значение, разновидности признака—наем на каждый отдельный вид сел.-хоз. работ, посевы отдельно на своей надельной, на своей купчей, на арендованной надельной и вненадельной земле. В этих случаях в выносные графы уже на самом деле „выносятся" лишь расклассифицированные и подытоженные показания согласно точно установленной в заголовке выносных граф схеме.

„Благодаря такой двойственной системе подворной карточки получается полная свобода и возможность максимальной индивидуализации записей; в соответствии с конкретными показаниями, а вместе с тем—с мыслимой экономией времени и труда получаются расклассифицированные и подытоженные, готовые к дальнейшему подсчету, цифры.

„Новейшим, пока, впрочем, мало распространенным, усовершенствованием типа (это относится к 1912 - 13 годам. Е. В.) подворной карточки представляется карточка с особыми отрывными купонами для характеристики входящих в состав двора отдельных лиц, обычно промышленников.

„Каждый такой заполненный купон дает полную характеристику лица с его демографическими и культурными признаками и его промысловой деятельностью, а сделанные на нем, при заметке, условные обозначения позволяют легко установить к какому типу дворов по землевладению, землепользованию, земледелию, промысловости и проч. принадлежит описываемое лицо, а следовательно позволяют вести разработку данных о лицах в связи с признаками, характеризующими те дворы, к которым они принадлежат".

Эволюция подворной карточки происходила и развивалась на почве и в связи с общим поступательным движением методологии и приемов самих подворных переписей, поэтому на последних приходится в нашем изложении остановить особое внимание.

Та глубина и та широта исследования сел.-хоз. быта нашего крестьянства, которую, в связи с его земледельческой и промысловой деятельностью, поставила себе аграрно-экономическая статистика бывших русских земств, неизбежно привела ее к пересмотру вопроса и о том, какой способ самого наблюдения, при условиях этой повышенности в требованиях, является наиболее рациональным,- вопроса, в западно-европейской статистической методологии решительно разрешенного в пользу наблюдения б л а н к о в о г о, при котором самому населению предоставляется заполнять раздаваемые ему счетчиками опросные листы вне всякого живого и непосредственного соприкосновения самих счетчиков с опрашиваемыми.

Русская статистика столь же решительно отказалась следовать в этом вопросе за статистической методологией зап. Европы и в своих основных исследованиях прибегла к способу и з у с т н о г о о п р о с а н а с е л е н и я специально подготовленными к нему агентами, перенеся тем самым центр тяжести наблюдения с населения на них и учтя, при этом, п р е ж д е в с е г о значение той ж и в о й, н е п о с р е д с т в е н н о й с в я з и с в о и х а г е н т о в с о п р а ш и в а е м ы м и, наличность которой открывает этим агентам возможность, в с а м и х б е с е д а х с о п р а ш и в а е м ы м и и м и л и ц а м и, в п е р е к р е с т н ы х о п р о с а х и х п о г р у п п а м и проч. еще на месте, д о з а н е с е н и я в ф о р м у л я р о п р о с н о г о л и с т а, к о н т р о л и р о в а т ь, с о п о с т а в л я т ь и п р о в е р и т ь в з а и м н о и х п о к а з а н и я.

Однако, это перенесение центра тяжести самой техники снятия с населения показаний с него самого на специальных агентов, отнюдь не должно пониматься, как отказ от учета субъективных показаний населения об окружающих его условиях сел.-хозяйственного быта и об его собственной хозяйственной деятельности.

Наоборот, главнейшим и единственным в своем роде источником статистического знания обо всем этом для аграрной статистики русских земств, как и для

всей статистики вообще, попрежнему остаются субъективные показания самого населения, значение которых, как такового, неоднократно подчеркивалось в нашей земской статистической литературе.

Еще в 1876 году Н. Червинский, обосновывая в своих пояснениях к статистическим программам черниговского земства мотивы, по которым оно приняло для предварительного учета дворов по степеням их благосостояния исключительно субъективные показания о них самих крестьян, формулировал их так:

„Принять для деления дворов (на три группы—богатых, среднего достатка и бедных) какой-либо один объективный признак (например, количество земли или рабочего скота) было бы во всяком случае произвольно, потому что уровень благосостояния всегда зависит от сочетания нескольких экономических факторов; но истинное значение подобных сочетаний может выясниться только в конце исследования, как его результат, а потому, конечно, не может быть положено в основание предварительного деления.

„Остается, значит, принять субъективное основание, т.-е. мнение самих поселян: за богатое, среднее и бедное принимать то хозяйство, которое считают таковым сами поселяне.

„Подобный прием представляет еще и ту выгоду, что дает возможность видеть на конкретных примерах, как разнообразятся и видоизменяются представления поселян о их достатке по разным местностям губернии".

(См. С. Веденского, т. II „Земской статистики", стр. 724.)

Такое же большое методологическое значение субъективным показаниям населения придает и проф. П. А. Каблуков, касаясь его в связи с вопросом определения состава крестьянской семьи и ее отсутствующих единиц:

„Взгляд населения,—говорит он по этому поводу,—представляет отражение того, что дает сама действительность, которую, именно, и требуется характеризовать. Поэтому, вместо искусственного, выведенного из каких-либо условных соображений, определения того, что такое отсутствующее население, правильнее держаться того взгляда, который проявляет в этом отношении само население". (Н. А. Каблуков „Пособие" etc., стр. 27—28.)

Исходя из этой оценки показаний самого населения и подтверждая свои взгляды на него практикой московской земской статистики, проф. Н. А. Каблуков идет еще дальше и рекомендует заменять обход каждого двора при подворной переписи, требующей затраты слишком большого времени, опросом домохозяина или на сходе или, во всяком случае, в присутствии других домохозяев, когда самое присутствие этих домохозяев и их напоминания и реплики опрашиваемому служат контролем его показаний. (Ibid., стр. 22.)

Относительно же значения субъективного характера такого рода показаний и влияния его на доброкачественность переписного материала проф. Н. А. Каблуков устанавливает следующие положения:

„Целым рядом статистических исследований давно уже установлено, что во всех своих действиях люди подчиняются определенной закономерности. Можно сказать, что при всем различии индивидуальностей основные черты человеческой психологии одинаковы.

„Население данной местности живет под однородными впечатлениями относительно того, что происходит в окружающей природе и в произрастании растений.

„При сходстве в основных психологических чертах, если бы каждый житель данной местности пожелал дать намеренно неверное определение, например, урожая,—однородность полученных каждым (жителем этой местности) впечатлений установила бы определенный предел неверности (этих определений).

„При массе опрошенных лиц одна неверность парализовалась бы другой и в результате могла бы получиться средняя, не очень далеко уже уклоняющаяся от действительности.

„Но, ведь, фактически дело обстоит обыкновенно не так, как только что изображено.

„Во-первых, те, которые и хотели бы дать заведомо неверные ответы, желают все-таки, чтобы верили в справедливость сообщенных ими сведений, и потому держатся в пределах действительности, т.-е. в своих неточностях не идут дальше того, что при данных условиях хотя и не осуществляется почему-либо в их личных хозяйствах, но вполне возможно, и не является невероятным.

„А во-вторых, никогда не бывает, при этом, чтобы даны были только неверные сведения. Известный процент правдивых лиц всегда имеется.

„Все это ведет к тому, что объективная действительность налагает свою неизгладимую печать на субъективные показания, в результате чего и выходит, что вся совокупность дает в среднем, так сказать, объективное выражение субъективности, достаточно близкое к действительности“ (ibid., стр. 82—83).

Таким образом, изустный опрос субъективных показаний населения, проверяемых на месте перекрестным опросом различных лиц и до занесения их в формуляр, в порядке собеседования с ними, контролируемых специальными разъездными статистическими агентами—это признанный прием методологии непосредственного наблюдения, применяемый в основной статистике русских земств, при производстве ею сплошных и выборочных, исчерпывающих и частичных, подворных исследований крестьянского хозяйства.

Другой прием наблюдения применяет аграрная статистика русских земств при осуществлении задач, относящихся к области регистрации непрерывно происходящих в этом хозяйстве и в условиях его окружающих естественных и социальных видоизменений, приуроченных к определенным моментам полевых работ (к весенним и осенним полевым работам, к снятию и уборке урожая, к покосам и пр.) или к вегетационным периодам года, а также к регистрации видов на урожай и результатов последнего.

В этих случаях она применяет так-называемый корреспондентский способ, разработав целый ряд специальных опросных листов и даже особых „корреспондентских книжек“ для каждого времени года, которые ею рассылаются на места для выполнения их в указанные сроки кадрами так-называемых „добровольческих корреспондентов“ из местных людей.

К сожалению, положение этой—„текущей статистики“—одно из самых больных мест нашей бывшей земской статистики.

Скованная неустойчивостью своего юридического положения, угрожаемая постоянными „кризисами“, сыпавшимися на нее сверху и иногда надолго перерывающими ее деятельность, текущая сел.-хоз. статистика бывших земств, конечно, ни по типу своей организации, ни по результатам своей деятельности не может сравниться с текущей статистикой западно-европейских стран и Соединенных Штатов Северной Америки.

Самым же большим злом для нее было то, что она в своем управлении не объединилась каким-либо одним органом, а проводилась, вплоть до 1918 года, сразу четырьмя, совершенно не связанными в своей работе друг с другом, учреждениями: Центральным статистическим комитетом бывшего министерства внутренних дел, Отделом сельско-хозяйственной экономии и статистики министерства земледелия, статистическими отделами губернских земств и статистическими отделами переселенческих управлений (в окраинных губерниях восточной России); при чем каждое из этих учреждений и в способах получения данных с мест и в рекрутировании кадров своих корреспондентов и в самих методах разработки своих материалов шли настолько различными путями, что сводка и сопоставление последних зачастую оказывались совершенно недостижимыми.

Несмотря на это, методологические завоевания текущей сельско-хозяйственной статистики бывших земств и значение собранных ею в течение сравнительно долгих

лет массовых статистических данных над условиями и внутренними факторами нашего сельского хозяйства все же настолько велики, что без них в настоящее время не может обойтись ни один статистик-экономист, занимающийся вопросами эволюции и динамики сел.-хозяйственного производства и его условий в России.

Несмотря на все те внешние и организационные затруднения, какие имела на своем многострадном пути за время самодержавия эта наиболее забитая в то время отрасль русской аграрно-экономической статистики, материалы последней оказываются лучшими по сравнению с материалами всех других учреждений того времени, а ее методологические приемы и навыки, постоянно привлекавшие к себе внимание русской научно-статистической мысли, центрами которой являлись с давних годов статистические отделения Московского Юридического и Российского Вольно-Экономического Обществ, и для настоящего времени не потеряли своего как практического, так и познавательного значения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Счетная, табличная и графическая обработка материалов первичного наблюдения в аграрно-экономической статистике бывших русских земств и в работах русской научно-статистической мысли.

В большинстве учебников по статистике установился обычай счетную, табличную и графическую обработку материалов выносить за скобки так-называемой „научной обработки". Согласно этому обычаю за скобками „научной" обработки остаются не только процесс составления сводок, комбинированная, аналитическая сверка материала, но и выводы производных величин, коэффициентов относительности, вывод средних величин, их сопоставление, вывод уклонений и вероятных ошибок, вычисление средних уклонений от произвольно взятого основания, построение и преобразование рядов, применение интерполирования и проч.

Только по завершении всех этих операций, согласно Н. А. Каблукову, наступает момент „научной обработки статистического материала", заключающейся в выяснении того, „какие признаки совпадают, что именно характеризуют те или другие из них, есть или нет порядок и последовательность между явлениями, сопровождается ли один признак другим, и если да, то каким—какая связь существует между различными явлениями, наблюдается ли сосуществование или последовательность и каких именно явлений".

(Н. А. Каблуков: „Статистика". Изд. 4-ое. М. 1918 г., стр. 74.)

Согласно же одному из самых современных, по времени опубликования, „Курсу статистики"—проф. А. И. Анциферова, вышедшему в Полтаве в 1919 году, к научной обработке относятся не только логические манипуляции над уже приведенным в систему и математически обработанным материалом, но и целый ряд операций чисто технических—исследование рядов, их разложение и сопоставление, установление коэффициентов корреляции, а также дисперсии и ее измерение.

(А. И. Анциферов: „Курс статистики". Полтава 1919 г., стр. 155—163.)

Мы берем только этот один пример существующих разногласий в вопросе о границах и содержании так-называемой „научной" обработки статистического материала, достаточно яркий для того, чтобы убедить всякого непредубежденного читателя, насколько произвольна и ненаучна такая постановка вопроса.

По нашему убеждению вопрос может быть поставлен только так — статистический анализ, во всех же стадиях может или не может быть признан научной операцией. Вводить же в понимание статистического анализа какой-то дуализм, противоставлять „научности" различные его стадии, не имея к тому же никакой согласованности о пределах этого противоставления и не приводя ему никакого логического оправдания,—это, во всяком случае, неосновательно.

Если статистика, как таковая, „наука“, хотя бы только идиографическая (по Чупрову) или индуктивная (по Анциферову) или, если даже, она и не наука, а как говорит Е. Р. Слуцкий—„статистическое учение о мире суждений и понятий, в их формах и взаимной обусловленности“; если она, к тому же, распадается, подобно астрономии, математике, географии и ряду других наук, на ряд дисциплин не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении их; в горизонтальном—на описательную, сравнительную, историческую, индуктивную, математическую и теоретическую статистику; в вертикальном—по предмету своего изучения—на демографическую, социальную, моральную, сел.-хозяйственную, и проч.; если далее она, ко всему этому, имеет еще и свою особую теорию статистического метода и позволяет говорить о философии статистики, как продукте особой формы „интегрального мышления“, о статистической логике, то вряд ли можно сомневаться в одинаковой значительности с научной точки зрения всех стадий ее статистического анализа.

И то обстоятельство, что этот анализ, в различных своих частях, развивался чисто опытным путем, не в лабораториях кабинетной науки, а на живой практике, может иметь только одно последствие—предъявление требования кабинетной науке, теоретической мысли, выверить путем теоретического анализа с помощью самых тонких научных приемов все его методологические достижения, свести в строгую единую научную систему, придать им, во всех его стадиях, отчетливую научную формулировку.

Питая глубокое убеждение, что уже близок час, когда эта работа будет проделана, когда и теории статистики и теории статистического метода в равной мере получат законченные формы целостных учений о предметах их ведения в работах представителей теоретической науки, мы принципиально не можем согласиться на признание законным и правильным установившегося обычая противоставлять „научной обработке“ те стадии статистического анализа, сущность которых мы имеем изложить в настоящей главе.

При этом мы должны отметить, что из всех трактовок содержания и задач этих стадий—счетной, табличной и графической обработки, мы ближе всего примыкаем ко взглядам на них, высказанным—по поводу счетной и табличной обработки—Н. С. Четвериковым в его работе „Метод Index Numbres, как способ изучения изменения ценности денег“ (см. „Статистический вестник“, изд. О-ства имени А. И. Чупрова; кн. IV и V за 1914—15 гг., гл. II § 2 „О статистической постановке вопроса“) и Н. Прокоповичем в его статье в том же журнале—„К вопросу о выборе признаков“; по поводу же графической обработки—М. Е. Подтягиным в его работе „Методологические вопросы при изучении зависимости явлений“, опубликованной в том же „Вестнике“ за 1915—16 год в кн. 3 и 4.

Дальнейшее содержание настоящей главы и будет посвящено изложению, по-преимуществу, мыслей этих авторов.

Производимый в статистике массовый учет повторяющихся явлений сам по себе еще не является операцией статистической по существу и только тогда, когда данные этого учета подвергаются соответствующей обработке в направлении интереса исследователя и под влиянием ее слагаются в различные группы, в более или менее правильные ряды цифр, подчиненные единству метода, объемлющей их классификации, только тогда мы можем сказать, что происходит статистическая операция. Собирание же одного лишь первичного материала, без изучения количественных форм его проявления и количественно-формальных взаимоотношений между ними есть лишь преддверие статистического анализа, необходимое ему, как точка опоры его дальнейших выводов.

Техника наблюдения, выбор материала, места, времени и приемов регистрации играют, несомненно, громадную роль для статистического умозрения о характере и свойствах совокупностей, подлежащих его аналитическому изучению.

Точность и детальность этой регистрации, жизненная свежесть и яркая индивидуальность схватываемой наблюдением действительности—это необходимые условия законченности и ясности умозаключения, без которых самая возможность его была бы сомнительной.

Однако, статистика только тогда становится мышлением, когда приступает к самому анализу первичного материала о массовом явлении, к его расчленению и схематизации, к выяснению характера и свойств тех изменений, которые происходят в самих явлениях, характеризуемых этим материалом, за тот или иной момент времени.

Стремление отыскать постоянное в изменчивом, однообразное в необозримом многообразии действительности находит себе опору в двух основных понятиях статистической методологии—в понятиях „типа“ и „связи“.[2]

И то и другое понятие скрывают в себе классификацию причин, исходящую из их формально-количественных свойств и характеристик и находящую свое проявление в соответствующей обработке их следствий, систематизируемых, характеризуемых и изучаемых в форме статистических рядов.

При этом, понятие, „типа“ в статистике совершенно условно.

„Типичной“ в ней принято называть ту величину явлений, которая встречается чаще других относительных изменений явления, или проще ту величину, около которой скопляется наибольшее число интересующих исследователя статистических данных.

Цели построения такого понятия в статистике разнообразны: оно может быть применено или к изучению отдельных единиц и классов среди совокупностей или же к характеристике всей совокупности в ее целом.

Для первой цели „тип“, как свободный от явления случайных, в статистическом смысле, причин—противополагается „отколовшимся“ от него единицам, во втором случае—он или помогает охарактеризовать форму распределения всех единиц вокруг себя, или же—и это едва ли не важнейшая роль его—указывает на высоту уровня, на котором держится вся совокупность.

В последней своей функции „тип“ может быть заменен иными видами характеризующих уровень совокупности величин—в частности „средней арифметической“, которая, при симметричной форме распределения изучаемого ряда, совпадает с „типом“, а при несимметричной—может выполнять его функцию при характеристике изменения общего уровня совокупности лишь в том случае, если формы распределения изучаемого ряда не меняются от случая к случаю, т.-е. если они более или менее „устойчивы“.

Эта степень устойчивости ряда обыкновенно изменяется суммой отклонений, представляемых каждым элементом, от средней величины для всего ряда.

Более тонкие приемы этого измерения представляют так-называемые „взвешенные“ средние, когда принимается во внимание при вычислении арифметической средней „вес“ ряда, т.-е. число его членов; разновидность ее — „число-показатель“ (Index Numbres), медиана, изолированная средняя и нормальная средняя или „мод“.

Стремление к „типу“ лежит в существе всякой статистической операции, поскольку она не довольствуется простым измерением или счетом.

Понятие „типа“ применяется постоянно, как к статистическим рядам, так и к динамическим; при чем, при обработке статистического ряда имеется в виду изучать и определять для каждой совокупности силу устойчивости ее статического равновесия; при обработке же динамических рядов имеется в виду разрешение двух задач: а) отделить следствия причин основных, длительно действующих, от пертурбаций, вносимых в порядок развития явления так-называемыми „случайными“, или преходящими причинами и б) схематизировать историю движения ее жизни—динамику явления—в возможно более ясном и несложном виде.

Обоего рода статистические ряды — и статические и динамические, — внутренне-объединенные и схематизированные посредством применения к их обработке понятия „тип“ или иных, подобных ему, показателей—сами, в свою очередь, могут войти членами в новые ряды высшего, более сложного, порядка и послужить материалом к так-называемой вторичной обработке и группировке.

Понятие „типа“ выдвигает на первый план представление об основоположенном, общем всей совокупности явлении, *причинном комплексе*.

Это представление, не являясь вспомогательным аттрибутом „типа“, получает в статистике сложное и самостоятельное значение в понятии „связи“.

Оба эти понятия—„типа“ и „связи“ являются, таким образом, в статистике теми двумя неизбежными руслами, по которым направляется мысль исследователя в поисках за архитектурным стилем для здания, предназначенного экономической проблеме.

Сознательно или бессознательно, то в примитивной, то в изысканно-сложной форме, эти две статистические категории неизбежно создают необходимую основу всякой статистической работы, при чем, в виду того, что на-ряду с общностью причин, создающих между явлениями „связи“, как правило проявляются на те же явления влияния и других причин, действующих на каждое из сравниваемых явлений отдельно и ослабляющих тем самым значение и силу их связи,—статистике приходится останавливаться не только перед вопросом о форме и связи и зависимости между изучаемыми в ней явлениями, их отдельными признаками и их как общими, так и частичными совокупностями, но и о силе или степени их связи и зависимости между собой. Измерение этой последней, как мы видели выше, достигается применением к статистическому анализу математического метода так-называемого корреляционного счисления.

Таков общий логический ход статистического анализа цифровых рядов, составляемых на основе собранного первичным наблюдением материала об изучаемых и сравниваемых между собой массовых явлениях.

Практически этот анализ протекает и развивается в трех стадиях:

1) в расчленении всего первичного материала на группы однородного характера по одному или нескольким признакам, являющимся общими для всех единиц, попадающих в эти группы;

2) в вычислении для каждой такой „частичной совокупности“ средних или относительных величин, обычно заканчивающихся табличной обработкой последних, и

3) в нахождении между отдельными признаками явлений, между самими явлениями и их частичными и общими совокупностями, выраженными уже в преобразованных статистических рядах, числовых соотношений их связи и взаимной зависимости, с числовым же выражением силы или степени последних, а также к построении на основании всех этих числовых данных аналитических диаграмм.

При этом, первой стадии этого анализа—расчленению первичного материала на группы—предшествует обычно еще одна крайне сложная предварительная операция—выбор признака или признаков, которые могут быть положены в основу этого расчленения, немыслимый без более или менее конкретного представления исследователя о важности и значении различных признаков во внутреннем строе изучаемого массового явления.

Если бы мы выше остановились с большей подробностью на описании исторического хода развития в недрах оценочной статистики методологических основ аграрной статистики наших земств, мы увидели бы, с каким упорством, с самого начала земских статистических работ, мысль ее постоянно обращалась к идее отыскания так-называемого „универсального“ группировочного признака для целей расчленения крестьянских хозяйств на группы, и сколько усилий ей пришлось употребить на то, чтобы в результате бесчисленных бесплодных исканий своих в

этом направлении возвратиться к идее признания множественной факториальности в жизни крестьянского хозяйства определяющих его экономически внутренних и внешних элементов, впервые провозглашенной еще в 1876 году К. Червинским и нашедшей себе конкретное воплощение в предложенной А. И. Шликевичем в 1882 г. системе комбинационной группировки.

Являясь, по существу своему, большим шагом вперед в области методологии вопроса о принципах группировки, это признание „множественной факториальности" в жизни крестьянского хозяйства его составляющих и определяющих моментов, все же не разрешало вопроса о принципе, который должен был быть положен в самый отбор признаков для расчленения по ним крестьянских хозяйств на группы и, наоборот, даже усложняло его, ибо если раньше спор шел о преимущественном основном значении одного признака перед всеми другими, то теперь уже возникал вопрос о преимуществах нескольких признаков, о их взаимоотношениях и связи друг с другом и об учете как их общего суммарного влияния на все хозяйство—двор в его целом, так и учете влияния на него же каждого из этих признаков в отдельности.

Попытки наших земских статистиков при помощи „эмпирических" приемов разрешить этот вопрос с натяжками приводили к условным компромиссам, подобным компромиссу о преимущественном значении „посевной площади" и „промыслов" в жизни крестьянского хозяйства, принятому на совещании статистиков 1900 года, не удовлетворявшим строгую научную мысль.

Допускавшийся при этом произвол в выборе группировочных признаков, находившийся неизбежно в непосредственной зависимости от субъективного представления самих исследователей о том, что является в жизни изучаемого ими массового явления важным, а что неважным, не давал никаких гарантий доброкачественности ни самого отбора, ни произведенных на основе его группировок.

В силу этого все опыты последних, при всем остроумии многих из них, получали неизбежно крайне условный, гипотетический характер, лишая объективной убедительности и все те умозаключения, которые на основе их выводились.

Первой попыткой вывести аграрную отатистику русских земств из создавшегося в этом вопросе тупика, является опубликованная С. Н. Прокоповичем в 1914 году в „Статистическом вестнике" работа под заглавием „К вопросу о выборе признаков etc.", в которой он пытался, путем установления числовых взаимоотношений между различными группами крестьянского двора—размера семьи, числа работников мужского пола, площади посева, количества надельной и купчей земли, рабочего скота и заработков от промыслов, по данным относящихся главным образом к восьмидесятым годам прошлого столетия подворных переписей ряда губерний, определить конкретно в коэффициентах корреляции, как значение каждого из этих признаков в отдельности в крестьянском хозяйстве, так и цифровое выражение их отношений друг к другу.

Эта работа С. Н. Прокоповича, охватившая переписной материал по 25 уездам Таврической, Самарской, Воронежской, Черниговской, Орловской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерний и выливавшаяся в 13 диаграммах, составленных на основании 61 корреляционной таблицы, дала крайне важные в методологическом смысле результаты.

С одной стороны она подтвердила для своего времени и для условий, характеризовавших состояние крестьянского хозяйства в восьмидесятые годы прошлого столетия, правильность того предпочтения, которое в 1900 году земская статистика отдала „посевной площади", как признаку преимущественно пригодному к тому, чтобы стать основанием группировки крестьянских хозяйств.

С другой—главнейшим выводом этой работы, поразившим своей неожиданностью даже автора ее, было то, что оказалось, что „в разных местностях мера

влияния каждого признака, равно как и мера их корреляционной зависимости совершенно различны", т.-е., другими словами, что нет общей для всего русского крестьянства, единообразной структуры его хозяйства—для каждой местности оно имеет особое строение, свой особый организационный план; что, в свою очередь, в корне убивает широко распространенную до нашего времени идею о возможности единообразной сводки всего материала о крестьянском хозяйстве и его сериацию по однородным для всех районов группам в пределах всей территории Европейской России. Работой С. Н. Прокоповича открывается, таким образом, новый период в жизни аграрной статистики русских земств—период систематизации и точного научного анализа массы накопленных за длинный сорокалетний путь, оставленный ею за собою, но еще разрозненных фактов.

Этот пройденный ею в своем развитии путь эмпирики и чистого наблюдения, освещенный на всем своем протяжении светом известного круга идей, происхождением своим обязанного авторитету имени Георга Майра, как „давнишнего и почти бессменного законодателя нашей статистической мысли", надо считать законченным.

Отныне чистое наблюдение получает иные руководящие директивы, становясь лишь источником первичного материала, подлежащего в своей оценке не только самостоятельному, но и сравнительному изучению с помощью точных, чисто математических, приемов исследования: оно в законченных высших формах преобразованного на новых началах статистического анализа ведет исследователя к установлению точнейших научных истин в области понимания окружающего нас мира массовых явлений и законов, управляющих их развитием.

Имя Георга Майра и неразлучное с ним главенство в статистической методологии нашей русской статистики так-называемых эмпирических приемов исследования отходят в область истории.

Будущее принадлежит иным веяниям, иным влияниям, и история русской статистики рядом с ними, вслед за именами проф. А. А. Чупрова, Р. М. Орженцкого, Е. Е. Слуцкого, А. В. Леонтовича, С. Н. Прокоповича, М. Е. Подтягина и др., назовет и иные имена.

В связи с этим изменяет свое значение и смысл табличной обработки уже подсчитанного, сгруппированного и разбитого на статистические ряды первичного материала наблюдения.

Прежнее понимание этой обработки, установленное для нее в русской статистической методологии проф. Янсоном, согласно которому целью ее являлось лишь облегчать понимание функциональных зависимостей существующих среди различных признаков изучаемых в статистике массовых явлений путем расположения их цифровых значений известным образом в статистических таблицах, ныне осложнилось выявлением характера связи, существующей в мире этих массовых явлений—связи корреляционной, подчеркнувшей неполноту и односторонность табличного изображения ее статистических рядов, при которой эта корреляционная зависимость не обрисовывается и часто даже обманчиво затемняется.

Таким образом, табличная обработка уже утрачивает характер окончательной стадии статистического анализа цифровых рядов и получает значение лишь подсобной технической операции, результаты которой, при всей их наглядности, требуют особой к себе осторожности и часто нуждаются в проверке их более тонкими методами исследования — методами корреляционного исчисления и построения особых аналитических диаграмм.

В связи с этим особое значение в статистике приобретает именно метод графической обработки сгруппированного в таблицах материала, с помощью которого открывается возможность не только наглядно изображать часто весьма сложные и запутанные совокупности, в самом расположении кривых показывая характер связи между различными явлениями и их признаками и в то же время осу-

ществлял даже известный контроль над внутренней достоверностью полученных статистических цифр, проявляющейся наглядно в степени правильности кривых и в их изломах, но и измерять относительную меру изменчивости явления в данном месте кривой по сравнению с изменчивостью ее в другом месте.

(См. М. Е. Подтягин: „Методологические вопросы при изучении зависимости явлений", „Статистический вестник", кн. 3, 4. 1915—16 гг.)

Эта возможность простым черчением в линейной диаграмме получить ряд новых величин, рисующих отношение первоначальных членов ряда, и составляет истинный raison d'être графического метода. Возможность же на глаз быстро производить измерение геометрических величин линейной диаграммы; возможность „объять и понять" (Левассер) с одного взгляда всю совокупность, всю целость и на долгое время запечатлеть все это—делает графики ценным дидактическим приемом и увеличивает их значение, как орудия анализа.

Однако до тех пор, пока в статистической методологии не было предложено такого способа построения линейных диаграмм, при помощи которого из этого построения стало бы возможным исключить неизбежно сопутствовавший до сего времени ему произвол чертежника-исследователя, проявлявшийся в психологическом стремлении его невольно смягчать изломанные углы кривых в соответствии с его субъективным взглядом на степень и характер действительной устойчивости изображаемого им в диаграмме явления, что естественно вело к искажению самого представления и к ложным заключениям о нем,— до тех пор в статистической литературе вполне законно царило справедливое предубеждение против графического метода, господствовало представление о нем, как о приеме чисто популяризаторском и ненаучном.

Было очевидно, что если диаграмма должна стать орудием научного анализа, то никакой произвол и субъективизм в ее построение вносимы быть не могут.

Форма кривой, величина углов, образующих ее, в этом случае должны зависеть исключительно от величины членов ряда, представляемого диаграммой, и более ничего, т.-е. сама диаграмма должна быть только функцией данного ряда и, связывая величину углов, ею изображаемых, этой функциональной зависимостью и самим статистическим рядом, должно, тем самым, в одной формуле определять и отношение масштабов их абсцисс и ординат.

Разрешение вопроса о таком построении линейных аналитических диаграмм принадлежит М. Е. Подтягину, установившему принципы его в своей, нами уже неоднократно цитированной работе, „Методологические вопросы при изучении зависимости явлений".

Развивая идеи работавших в том же направлении европейских ученых Marsch'a, Bowley'я и Benini, М. Е. Подтягин предлагает, на примере изображения в кривых направления и силы колебаний из году в год хлебных цен, строить необходимые аналитические диаграммы таким образом, чтобы средняя величина углов, образуемых отрезками кривой с горизонталью, равнялась постоянно 45°.

Диаграммы, построенные таким образом, М. Е. Подтягин называет „нормативными", видя их отличие от обыкновенных диаграмм в том, что они включают в себя новый элемент для анализа, отсутствующий в последних,— **абсолютную** величину углов, образуемых отрезками кривой и горизонталью.

В тех местах, где кривая на „нормативной" диаграмме идет под углом в 45°, явление претерпевает среднее нормальное изменение.

Углы, большие или меньшие 45°, характеризуют отклонение явления в обе стороны от средней изменчивости его.

Преимущество такой „нормативной" диаграммы, согласно М. Е. Подтягину, перед обыкновенной заключается в том, что „те выводы, какие можно сделать из последней путем сравнения друг с другом углов кривой, получаются быстрее и точнее из нормативной диаграммы путем сравнения ее углов в 45°".

„Кроме того все существующие особенности изображаемых числовых рядов выдвигаются на нормативной диаграмме с наибольшей резкостью, особенно после небольшой практики в чтении их".

„Однако необходимость и значение „нормативных" построений график выясняется вполне только при рассмотрении сравнительной диаграммы, т.-е. диаграммы с несколькими кривыми, задачей которых является установление зависимости—параллелизма или антагонизма—явлений, когда полная функциональная зависимость между ними представляется параллельными кривыми.

„Здесь преимущество нормативной диаграммы перед обыкновенной представляется в том, что в то время как в последней углы двух кривых так же мало сравнимы, как и члены двух статистических рядов, изображающих два явления, измеренные различными масштабами, в нормативной диаграмме оказывается возможным приведение двух кривых к одному общему основанию, принимая средний угол каждой кривой равным 45°. Тогда этот угол и явится общей мерой всех углов сравниваемых кривых, допускающей уже непосредственное изучение параллелизма самих кривых".

При полной функциональной зависимости явлений в этом случае соответствующие отрезки кривых пройдут параллельно друг другу. При неполной, но более или менее тесной зависимости,—отрезки отклонятся друг от друга на определенный угол. Этот угол и явится вполне объективной, независящей совершенно от субъективизма исследователя-чертежника, мерой отклонения или параллелизма двух явлений в данном месте кривой.

Беря затем среднее арифметическое из этих углов,—или точно вычисленных или взятых транспортиром,—мы получаем, в конечном счете, тот искомый нами „средний угол отклонения кривых", т.-е. ту меру зависимости между двумя кривыми и явлениями, ими изображаемыми, роль которой окажется той же, что и коэффициента корреляции в его гоккеровской транскрипции.

Итак, новым приемом изображения „нормативных" график, вводимым М. Е. Подтягиным в аналитическую часть аграрной статистики наших земств, оказывается возможным установить не только факт параллелизма явлений, выраженный в кривых, но и силу их связи, степень их зависимости.

Таким образом, в этом пункте аналитическая статистика подает руку математической и обогащает теорию статистического метода вообще и методологию аграрной статистики в частности новым могучим и вполне объективным орудием интегрального познания в высшей стадии статистического анализа.

Мы не будем касаться выводов, полученных путем применения к исследованию приема „нормативных" диаграмм, автором его—М. Е. Подтягиным—в его солидной работе по выяснению степени зависимости движения землевладения от движения урожаев и хлебных цен, что слишком бы расширило рамки и без того растянувшейся нашей работы.

Отметим лишь одно, что удачное применение М. Е. Подтягиным к рядам динамического характера корреляционного исчисления в обоих его формах—математической и графической—сильно способно, по нашему мнению, поколебать приведенное нами выше мнение проф. Р. М. Орженцкого о пределах применения этого метода, ограничивающего сферу последнего в статистике исследованием лишь статистических рядов.

Блестящий опыт М. Е. Подтягина подчеркивает правильность теоретического утверждения, высказанного проф. Е. Е. Слуцким еще раньше в своей „Теории корреляции", согласно которому „все формулы ее сохраняют свое значение при всяком законе распределения", т.-е., иначе говоря, метод корреляционного исчисления должен быть одинаково приложим к каким угодно статистическим рядам—и к статистическим и к динамическим без всяких „но" и ограничений.

(См. Е. Е. Слуцкий: „Теория корреляции и элементы учения о природе распределения". Киев. 1912 г., стр. 71.)

Только три месяца спустя на созванном в Москве Центральным Комитетом союза городов „Совещании по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии“ эта идея, под видом „научно-правильного учета производства и потребления хлебов“ ставится в порядок конкретного обсуждения в присутствии представителей заинтересованных ведомств, в числе „необходимых мер против обострения продовольственного вопроса“, и в качестве таковой принципиального возражения со стороны последних не встречает.

Это обстоятельство позволило Совещанию признать, по докладу В. Г. Громана, осветившего со многих сторон экономическое состояние страны, необходимость производства переписи посевных площадей, урожаев и запасов потребляющего населения и скота „в целях правильного учета и регулирования товарообмена“ и обратиться от имени обоих всероссийских союзов — земств и городов — к правительственной власти за утверждением постановления об этой переписи Совещания „в законодательном порядке“.

(См. Протоколы „Совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии“, созванного в Москве 11—13 июля 1915 года.)

Однако „законодательного“ подтверждения постановления Совещания со стороны правительственной власти не последовало, и вопрос о переписи в том узком виде ее, какой был принят этим Совещанием, продолжал оставаться открытым.

Лишь с ноября месяца 1915 года, когда на 21—28 ноября Центральным Комитетом союза городов было созвано в Москве, в дополнение к июльскому Совещанию, специальное всероссийское совещание земских и городских статистиков, со специальной, якобы, целью лишь „для выработки приемов обследования размеров продовольственной нужды и запасов в стране“ и когда это совещание, отвергнув все компромиссы, котегорично подчеркнуло необходимость производства не какой-либо частичной, а исчерпывающей сельско-хозяйственной переписи, подвергнув в докладе В. Г. Громана уничтожающей критике все половинчатые мероприятия в этом направлении правительственной власти, проводившиеся созданным ею „Особым совещанием по продовольствию“,—вопрос о самом производстве переписи встал в плоскость ее осуществления.

„Совещание статистиков“ фактически обратилось во Всероссийский съезд земской и городской статистики, подтвердило полномочия избранной на прежних съездах постоянной Исполнительной комиссии статистических съездов и выработало все основные положения намеченной им на ближайшее время всероссийской сел.-хоз. переписи, почти целиком вошедшие в положение о переписи 1916 года.

Основной идеей этой переписи было поставлено исчерпывающее, хотя бы только в самых основных признаках, сплошное обследование сельского хозяйства страны по двум типам его сельско-хозяйственных предприятий—по крестьянскому и частновладельческому, долженствовавшим явиться единицами обследования, при чем громадной заслугой съезда явилось то, что он заставил правительственную власть отказаться от чисто сословной квалификации этих типов, заменив эту квалификацию определением их по трудовому началу.

В общих чертах, по решению съезда, сел.-хоз. перепись, намеченная им, должна была удовлетворять следующему минимуму требований: 1) сел.-хоз. перепись должна была дать учет посевных площадей по отдельным культурам; скота с распределением его на молодняк и взрослый; запасов продовольственных продуктов с подразделением хлеба на обмолоченный, необмолоченный и муку; запасов кормовых средств (не только сена, но и гуменных остатков и концентрированных кормов), запасов топлива и количества наемных рабочих в хозяйстве; 2) сел.-хоз. перепись должна была быть организационно связана с исчислением населения и должна была подвергнуть сплошному учету население, а также рабочий и про-

дуктивный скот; остальные элементы хозяйства, перечисленные выше, должны были быть учтены выборочным исследованием 10% мелких и сплошных крупных хозяйств; 3) исчисление населения должно было дать расчленение его на категории, необходимые для учета продовольственных нужд, рабочего состава и вызванного обстоятельствами военного времени перемещения населения (беженцы, военнопленные, гарнизоны).

(См. „Труды Совещания земск. и городск. статистиков" 21—23 ноября в 1915 г. в Москве, вып. I, стр. 16—17.)

Избранная этим съездом особая статистическая Комиссия установила, исходя из положений в докладе В. Г. Громана, формы бланков и отчасти приемы сел.-хоз. переписи, в дальнейшем явившиеся образцами для форм переписи 1916 года, несколько видоизмененных последующими съездами статистиков, состоявшимися 27—29 декабря 1915 года, 5—7 марта и 15—18 апреля 1918 года.

Однако выполнение плана с.-х. переписи, намеченного статистическим съездом 21—28 ноября 1915 года и еще раз подтвержденного декабрьским с'ездом того же года, чуть было не было сорвано решением „Особого совещания по продовольственному делу" провести в марте 1916 года, вопреки решению статистических съездов, лишь изолированную перепись скота, используя для ее проведения на-ряду со своими местными уполномоченными и губернские земства.

В связи с этим Постоянной Исполнительной Комиссией статистических съездов, совместно с Центральными Комитетами Всероссийских союзов земств и городов, был созван им 5—7 марта экстренный съезд земских и городских статистиков, категорически высказавшийся против такого изолированного мероприятия „Особого совещания", указавший на необходимость считаться со взаимной связью в сельском хозяйстве отдельных элементов его и потребовавший издания Особым совещанием телеграфного распоряжения о немедленном прекращении на местах начатой по его инициативе изолированной переписи скота.

В силу несовершенной постановки этой переписи и отсутствия надлежащей организации ее, требования мартовского съезда возымели силу, телеграфное распоряжение о прекращении переписи скота было сделано и был принят к руководству и выполнению предложенный им сплошной и исчерпывающий в основных признаках план сел.-хоз. переписи, одобренный во всех своих деталях в специально выделенной съездом Статистической комиссии, в ее совместных совещаниях с Статистической комиссией Особого совещания по продовольствию при участии членов Исполнительной Комиссии Статистических съездов в заседаниях с 24 по 28 марта 1916 года.

(См. „Постановления Статистической комиссии Особого Совещания по продовольственному делу" заседания 24, 25, 26, 27 и 28 марта 1916 года, стр. 4—8.)

В срочном порядке принятый в этом заседании план всероссийской сел.-хоз. переписи был предложен на утверждение министерства земледелия и 3-го апреля 1916 года получил в окончательной форме „Положения о производстве сел.-хоз. переписи" законодательную санкцию.

15—18 апреля состоялся новый всероссийский съезд земских и городских статистиков в торжественной обстановке исторических для земской статистики дней, в которые осуществлялись долголетние чаяния беззаветных тружеников земского дела, доживших до великого момента признания своего общественного и делового авторитета той самой властью, которая до самых последних дней смотрела на них как на беспочвенных смутьянов. Деловито и серьезно протекают заседания этого съезда. С новой силой подчеркивается им великое общественное и государственное значение объективного статистического изучения сельского хозяйства, связанного с живым интересом к условиям быта и деятельности носителей сельского труда, трудового крестьянства — этого источника всего благосостояния российской

государственности; даются окончательные формы опросных бланков переписи, вырабатываются и принимаются инструкции их выполнения; устанавливаются все организационные детали самого производства переписи и ее сроки; выясняется порядок дальнейшей разработки переписного материала.

Постановления съезда 15—18 апреля 1916 года относительно толкования и порядка заполнения всех опросных формуляров включаются целиком в утвержденную министром земледелия „Инструкцию по производству сел.-хоз. переписи", опубликованную в конце апреля—начале мая того же года.

Из постановлений этого съезда не вошло в инструкцию 1916 года лишь постановление о производстве совместно с переписью сельского населения и переписи городского.

Официальной задачей этой переписи, согласно постановлениям съезда, объявлялось „производство по одной обязательной для всей империи (без Финляндии) учета рабочих сил сельского населения, скота, посевных площадей и запасов главнейших продовольственных и фуражных продуктов", при чем это производство предполагалось, начав в один день по всей территории империи, провести его почти одновременно лишь с разным сроком окончания его для разных поясов Европейской и Азиатской России.

По существу же задачей переписи являлось собрать конкретный материал о состоянии сельского хозяйства России „для обоснования органических и экстренных мероприятий государственной сел.-хоз. экономической политики в интересах всего населения и армии".

(См. статью проф. А. Н. Челинцева: „Всероссийская сел.-хоз. перепись 1916 года", стр. 29 в сборнике „Курсы по подготовке инструкторов etc.", изд. В. С. З. Харьков. 1916 г.)

Сообразно с этими задачами формуляры переписи для сплошного опроса крестьянских и частновладельческих хозяйств включали в себя следующие важнейшие вопросы о населении, скоте и посевах:

а) По населению спрашивалось число всех мужчин и в том числе военнообязанных, своих рабочих, наемных, военнопленных и беженцев; число всех женщин, в том числе своих рабочих, наемных и беженцев; число душ обоего пола оседло живущих, временно пребывающих и отсутствующих не более месяца.

б) По скоту—число лошадей; отдельно-жеребят до 1 года; нерабочего возраста—от 1 года до 4-х лет и рабочего — от 4-х лет и выше; число крупного рогатого скота—бугаев, волов свыше 2 лет; коров-нетелей свыше $1^1/_2$ года и бычков от $1^1/_2$ до 2-х лет; подтелок и бычков от 1 года до $1^1/_2$ года; телят до 1 года, с выделением из числа волов нерабочих третьяков, с раздельным показанием в одной графе нетелей и бычков; взрослых и ягнят, коз и козлят; свиней и боровов свыше 1 года; подсвинков от 4-х мес. до 1 года; поросят до 4-х мес.; верблюдов, ослов и мулов.

в) По посеву—посевы всех растений в поле и на усадебной земле, кроме овощей, в десятинах, производимые как в целях продовольствия, так и в целях получения семенного материала, по всем землям данного хозяйства и, при возможности, раздельно на купчей, наделькой, надельно-арендованной и арендованной вненадельной. Шероховатости этой программы опроса заключались: 1) в условности самого разделения хозяйств по трудовому принципу на две категории—хозяйства „крестьянского типа" и хозяйства „частновладельческие", согласно которому к частновладельческим хозяйствам относились хозяйства, применяющие в своем производстве исключительно наемный труд, хотя бы это были хозяйства солдаток, стариков, бобылей, лично не участвующих в производстве, а обрабатывающих свою землю сдельно; к хозяйствам же „крестьянского типа", короче крестьянским—относились и те хозяйства не-крестьян—священников, причта, учителей, торговцев, чиновников и проч., в которых сам владелец участвует в сел.-хоз.

производстве; 2) в ограничении рамок переписи учетом рабочих сил одного лишь сельского населения и только в сельских местностях, что фактически устраняло из круга ведения ее учет хозяйств в пригородах, поселках, дачных местностях, в фабрично-заводских поселениях, хозяйств железнодорожных служащих в полосе отчуждения и проч.; 3) в отказе переписи при определении рабочего состава хозяйства следовать установленному в земской практике с 80-х годов „возрастному“ понятию работника, вследствие чего переписью учитывались „полные работники и работницы“ по субъективной характеристике их, как таковых, дающего сведения; 4) в неясности термина „населенный пункт“ который, согласно инструкции переписи, включает в себя не только селения, но и отдельные экономии, фермы и фольварки, а с другой оставляет в стороне дворы-одиночки, строения, обитаемые только летом, железнодорожные будки, северные „погосты“ и проч., и 5) в том, что в программе переписи были упущены учет земли по видам и категориям владений и учет площади пара, занимающей в нашей стране огромное пространство.

Центр внимания переписи был все же в продовольственных вопросах, а не в аграрном, и это наложило определенную печать значительного технического несовершенства на самую программу переписи. Это техническое несовершенство еще более усилилось тем, что победа земской статистики была еще далеко неполной, ибо, вопреки требованиям статистических съездов, руководство всем производствам переписи и ее организации в центре оставалось все еще в руках Статистической Комиссии, выделенной из состава того же „Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу“, которое лишь формально было связано с так называемой общественностью, по существу же оставалось органом бюрократическим.

(Состав этого Совещания состоял из 7 представителей Государственного совета и Государственной думы, 6-ти представителей центральных ведомств, назначенных их начальниками, 3-х представителей, по назначению же, Главного Управления землеустройства и земледелия и лишь двух, по одному от каждого, представителей Всероссийских земского и городского союзов.)

И хотя в эту Статистическую Комиссию, помимо членов ее, выделенных в ее состав из Особого совещания, могли входить, по приглашению ее председателя, „все лица, участие коих в работах Комиссии признавалось полезным“, ибо их влияние и число в этой Комиссии „уравновешивалось“ правом председателя самого Особого совещания включить в состав Комиссии, по своему усмотрению, необходимое для такого „уравновешивания“ количество дополнительно прилагаемых им „представителей различных ведомств“.

При этом, бюрократизация всего производства и организации переписи не ограничивалась одним лишь центром—она простиралась и на места, где все дело этой организации производства поручалось сословным губернским земским управам, в так-называемых земских губерниях, и уполномоченным Особого совещания в неземских, коим лишь „рекомендовалось“ по мере надобности приглашать к содействию переписи местные статистические наличные силы (не организации. Е. В.), а равно „все те общественные, кооперативные учреждения и частные лица, которые могли бы быть полезными для дела“.

Результаты всей этой искусственности постановки переписи, к счастью, не отразившись на самом первичном наблюдении, давшем сравнительно успешные и богатые материалы, вполне достаточные для первого опыта, каковым, по существу являлось всероссийская сел.-хоз. перепись 1916 года (перепись учла в 49 губерниях Европейской России кроме Ставропольской 15.645.508 отдельных хозяйств, в них 84,7 миллионов населения в том числе 37,4 миллиона мужского и 47,3 миллиона женского пола, с посевной площадью в 71.769.000 десятин, с раздельным учетом посевов продовольственных, кормовых и технических культур и

крестьянских и частновладельческих хозяйствах; с 140.240.000 голов лошадей, крупного рогатого и мелкого скота. Е. В.), отразились на дальнейшей обработке этих данных, система разработки, которых, принятая в центре, на деле оказалась настолько уродливой, настолько „идущей вразрез с запросами и интересами общественного строительства", что было умалена не только ценность самой переписи, но и преграждена возможность целому ряду губерний произвести в полной мере разработку ее данных согласно положениям статистических съездов.

(См. доклад П. И. Попова на съезде статистиков 17—21 февраля 1917 года.)

„Запросы и интересы общественного строительства" требовали иной постановки дела—той самой, на которой настаивали все предыдущие съезды статистиков, стремившиеся поднять значение переписи до степени исчерпывающего, всестороннего и объективного исследования сел.-хоз. действительности страны, не скованного никакими предвзятыми точками зрения и заранее продиктованными—„сверху" заданиями.

И вот, под знаком борьбы за эту идею—идею удовлетворения прежде всего „запросов и интересов общественного строительства"—проходят заседания февральского съезда статистиков 1917 года, принявшего постановление о производстве повторной сел.-хоз. переписи почти накануне февральского переворота.

Революция одним ударом разрешила многолетний спор между земской статистикой и бюрократией старого режима, выбив власть из рук последней и передав ее в руки демократии.

Созванный 18—22 апреля 1917 года Исполнительной Комиссией статистических съездов объединенный съезд земских, городских и правительственных статистиков подводит итоги этому спору и развивает программу повторной сельско-хозяйственной переписи, связывая ее с переписью земской и городской, сразу в двух направлениях—в направлении собирания материала, необходимого для построения в общегосударственном масштабе продовольственного плана, и в направлении разрешения вопросов, связанных с земской реформой, задачи и рамки которой были провозглашены временным правительством.

Сообразно с этими задачами расширяется и самое содержание переписи. Подворная карточка для хозяйств крестьянского и частновладельческого типа, общинный план для каждой земельной единицы, являющейся частью селения, целым селением или группой селений и частновладельческий бланк для описания крупных частновладельческих хозяйств—эти три основных формуляра переписи соответственно расширяются, имея целью охватить своей совокупностью сплошь все хозяйства как подворного, крестьянского и частновладельческого типа, единоличного и коллективного, так и общинного и крупного владельческого, находящихся во всех вообще „населенных пунктах", а также хозяйства изолированные, т.-е. расположенные одиночно, и земельные владения, за исключением находящихся в черте города, и притом не только собственно сельские хозяйства (усадьбы, хутора и пр.), но и хозяйства промышленного и потребительного характера, как-то: лесные и промысловые заимки, конно-почтовые станции, сторожевые кордоны, будки путевых сторожей и стрелочников по линиям железных дорог и т. п., одним словом—все хозяйства, где бы они ни находились, не утратившие своей связи с земледелием и вообще с сельским хозяйством, и все земельные владения, кому бы они ни принадлежали, за исключением находящихся в черте города.

Поручая непосредственное заведывание переписью по всему государству Отделу переписи реформированного на новых началах министерства земледелия,—съезд общее руководство [illegible] по ней возложил на „Особый совет по переписи" в составе 14 лиц—4-х представителей земской статистики, 2-х представителей городской статистики, [illegible] представителей статистической науки, 2-х

представителей министерства земледелия (продовольственного и земельного комитетов), 1-го представителя министерства внутренних дел, одного представителя министерства финансов, одного представителя государственного контроля и заведующего Отделом переписи министерства земледелия,—выделяющих из себя—„для разрешения текущих программных технических и организационных вопросов"—„Особое Исполнительное Бюро в числе пяти человек, при чем, демонстрируя свое полное доверие новому революционному правительству, съезд право периодического созыва земских, городских и правительственных статистиков и представителей статистической науки, „для выработки общей программы работ по переписи, организации, разработке ее материалов, размеров необходимых кредитов и проч." предоставил министру земледелия.

В состав сменившего „Особое совещание" „Совета по переписи" тут же на съезде были избраны—от земской статистики П. А. Вихляев, Н. Н. Черненков, Н. И. Воробьев, С. С. Жилкин; от городской статистики—А. Е. Лосицкий и Е. И. Добровольский; от статистической науки—А. А. Кауфман и А. Н. Челинцев и заведующий Отделом переписи—П. И. Попов.

Что касается организации и производства переписи на местах, то оно, по-прежнему, в земских губерниях было возложено на земские учреждения, уже реформированные на бессословном начале; в неземских же губерниях—на губернские и областные продовольственные комитеты; в губерниях и областях Азиатской России—на местные организации Переселенческого управления, в губерниях и областях Кавказа—на местного главноуполномоченного по закупке хлеба для армии и населения, при чем было подчеркнуто, что „все местные переписные организации в своих работах должны опираться на губернские, уездные и волостные комитеты, а также на земские и городские мелкорайонные организации".

Кроме того, на Исполнительную Комиссию статистических съездов, дополненную восемью представителями от различных по своему хозяйственному укладу районов Европейской России по выбору съезда, и двумя представителями, по одному от каждого, от областных совещаний статистиков Азиатской России и Кавказа и лицами, заведующими отделами статистики в центральных учреждениях, съезд возложил обязанность служить „органом содействия по проведению сельскохозяйственной, земельной и городской переписей на местах".

В качестве представителей от районов Европейской России по выбору съезда в эту Комиссию вошли: Е. К. Введенский, А. Н. Хрящева, М. Е. Вениаминов, Г. И. Баскин, Е. В. Пашковский, В. И. Фролов, г. Верхопятницкий, г. Шкубер и П. И. Попов.

Имея в виду земельную реформу, съезд подчеркнул необходимость для местных переписных учреждений, в зависимости от имеющихся в их распоряжении материалов, вести подготовительные работы по землевладению в двух направлениях: 1) на основании плановых и документальных данных и 2) на основании окладных книг уездных земских управ: кроме того, параллельно с работами по переписи, поставить, в целях выяснения земельного фонда, работы по учету земель крупных землевладельцев и всех учреждений; составить, на основании данных переписи 1916 года, списки населенных мест и владельцев, а в тех губерниях, где при переписи 1916 года составлялись списки домохозяев (форма № 6), отмечать в этих списках все изменения, происшедшие в земствах за указанный период времени.

Срок окончания сел.-хоз. и земельной переписей съезд назначил на 15 августа—1 сентября 1917 года, при чем окончательное установление срока предоставил Совету переписи по соглашению с местными учреждениями.

Срок окончания предварительных итогов переписи был назначен на 15 сентября 1917 года, при чем программа этих [illegible] была такая:

а) предварительные итоги должны были быть подсчитаны по хлеботорговым районам, уездам и губерниям, а в тех губерниях, где эти районы (по переписи 1916 года. Е. В.), не установлены, по уездам и губерниям;

б) предварительные итоги должны были в себе заключать:

1) в целях продовольственных—население с разделением по полу и с выделением работников и работниц; скот в объеме программы полностью и посевы важнейших продовольственных и торговых культур;

2) в целях аграрной реформы—количество земли, принадлежащей: а) частным владельцам, б) учреждениям, в) крестьянам-общинникам и г) крестьянам на подворно-наследственном праве, с отнесением к частным владениям всех хозяйств, имеющих 50 дес. и более удобной земли, и число хозяйств, раздельно—безземельных и владеющих землей.

По сравнению со сметой переписи 1916 года (в 6.200.000 р.), смета сел.-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года была увеличена почти вдвое—до 11.810.000 рублей, а все расходы по сельско-хозяйственной и по городской переписям исчислялись в 16.176.400 рублей на всю территорию бывшей Российской империи, при чем даже эта сумма пугала участников съезда, и ему пришлось вынести специальное постановление—„считать невозможным сокращение утвержденной съездом программы переписи по сметным соображениям".

Явно выявленные апрельским съездом „задачи общественного строительства", как мы сказали выше, и углубили и расширили программу подворной сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года, по сравнению с программой переписи 1916 года, несомненно внесли исправления в указанные нами шероховатости ее и поставили новые вопросы перед переписью.

О том, как была исправлена неясность в понимании „населенного пункта"—мы видели: съезд просто указал, что „всероссийская перепись 1917 года должна быть произведена сплошь по всем хозяйствам и охватить как сельское, так и городское население" а „Инструкция" по производству этой переписи, изданная в мае месяце 1917 года и утвержденная министром земледелия, развила это общее положение путем установления понятий и категорий „сельских местностей", как объектов сел.-хоз. и поземельной переписи, и „поселений городского типа и городов", как объектов переписи городской, при чем единицей счета для сел.-хоз. и поземельной переписи она оставила „хозяйство", как общность лиц, связанных единством своего производственно-потребительного бюджета. В деление сельских хозяйств на две категории—на хозяйства крестьянского и частновладельческого типа—программа и инструкция переписи 1917 года, в целях устранения недоразумений указанных нами в своем месте, внесла значительное упрощение, взяв за определяющий эти типы момент не качественный признак—трудовое начало, свой или наемный труд, а количественный размер землепользования по удобной земле—„все хозяйства с количеством удобной земли в 50 или более дес. механически должны были причисляться к частновладельческим", при чем „Инструкция" делает примечание о том, что эта норма для разных местностей, в зависимости от ценностей земельных угодий и других условий, может быть и повышена и понижена, но не более чем до <100 или >20 десятин.

В отношении же „отсутствующих" хозяйств и лиц, подлежащих регистрации, признак количественный—продолжительность и срок отсутствия - заменяется общим определением „отсутствующего хозяйства" как семьи или лица, приписанного к данному селению или обществу и владеющему в нем надельной землей, но совершенно не живущих в селении и неимеющих в нем домоводства и хозяйственного обзаведения. При чем поясняется, что отсутствующие семьи и лица, которые совершенно потеряли связь с землей, т.-е. не имеют в обществе земельного надела и связанные с обществом только припиской к нему, не регистрируются переписью вовсе.

В дальнейшем, к трем разделам подворной карточки 1916 года — разделам населения, скота, посева, программа сплошного надворного обследования 1917 года добавляет разделы о сел.-хоз. инвентаре, о землевладении, о землепользовании (аренде и сдаче), о торгово-промышленных предприятиях, о высокоинтенсивных многочисленных культурах и сельско-хозяйственном наемном труде.

Кроме того, за исключением раздела о скоте, остающимся почти без изменений, и раздел населения и раздел посева значительно расширяется.

В разделе населения отмечается социальное и служебное положение домохозяина и его национальность; детализируется упрощенное в программе переписи 1916 года понятие работника по возрастам и степеням трудоспособности; регистрируются промыслы всех членов семьи и их положение в этих промыслах; отдельно от членов семьи отмечаются живущие в хозяйстве, т.-е. постоянные или долгосрочные, наемные рабочие с указанием роли труда, выполняемого ими в хозяйстве.

К программе регистрации и учета посевных площадей и посевов переписи 1916 года прибавляются графы регистрации пара и залежи и по сумме посевной площади плюс площадь пара или залежи определяется общая площадь пахотноспособной земли или площади землепользования.

Что касается остальных, вновь вводимых в перепись 1917 года, отделов, то согласно „Постановлениям съезда земских, городских и правительственных статистиков", разъясняемым в „Инструкции", содержание их касается следующих вопросов:

1) Отдел инвентаря заключает как свои, так и наемные (в том числе взятые на прокатных пунктах) железные плуги (одно-и многолемешные), сеялки, жнейки, молотилки, веялки, косилки и телеги на железном ходу, при-чем владение инвентарем на товарищеских началах отмечается долей участия.

Согласно инструкции, расширяющей это содержание, в том же отделе записывается весь крупный обработочный и уборочный инвентарь, за исключением борон и примитивных орудий вспашки (сохи и т. п.), а также орудия колесного транспорта на железных осях. Регистрации подлежит не только собственный, но и наемный (арендованный, прокатный) инвентарь, если таковым пользуется хозяйство или пользовалось в течение последнего года. Владение инвентарем на товарищеских началах отмечается долей участия данного хозяйства в каждом орудии, выражаемой простой дробью,—напр. $^1/_4$ сеялки, $^1/_2$ жнейки и проч.

Но добавочным разъяснениям к инструкции факт найма инвентаря надлежало отмечать знаком „наем" и прилагать отдельно регистр прокатных станций, используемых местными хозяйствами.

2) Отдел землевладения, согласно „Постановлениям", включает в себя: а) подразделение площади по угодьям и по категориям землевладения, с разделом угодий на пашню, естественный покос, прочие угодья, всей удобной земли с отдельным указанием площадей высоко интенсивных культур (табачных плантаций, виноградников и проч.), с подразделением площади землевладения по категориям земель для каждого угодья в отдельности, с установлением следующих общих их категорий: а) надельных земель—подворных, подворно-наследственных и общинных, б) кунчих земель и в) прочих земель. При этом общинные земли должны были в свою очередь подразделяться на укрепленные и выделенные хутора, с особым выделением из укрепленных земель купленных данным хозяйством; укрепленных наделов; а кунчие—на единоличные, общественные и товарищеские; все же категории земель кроме кунчих земель, находящихся в общино-передельном пользовании, должны были регистрироваться переписью по трем группам—хуторских, отрубных и черезполосных земель, с отдельной от наличного „землевладения-хозяйства" регистрацией проданных этим хозяйствам укрепленных наделов. Инструк-

ция, в дополнение и развитие этого пункта, вводит необходимость указания и регистрации юридической природы землевладения—прав собственности (полной или ограниченной), вечного бессрочного пользования (владения государственными землями на оброчном, ясачном и т. п. аналогичном праве), чинш, вечно наследственной аренды, оброчного держания частновладельческих земель, прав бессрочного давностного владения (земской давности) и пр. Число подлежащих регистрации угодий расширяется, вводятся следующие рубрики угодий: усадебная земля, пахоть, естественный покос, лес и кустарник, выгон (пастбище), площади высококультурных, многолетних культур, прочие сельско-хозяйственные угодья, не подходящие ни под одну из предыдущих рубрик (напр., специальные пасеки, водные бассейны, используемые для рыболовства, и проч.); при чем разъясняется, что земельная площадь распределяется по угодьям лишь в зависимости от ее постоянного хозяйственного пользования, а не от случайного использования в данном году; при использовании же ее в нескольких направлениях одновременно (напр., сенокос в саду, пастбище в лесу и т. д.), она должна регистрироваться в качестве того из данных угодий, которое имеет наибольшую ценность. В отношении усадебной земли и пахоти даются следующие разъяснения: в качестве усадебных земель следует регистрировать лишь площадь, находящуюся под постройками, двором, неплодовым садом и т. п., а также под мелкими неполевыми огородными культурами, под пахотью же следует понимать не только площадь уже занятую культурами, но и незанятую „отдыхающую“ землю (пар, залежь), поскольку последния подчиняется определенному севообороту.

3) Отдел землепользования регистрирует надельную и вненадельную аренду-сдачу земель и землепользование на этих землях по отдельным угодьям, с указанием сроков и условной аренды и сдачи. Инструкция к этому добавляет регистрацию земель „захватной“ аренды, т.-е. земель, используемых крестьянами после революции 1905 года на праве революционного захвата, по распоряжениям земельных комитетов и иных тому подобных учреждений.

4) Отдел наемного сел.-хоз. труда отмечает факты найма в крестьянских хозяйствах в течение последнего года посторонних рабочих (годовых, сроковых, сдельных), в том числе приглашаемых на основе специальной формы сдельного найма, т.-н. „управки дуг“ и т. д. и поденных рабочих, без учета числа рабочих при годовом и сроковом найме, поденщиц и количеств единиц выполненных работ при сдельной форме и без указания, как добавляет „Инструкция“, периодов найма.

5) Отделом неперсональных промыслов, названным в „Инструкции“ отделом „Торгово-промышленных заведений“ и т. п. „отмечается наличность в хозяйстве торгово-промышленных заведений, технических оборудований промышленно-торгового и иного характера, служащих в качестве помещений для орудий производства при занятии членов хозяйства промыслами (как-то: мельницы, кузницы, мелочные лавки, смолокуренный завод, ичельник и пр.), с указанием названий и числа главнейших орудий производства в них, при условии согласования записей в этом отделе с записями подъотдела промыслов населения, а также различные отрасли сельского хозяйства промышленного характера (пчеловодство, садоводство, хмелеводство, табаководство и проч.) с учетом площадей плодовых садов, виноградников, хмельников и пр. без регистрации тех из этих угодий, которые сданы хозяйством в аренду, в другие руки.

Начатые с двадцатых чисел мая мес. 1917 года по всем губерниям бывшей Российской империи работы по производству на местах сел.-хоз. и поземельной переписи, прерванные бурными событиями июля—августа того же года, уже не смогли быть закончены в последующий, еще более напряженный революционный период в жизни нашей [illegible] особо тяжких условиях поставивший южные губернии еще остававшейся в [illegible] емя „единой и неделимой“ России, большая

часть которых уже намечала пути своего политического обособления под лозунгом „Самостийной Народной Украинской Республики".

В связи с этим и в самом первичном наблюдении, и в последующих шагах, направленных к разработке его материалов, были допущены со стороны многих губерний вольные и невольные отклонения от Инструкции, искажавшие самую идею переписи, как всеобъемлющего одновременного исследования по единообразной программе; во многих губерниях, помимо того, обнаружился значительный неучет, по сравнению с переписью 1916 года, площади удобной земли, количества хозяйств, в их общем итоге увеличенного по сравнению с переписью 1916 года в совершенно неправдоподобных размерах по отдельным уездам; проявился и целый ряд других недостатков, объяснимых особенностями той обстановки, в которой производилась перепись.

К 15-му сентября 1917 года лишь редкие губернии смогли представить Отделу переписи предварительные итоги своего первичного наблюдения, и только 3—6 декабря в Петрограде смог, наконец, собраться снова всероссийский съезд земских, городских и правительственных статистиков, чтобы обсудить результаты произведенной переписи и определить систему и программы разработки ее данных.

Однако этот съезд всероссийским явился лишь по идее: по существу же представительство на нем статистических организаций сильно страдало за счет окраин, из которых лишь отчасти были представлены Кубань, Донская область, Бессарабия и Туркестан; совершенно отсутствовали представители польских, литовских, прибалтийских, приуральских, сибирских и кавказских статистических организаций; из украинских же явились официальные представители лишь от одного Киевского губернского земства.

Сильнейшие, могущественнейшие статистические организации земской России—Пермская, Вятская, Полтавская, Черниговская, Харьковская и Воронежская, а также обнимающие громадное поле наблюдения—Таврическая, Подольская, Волынская и Херсонская на этом съезде своих официальных представителей не имели, и это, несомненно, отразилось на авторитетности постановлений последнего, приведя статистические организации бывших губернских земств и городов Украины к мысли о необходимости созыва в Киеве своего собственного всеукраинского статистического съезда, собравшегося через 5 дней после закрытия петроградского съезда—10-го декабря 1917 года, и заседавшего по 13-ое того же месяца.

На этом съезде, в противовес постановлению петроградского съезда о желательности объединения статистических работ по сельско-хозяйственной статистике и связанным с ней отраслям „во всероссийском масштабе" была выдвинута идея создания своего собственного территориального всеукраинского статистического центра, как учреждения, вызывавшегося к жизни требованиями „государственного строительства Украинской Народной Республики", статут которого поручалось съездом выработать Статистическому Бюро при министерстве земельных дел и представить на утверждение Центральной рады.

Остановившись главным образом на вопросах выработки системы и программы разработки материалов сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года, Петроградский съезд почти совершенно не дал критической оценки самому производству этой переписи и качеству ее первичных материалов, хотя с мест уже поступали весьма тревожные сообщения о том, что перепись далеко не везде прошла удовлетворительно и что по большинству губерний предварительных итогов ее данных еще совершенно не было произведено.

Особое внимание этому вопросу уделил киевский съезд, приняв по докладам представителей местных украинских статистических организаций „о фактическом производстве переписи" следующую резолюцию:

„I. Из докладов представителей с мест выяснилися следующие неблагоприятные условия производства переписи:

а) недостаток опытных регистраторов и инструкторов;

б) одновременное производство продовольственной переписи и вообще обременение населения различными переписями в одно и то же время;

в) спешность в ее производстве, да к тому же еще во время страдной поры;

г) отказ населения в некоторых местах, вследствие целого ряда причин, давать сведения, почему части хозяйств по отдельным селам, а также части сел, волостей и даже уездов остались не переписанными;

д) необычное время переписи (особенность военного времени), как причина того, что данные относительно промыслов и других элементов хозяйства, как, например, землепользования и обеспеченности инвентарем и скотом, не будут соответствовать условиям нормального времени, и

е) непригодность переписных бланков, особенно „общинного", условиям сел.-хоз. жизни на Украйне.

II. Несмотря на вышеуказанные дефекты переписи, материал ее дает очень ценные данные, какие могут быть использованы при проведении в жизнь великих реформ ближайшего времени, ибо:

а) эта перепись имеет большое значение для учета населения, угодий, скота и инвентаря...

б) материал ее, корректированный данными земских окладных книг, дает возможность определить размеры земельного фонда Украйны, не имевшей генерального межевания, являясь почти единственным наиболее верным источником для подсчета земельной площади, и

в) уже в том виде, какой имеет собранный материал в настоящее время, он может быть использован в относительных цифрах для установления сел.-хоз. районов, земельных норм и вообще при разработке планов земельной реформы.

(Из рукописных протоколов Первого Всеукраинского статистического съезда. Киев. 10—13 декабря 1917 года.)

На этом, собственно говоря, заканчивается многострадная история русской земской статистики, в дальнейшем влившаяся со всеми своими губернскими и уездными организациями в широкое русло объединенной руководящим центром единой государственной статистики России.

Не ее, конечно, судить за неудачный исход всероссийской сел.-хоз. и поземельной переписи 1917 года. Злая судьба, все время ее жизни преследовавшая ее, сыграла и теперь над нею злую шутку, не дав использовать ей в осуществление своих давнишних стремлений, революционное пробуждение широких народных масс.

Эти массы не узнали в земском статистике своего друга.

Заподозрив его в служении государственному фиску, они гнали его из своих сел, сообщали ему заведомо-лживые сведения или наотрез отказывались давать ему показания.

И это в значительной мере подорвало значение материалов, собранных переписью. Подорвало настолько, что даже покойного проф. А. А. Кауфмана заставило подать петроградскому съезду особое мнение о совершенной ненужности их комбинационной разработки „с точки зрения практических запросов земельной реформы".

(См. „О системе и программе разработки etc.", стр. 173.)

На эту точку зрения стал и киевский статистический съезд, совершенно отклонивший в сторону принятый петроградским съездом план комбинационной разработки материалов переписи 1917 года и вместо того выдвинувший следующие тезисы их „окончательной" разработки:

а) основную группировку хозяйств (в горизонталях) провести по размерам землевладения (14 групп) и эти основные группы поделить на 4 подгруппы в зависимости от количества душ в хозяйстве. Эту группировку провести и по волостям;

б) интервалы при группировке по землевладению принимать за основу полтавские с изменениями, которые дали бы возможность сравнения групп во всероссий-

ском масштабе: безземельные, меньше 1-ой дес.; 1—2; 2—3; 3—4; 4—5; 5—6; 6—8; 8—10; 10—12; 12—15; 15—25; 25—50; 50 и более десятин;

в) подгруппы хозяйств по размерам семьи дать до 3 душ; от 4 до 6; от 7 до 10; 11 и более душ в семье;

г) окончательное разрешение вопроса о группировке по размеру семей передать Комиссии при статистическом отделе нар. м-ства земельных дел, каковой поручить также выработку окончательной программы разработки переписи и форм таблиц;

д) приписных и посторонних выделять в отдельные группы только там, где будет (в связи с условиями военного времени) много беженцев или вообще пришлого люда, передав этот вопрос на усмотрение губернским статистическим бюро;

е) привилегированных и непривилегированных в отдельные группы не выделять, и

ж) в вертикалях ввести группировку хозяйств и обеспеченности землей на одного едока и на одного работника (отдельно муж. и жен. пола).

(Неопубликованные протоколы Первого Всеукраинского статистического съезда. Киев. 10—13 декабря 1917 года.)

Часть III-ья.

Аграрно - экономическая статистика России времен революционного перелома 1917–1921 г.г.

не оставило нам тех именно материалов, нужда в которых чувствовалась на каждом шагу.

„В настоящее время эта потребность удовлетворена... и мы склонны думать, что в отношении сплошных переписей местные статистические бюро... получат некоторую передышку.

„Собранные ныне обширные материалы представляют собой величайшую ценность. В течение многих лет они являются тем источником, из которого будут черпаться... необходимые... цифровые и фактические данные. Нужно только ежегодно освежать и корректировать эти данные путем анкеты или путем выборочной регистрации, охватывающей определенный круг явлений и фактов.

„Позволительно высказать также мысль, что и в сфере собственно разработки материалов часто придется применять в ближайшие годы такие технические приемы, которые способны быстро приводить к известным результатам.

„И потому мы полагаем, что при разработке переписей, как в общепознавательных целях, так и в целях практического разрешения конкретных задач, выдвигаемых текущей жизнью, приложение метода вторичной количественной группировки приобретет все то значение, какого он заслуживает по существу".

В этой, взятой нами в довольно длинном извлечении выдержке, довольно точно обрисовываются тот путь, который прошла русская статистика за истекшее четырехлетие революционного перелома, те видоизменения, которые на практику ее и на направление ее мысли наложил „темп жизни" этого времени, и те перспективы, которые ее ожидают впереди.

Сказанное по адресу всей русской статистики вообще сугубо относится и к той ее отрасли, которую мы называем аграрно-экономической статистикой.

Сугубо потому, что нет, кажется, другой стороны хозяйственной жизни нашей страны, в которую столько коренных органических изменений внесено мировой войной и социальной революцией, сколько внесено их в ее сельско-хозяйственную действительность. И если в том же цитированном нами номере „Самарского вестника", в статье Г. И. Баскина, и отмечается, что аграрная революция, будто бы, не внесла ничего нового в тенденции эволюции сельского хозяйства России, „лишь ускорив" естественное течение стихийного, совершавшегося в течение долгих десятилетий, процесса перехода в руки трудящихся всей земли и нивеллировки всего землепользования к нормам среднего потребительно-трудового хозяйства (Г. И. Баскин „Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства", стр. 30), то это верно лишь, как утверждение определенного факта, но никак не как характеристика и оценка тех грандиозных сдвигов в сельском хозяйстве России, которые ощущаются на каждом шагу, как реальный результат и войны, и революции. Оценку этих сдвигов, изменяющих самый объект изучения всей русской аграрно-экономической статистики и предопределяющих видоизменение всех ее методологических и принципиальных подходов к дальнейшему изучению его, дает в своей небольшой работе, опубликованной в № 9—12 за сентябрь—декабрь 1920 г. „Вестника статистики", органа Центрального Статистического управления под заглавием „Крестьянство в войне и революции", А. И. Хрящева.

Мы остановимся с возможной подробностью на изложении основных выводов этой работы, без которых трудно понять те новые задачи, которые возникают перед русской аграрно-экономической статистикой, в условиях современной действительности. Основное свое положение о том, что „наблюдать крестьянское хозяйство теперь приходится при совершенно изменившихся условиях политических и экономических", А. И. Хрящева в отношении влияний войны иллюстрирует таким общим выводом:

„Совокупность условий, вызванных мировой войной, влияла на крестьянское хозяйство постепенно, но неуклонно изменялась (в сторону минуса. Е. В.) факторы

демографического порядка, социального и экономического. Изменялись не только видимые и измеряемые стороны, но и самая сущность внутренних, органических процессов".

А в отношении влияний революции:

„Поскольку война углубляла классовые противоречия в крестьянстве и увеличивала число земледельческого пролетариата, постольку революция сразу нейтрализовала этот процесс, наделив землей безземельных и взяв землю у многоземельных. Влияние революции сказалось не только в изменении самого группового состава крестьянских хозяйств по тем или другим признакам, но и привело в бо́льшее соответствие его отдельные элементы.

„Так, соотношение размера семьи с размером посева в 1919 г. более нормально (беря за норму довоенные соотношения. Е. В.), чем в 1917 г.

„То же отмечается и в соотношении элементов семьи с коровностью и посева с лошадностью.

„Если проследить изменения соотношения культур за время революции, то приходится заключить, что, „поскольку война развивала культуру торгово-промышленных растений, овес для сбыта в армию и лен — в обработку, постольку революционный период сократил производство этих культур, но относительно увеличил продовольственные — рожь и просо, при общем сокращении посевной площади и при том же уровне количественного отношения к этой сокращенной площади крупного скота, которое существовало между ним и посевной площадью в 1917 году (т.-е. при соответствующем же уменьшении крупного скота. Е. В.).

„Что же касается состояния промыслов, то и войной и революцией им нанесен непоправимый в ближайшие годы удар. Так же катастрофично в результате войны и революции оказывается и положение мелкого скотоводства, упавшего ниже всяких норм, и положение травосеяния, как следствия сокращения площади посевов"...

Итак, согласно выводам А. И. Хрящевой, возвращение крестьянского хозяйства, при общем сокращении эксплоатируемой им культурной площади ниже послевоенной нормы 1917 года, при таком же сокращении живого инвентаря, при возвращении к потребительному типу его внутреннего строя, к нормам довоенного времени, при существующих условиях, приходится признать явлением прогрессивным, знаменующим условное „возрождение" хозяйства. Может быть это так, а может быть и не так. Все зависит, конечно, от точки зрения на вопрос о том, как понимать самое слово „возрождение" и что разуметь под процессом возрождения земледельческого хозяйства. И, пожалуй, если бы А. И. Хрящева сказала и о том, что сталось с культурной площадью бывших частновладельческих, а не только кулацких, земель и какой „ она занимает ныне в сокращенной до 40% против 1917 года площади крестьянского посева, то, пожалуй, выводы А. И. Хрящевой получили бы бо́льшую законченность и ясность.

Как бы то ни было, в связи с происшедшим, и аграрно-экономической статистике в России, видно, приходится „по одежке протягивать ножки".

Ни о каких глубоких, требующих продолжительной научной работы, изысканиях и разработках ей и думать, пока что, не приходится. Странными кажутся в условиях переживаемого времени отчеты в Центральном органе Статистического управления образованной при нем „группы по нормативным изысканиям в области сельского хозяйства", которая „в связи с выяснившейся потребностью всесторонней разработки хозяйственных норм, т.-е. тех совершенных форм и отношений, представление о которых могло бы лечь в основу организации народного хозяйства", занимается разработкой вопросов „о химическом составе и усвояемости продовольственных продуктов" и „о нормах, связанных со скотоводством" по материалам начала 80-х годов прошлого столетия.

„Темп жизни“ и государственные интересы дня, судьбы сельского хозяйства России в ближайшие годы требуют, повидимому, чего-то совершенно другого — не того, что делают в центре группы нормативных и иных изысканий, а скорее того, о чем говорит самарский сборник.

Какие же предпосылки к развитию работ аграрно-экономической статистики России в указанном этим сборником направлении дает современная структура ее организаций и состояние имеющихся в ее руках материалов?

Попробуем разобраться в этом вопросе.

После Всероссийского съезда земской и городской статистики, в декабре 1917 года в процессе консолидирования аппарата государственного управления советской властью русская статистика оказалась официально призванной играть в республике ту роль, на которую ее выдвигала потребность социалистической государственности.

В связи с этим, запросы, предъявляемые государственной властью русской статистике, потребовали от нее напряженнейших усилий в сторону радикальной перестройки всех своих органов и их внутренних взаимоотношений, так как единая цель, выдвигавшаяся на этот раз пред нею, не только делала для дальнейшего совершенно ненужным искусственное разделение ее на „государственную“ и „общественную“ статистики, но, наоборот, настоятельно требовала объединения их обеих в едином и мощном государственном центре, методологически руководимом Высшей Исполнительной Комиссией всероссийских съездов, в рамках единого государственного статистического аппарата.

Призванная действовать отныне в области практических мероприятий государственной программы управления, давая органам последнего все необходимые им сведения по статистике и динамике социальной жизни государства в его целом, как совокупности сложнейших внутренних совокупностей естественных и социальных явлений массового характера, русская статистика, естественно, не могла в дальнейшем оставаться при той разрозненности методов своих операций и их несогласованности, которые являлись в прошлом удолом земской статистики, не знавшей единого плана исследования и изучения народного хозяйства в целом.

Новый мир фактов и явлений, новые перспективы, открывшиеся перед русской статистикой после октябрьской революции, настоятельно потребовали от нее и собственной научной классификации и методологического истолкования этих фактов, явлений и перспектив, создавая объективные предпосылки к углублению методов и выработке новых форм статистического познания.

Все это вместе взятое привело к тому, что созванный на 8—16 июня 1918 года экстренный всероссийский съезд статистиков, заслушав доклад председателя образованной по постановлению декабрьского съезда „Комиссии по вопросу об организации государственной статистики“ В. В. Степанова, в заседаниях от 14—15 июня 1918 года единогласно постановил одобрить, с некоторыми поправками, предложенный Комиссией проект закона о создании Центрального Статистического управления, об аннулировании всех узаконений, касающихся прямо или косвенно статистики, изданных до советской власти, и признать необходимым, в целях обеспечения успешности предстоящих работ, скорейшее утверждение государственной властью „Положения об организации государственной статистики“.

Выработанный редакционной комиссией и одобренный съездом проект этого „Положения“ было постановлено поручить Отделу переписи и статистики Высшего Совета Народного Хозяйства немедленно внести на обсуждение законодательной власти.

25 июня 1918 г. „Положение“ было утверждено Советом Народных Комиссаров и 30 июня распубликовано в „Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов“, с какою целью оно получило силу закона.

Согласно этому „Положению“ [illegible] логическое руководство всеми отраслями государственной статистики [illegible] ами остается за всероссийскими.

областными и губернскими статистическими съездами и конференциями, созываемыми периодически Исполнительной Комиссией всероссийских статистических съездов.

Методологическому руководству этих органов научно-статистического мнения подчиняется весь аппарат управления государственной статистики, ее исполнительный аппарат, в лице Центрального Статистического управления и его местных областных, губернских и в крупных центрах городских статистических бюро. Для придания этим аппаратам возможно широкой надведомственности и для укрепления их связи с вневедомственными статистическими съездами и конференциями, при всех указанных инстанциях управления государственной статистики, согласно „Положению", учреждаются Советы по делам государственной статистики, при чем в Центральный Совет по делам государственной статистики при Центральном Статистическом управлении помимо двух представителей высших административно-законодательных учреждений, управляющего Ц. С. У., его заместителя и заведующих отделами Ц. С. У. и ведомственных статистических организаций (по вопросам их ведения), входят — председатель и три товарища председателя Исполнительной Статистической Комиссии Всероссийских съездов, 12 представителей самого Всероссийского съезда, 10 представителей от Статистической Всероссийской Конференции, 10 представителей статистической науки, выбираемых на съезде представителей статистики, по одному представителю от статистических организаций Центральных общественных учреждений (Всероссийского Центрального Бюро профессиональных союзов, Центросоюза, Рабочей кооперации и пр.) и по одному представителю областных и правительственных и общественных статистических учреждений.

По такому же типу строятся областные и губернские Советы по делам статистики, избираемые на три года, как и Центральный Совет, заседающие по сессиям, избирающие из своей среды для решения экстренных вопросов Малые Советы, состав и компетенция которых определяется самими Советами, и для постоянной исполнительной работы и тесного контакта с органами управления Государственной статистикой — президиумы Советов, состоящие из избираемых самими Советами председателя и трех его товарищей.

В общем и целом, согласно этой конструкции государственного статистического аппарата, в самом Центральном Статистическом управлении, согласно первоначальной схеме, затем несколько упрощенной, организовалось 26 отделов, из коих каждый в идее должен представлять по своему плану „особое статистическое целое", но в этой схеме в „единое статистическое целое" область аграрно-экономической статистики, как это ни странно, не выделена. Она остается столь же организационно-разрозненной, какой была и в прежнее время.

Самостоятельным отделом стоит статистика территории и естественных богатств, из которого только недавно выделен отдел земельной статистики.

В отделе статистики демографии изучение состава сельской социальной массы по-прежнему оторвано от изучения условий ее социально-хозяйственного быта и специфических особенностей ее основного занятия: земледельческого промысла.

Изучение земледельческого промысла, как такового, совершенно отсутствует, а вместо того фигурируют четыре отдела, разбивающих отрасль сельско-хозяйственной экономической статистики на четыре части: отдел статистики сельско-хозяйственного производства и текущей сельско-хозяйственной статистики; отдел с.-х. переписей, и отдел динамики земледельческого хозяйства.

К ним примыкает, до известной степени, отдел переселенческой статистики, понимаемой в прежнем смысле статистики экономического положения окраин, служащих объектом переселенческого движения, и не объединяющей в себе изучения территорий, служащих источником переселенческого движения.

Совершенно не организовано никакого центра для статистического изучения промысловости сельского населения, а изучение сел.-хоз. производственной кооперации включено в состав общего отдела „кооперативной статистики".

С другой стороны, согласно „Положению об организации местных статистических учреждений задачи сельско-хозяйственной" (в скобках пояснено — экономической) статистики, с присоединением к ней лесной, объединены в одном разделе и определены так:

„В круг ведения губ. стат. бюро входят... по сел.-хоз. (экономической) и лесной статистике вопросы организации полеводства, луговодства, лесоводства, скотоводства и других отраслей сельского хозяйства; учет и распределение земельного и лесного фонда; исследование землепользования и условий лесного хозяйства и прочие вопросы.

Загадочные „прочие вопросы" расшифровала Первая Всероссийская Конференция статистиков при Ц. С. У., состоявшаяся от 19 по 24 октября того же 1918 года, на которой, по докладу П. И. Попова, было предложено местным губернским статистическим учреждениям, в числе других секций, секции: а) текущей сел.-хоз. статистики и б) земельной, в задачи каковой были введены „разработки данных сел.-хоз. переписей, кадастр, динамика сел. хозяйства, землевладение, землепользование и прочее".

В то же самое время оказалась, в полном соответствии на этот раз с текстом „Положения о местных органах", совершенно не предусмотренной в их составе секция естественно-исторических исследований, или, как то сказано в отношении Центрального Статистического управления — изучения территории и естественных богатств.

(См. отчет о „I-й Всероссийской Статистической Конференции", № 1 „Вестника статистики" за 1919 г., стр. 191 и. 10. В том же номере „Положение об организации местных статистических учреждений", стр. 6 § 5 п. б, и в докладе П. И. Попова „О задачах государственной статистики" — стр. 31 раздел 1-й; а также отчет о совещании статистиков при Ц. С. У. от 21—22 авг. 1916 г. стр. 170. Е. В.)

Интересно отметить, что это последнее совещание, принимая по докладу П. И. Попова схему отделов Ц.С.У., первым пунктом своего постановления по этому докладу включая в их число „отдел статистики территории и естественных богатств", вносила тем самым существенную поправку в принятое всероссийским съездом статистиков от 8—16 июня того же года „Положение о государственной статистике", которым изучение такого рода вопросов на Центр. Стат. управление отнюдь не возлагалось.

В отношении местных органов ни этим совещанием, ни дальнейшими съездами и конференциями статистиков аналогичной поправки сделано не было, что, впрочем, не помешало им естественно-исторические исследования своих губерний продолжать, связывать с ними выводы своих статистико-экономических изысканий и даже заниматься, на основании всего этого материала, частичным, губернским и уездным, районированием подведомственных их всестороннему изучению территорий.

Последняя задача, между прочим, была возложена на местные статистические организации программной разработки материалов сел.-хоз. переписи 1917 года, утвержденной декабрьским 1917 года всероссийским съездом статистиков".

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Текущая сел.-хоз. статистика и статистика урожаев в годы революционного перелома.

Оглядываясь в исторической перспективе на выясненные в предыдущей главе явные несообразности в плоскости постановки организационных и программных вопросов, допущенные первыми после октябрьской революции съездами, совещаниями и конференциями статистиков, нельзя не обойти той острой, болезненной обстановки, в которой разрешался вопрос о постановке в новых условиях текущей сел.-хоз. статистики и, в частности, статистики урожаев.

В самом „Положении о государственной статистике“ (§ 6) вообще о сел.-хоз. статистике, не только о текущей, но даже и об основной, даже не упоминается. Из всех видов этой статистики, согласно указанному параграфу „Положения“, на Центральное Статистическое управление возлагалось ведение лишь двух ее отраслей статистики землепользования и статистики сел.-хоз. производства, к чему прибавлялось еще и „производство работ по кадастру“ без всякого подразделения этих работ по земельному, промышленному, сельскому, городскому и др. видам кадастров.

Далее, в схеме отделов Ц. С. У., мы уже видим отдел статистики сел.-хоз. производства включенным в ведение текущей сел.-хоз. статистики.

Впервые с понятием сел.-хоз. статистики, с прибавлением к ней слова „экономической“, что можно понять только как противоположение ее статистике сел.-хозяйственной „производственной“, декретированной выше, мы встречаемся в „Положении о местных органах“, но зато там о текущей сел.-хоз. статистике нет ни слова; впервые с утверждением или, вернее, с восстановлением права заниматься ею и местным статистическим органам мы встречаемся в постановлениях упомянутой нами выше Первой Всероссийской Статистической Конференции от 19-го по 24 окт. того же 1918 года, в результате страстных дебатов о самых формах ее организации, имевших место на съезде статистиков 1918 года.

Характерным в этих дебатах является столкновение мнений о том, при посредстве какого аппарата объединенные в единое государственное целое бывшие правительственные и общественные статистики должны в дальнейшем осуществлять на местах текущее наблюдение за сел.-хоз. действительностью—при посредстве ли успевшего заслужить хорошее имя института добровольных корреспондентов, при посредстве ли аппарата пресловутой „волостной статистики“, или при посредстве их обоих, при условии полной реорганизации и полного согласования их деятельности. Впрочем, относительно последнего пункта—о согласовании, или, наоборот,

резкого разграничения их деятельности вплоть до работы по двум совершенно различным программам наблюдения, определились, опять-таки, диаметрально-противоположные мнения.

Интересно, что представитель Вятского статистического бюро на этом съезде, утвержденный затем в должности заместителя управляющего Ц. С. У. и члена его президиума — Е. В. Пашковский, решительно высказался против института добровольных корреспондентов и за передачу всего дела текущего статистического наблюдения „в интересах финансовой экономии“ институту административной статистики, при условии его коренной реорганизации.

К этому мнению осторожно присоединился П. И. Воробьев, указав на то, что в проекте организации государственной статистики, волостных статистиков надо иметь в виду, „как конечную ступень“, и в то же время отметив, что „в настоящее время невозможно совершенно заменить добровольных корреспондентов волостными статистиками, которые во многих отношениях стоят ниже добровольных корреспондентов“.

Совершенно категорически против такого ряда предложений высказался П. А. Вихляев, согласившись лишь с одним, — с необходимостью, в силу новых условий и новых возможностей, открывающихся перед государственной статистикой, изменить всю конструкцию аппарата корреспондентской сети, поставить лучше ее инструктирование, методологический и технический контроль над нею, крепче связать ее с центрами и, главное, развить и расширить ее до размеров, обеспечивающих достаточную частоту собираемых сведений.

Честь предложения компромиссного решения вопроса о форме организации сел.-хоз. текущей статистики, объединившего большинство съезда, выпала на долю ныне покойного Р. Д. Семенова Тянь-Шаньского, предложившего использовать оба источника текущих сведений по сел.-хоз. статистике — и добровольных корреспондентов и официальную агентуру, при условии строгого разграничения их функций, полнейшей обособленности добровольных корреспондентов от официальной агентуры, а также независимости их от местной администрации.

Видя в этих условиях необходимые предпосылки к доброкачественности материала, доставляемого добровольными корреспондентами, Р. Д. Семенов Тянь-Шаньский, в целях наилучшего достижения взаимного контроля и пополнения сведений, получаемых из обоих источников, рекомендовал организовать получение их от последних по различно составленным программам.

Так, по его мнению, официальная агентура должна была бы освещать вопросы массового характера — размер посевных площадей, вопросы по скотоводству, торговли сел.-хоз. продуктами, о ценах и т. п.; добровольные же корреспонденты, наоборот, должны были бы, по-преимуществу, освещать качественную сторону и регистрировать конкретные данные отдельных хозяйств.

Съезд, признав, что институты и добровольных корреспондентов и официальной агентуры должны существовать и развиваться для дальнейшего времени, „в известном организованном взаимодействии“, определенного решения не вынес, а передал все организационные и программные вопросы по делу постановки текущей сел.-хоз. статистики на обсуждение Комиссии под председательством К. Я. Воробьева, дав ей следующие директивы:

1) основные принципы института добровольных корреспондентов, как они сложились в условиях земской статистики, не должны быть нарушены;

2) корреспондентская сеть, организуя которую необходимо понимать, что не все объекты статистического наблюдения требуют одинаковой густоты регистрации, должна быть согласована как с количеством населения, так и с величиной территории, приходящейся в различных местностях на одного корреспондента, и

3) собирание сведений об урожае должно исходить из регистрации конкретных показаний хозяев о собранном урожае.

В связи с этим постановлением Первой Статистической Конференцией в октябре того же года, по докладу П. И. Попова о конструкции губ. стат. бюро, было вынесено постановление об организации в них специальных секций текущей сел.-хоз. статистики, а по докладу Е. В. Пашковского были определены и следующие задания в области той же текущей статистики уездных статистических отделений:

а) подбор сел.-хоз. корреспондентов и организация статистических агентур малого района действия;

б) инструктирование сел.-хоз. корреспондентов и агентов;

в) ведение личных счетов корреспондентов и денежные расчеты с ними;

г) просмотр корреспондентских сообщений и наблюдение за правильным выполнением корреспондентами и агентами возложенных на них обязанностей;

д) рассылка опросных бланков; их получение и отправка губернскому бюро;

е) предварительная разработка части корреспондентских сообщений по указаниям губ. стат. бюро для срочного осведомления местных учреждений и, в случае надобности, для телеграфной передачи сведений в губернию и в Центральное управление;

ж) руководство переписями и самое производство переписей и анкет для выяснения годовых изменений в области сел.-хоз. промышленности.

Полагаем, что последнее слово „промышленности"—опечатка, за что следует читать „производства" (№ 1 „Вестника статистики", стр. 197).

Что делала комиссия по текущей сел.-хоз. статистике под председательством К. Я. Воробьева, избранная съездом 1918 года, по печатным материалам Ц. С. У. установить нельзя, т. к. в них о работе этой комиссии не говорится ни слова, в дальнейшем же законодателем в этой области является исключительно Е. В. Пашковский.

Так, 24 января, в пятом заседании первой сессии Совета по делам статистики при Ц. С. У. был заслушан его обширный доклад о методах собирания сведений по статистике урожаев.

Основные положения докладчика сводились к следующему:

1) Собирание сведений об урожае должно поступать из регистрации конкретных показаний отдельных хозяйств о собранном урожае.

2) Из каждой волости должны быть получены конкретные указания не менее чем от 5% хозяйств, равномерно распределенных по территории волости.

3) Осуществление такой сети показаний через добровольных корреспондентов в настоящее время едва ли возможно, а потому необходимо озаботиться учреждениями волостных статистиков, одной из основных функций которых и будет производство конкретных выборочных переписей урожая (и посевной площади).

4) В качестве временной меры институт добровольных корреспондентов сохраняется повсеместно, а в волостях, где не учреждены волостные статистики, всемерно развивается.

5) Временно в волостях, в которых статистиков не имеется, его функции возлагаются на волостные совдепы, которым и поручается производство необходимых конкретных вопросов.

6) Ввиду весьма распространенного проявления тенденциозности показаний об урожаях последнего времени, необходимо поставить на очередь вопрос о нахождении или новых способов определения урожайности или способов определения степени уклонения массовых показаний от действительности.

7) Один из часто пропагандируемых способов определения урожая путем обмера полос, счета снопов и пробных умолотов, по известным случаям не дает ни малейшей уверенности в его применимости.

8) Более приемлемым является выяснение степени уклонения массовых показаний от действительности путем установления соотношений между конкретными

показаниями об урожайности и субъективной характеристикой последней за ряд предшествующих лет. Этот способ применим только при наличности значительного числа показаний, а следовательно для характеристики урожая более значительных территорий.

9) Для определения урожайности по малым территориям может дать благоприятный результат изучение отдельных агентств ужима и умолота, в связи с их субъективной характеристикой.

Доклад этот и, главное, его направление, выраженное в пунктах 3, 4 и 5, вызвал в Совете продолжительные прения и хотя, в заседаниях его не участвовал защитник противоположной точки зрения основным взглядам Е. В. Пашковского на формы организации аппарата сел.-хоз. текущей статистики — П. А. Вихляев, все же Совет не смог не подчеркнуть в своей резолюции по докладу в виде оговорки к п. 4-му, что, одобряя в принципе положения докладчика, он все же продолжает защищать в отношении к добровольным корреспондентам позицию, занятую съездом 1918 года, и полагает, что „метод исследований через добровольных корреспондентов должен получить самое широкое распространение и всемерно усовершенствоваться в тесной связи с вновь создаваемым институтом волостных статистиков".

С другой стороны, в виду того, что многие из ораторов в общем сходились на мысли, что в отношении установления правильного метода по статистике урожаев необходимо итти различными путями и лишь в длительных опытных работах можно притти к определенному выводу, Совет постановил:

„не исключая ни одного из указанных в докладе методов исследования урожаев — внести на предстоящий съезд статистиков вопрос о целесообразности и применимости каждого из них".

(„Вестник статистики" № 2—3 за 1919 г., стр. 165—166.)

На съезде статистиков, состоявшемся с 25 апреля по 2 мая 1919 г., Е. В. Пашковский выступил вторично со своими тезисами. Его доклад вызвал снова оживленные прения, при чем опять-таки возражения вызвали не основные положения Е. В. Пашковского, относящиеся к методологии вопроса, а его организационный подход к нему, его отношение к формам организации аппарата текущей сел.-хоз. статистики и взаимоотношениям между институтом добровольных корреспондентов и институтом официальной агентуры.

„В виду многочисленности и сложности вопросов", выдвинутых докладчиком, съезд, — согласно официальному отчету Ц. С. У. — постановил „избрать особую комиссию в составе: А. А. Кауфмана, П. М. Кислякова, Е. К. Введенского, П. А. Вихляева, Я. М. Принцева и представителя Наркомзема для детальной разработки доклада и представления съезду своих соображений по этому вопросу, а также по вопросам, выдвинутым во время прений - - о замене сети добровольных корреспондентов институтом волостных статистиков, об организации кадра добровольных корреспондентов для собирания сведений не только в области урожайной статистики, но и по всем вопросам, тесно связанным с сельским хозяйством, и об организации инструкторских курсов для волостных статистиков и добровольных корреспондентов".

Избранная съездом комиссия имела в течение сессии съезда несколько заседаний и 2 мая представила результаты своих работ, которые и были приняты съездом в следующем виде (в виду чрезвычайной принципиальной и методологической важности вынесенных на обсуждение съезда и принятых им положений, приводим их полностью в редакции „Вестника статистики", см. № 4—7 за апрель—июль 1919 года, стр. 161—167. Е. В.):

I) Организация текущей сел.-хоз. статистики преследует двоякую цель. С одной стороны, организация дает осведомительный материал для практических

запросов каждого данного момента, с другой — при ее посредстве из года в год накопляется систематически обрабатываемый материал для изучения взаимоотношений различных факторов в области сельского хозяйства.

II) При многочисленности обособленных сел.-хоз. предприятий и при их территориальной разбросанности достижение поставленных целей требует сложного сотрудничества ряда органов, регистрирующих явления, и органов, обрабатывающих материалы регистрации и публикующих результаты обработки.

Членами ряда органов текущей сел.-хоз. статистики являются:

1) сел.-хоз. корреспонденты,

2) волостные статистики или волостные статистические агенты,

3) уездные статистические отделения,

4) секция текущей сел.-хоз. статистики губ. стат. бюро,

5) отдел текущей сел.-хоз. статистики Ц. С. У.

III) а) Корреспондент текущей сел.-хоз. статистики выполняет исключительно функции регистратора явлений, наблюдаемых им в своем хозяйстве или в кругу хозяйств ближайшей к нему местности, а также явлений природы в данной местности.

б) Чтобы даваемые корреспондентами сведения были пригодны для характеристики территорий, более мелких, чем уезд, сеть корреспондентов должна быть доведена до 5 человек на 1.000 хозяйств или, в среднем, 10 человек на волость.

в) В видах сохранения независимости показаний и возможности взаимного контроля над сведениями, добровольные корреспонденты сносятся непосредственно с уездными статистическими отделениями, минуя волостных статистиков.

г) При наличии волостного статистика или волостного агента, опросные программы для корреспондентов значительно упрощаются; в них обязательно сохраняются только вопросы, требующие количественного конкретного ответа: 1) время наступления главнейших вегетационных периодов; 2) начало, конец и продолжительность отдельных сел.-хоз. работ; 3) регистрация посевных площадей текущего и предшествующего года в своем хозяйстве—и в хозяйствах трех соседей—высшей, средней и низшей зажиточности; 4) регистрация количества скота и условий его содержания в своем хозяйстве и в хозяйствах трех соседей — высшей, средней и низшей зажиточности, — приуроченная к моментам выпуска на пастбища и к началу стойлового периода; 5) регистрация видов на урожай в определенные вегетационные периоды; 6) регистрация конкретных урожаев и сборов хлебов и трав, огородных овощей и проч. в своем хозяйстве и в хозяйствах трех соседей; 7) регистрация цен на сел.-хоз. продукты скотоводства, птицеводства и др. и на местные продукты лесоводства; 8) регистрация цен на рабочие руки в сельском и лесном хозяйстве, и 9) арендные цены на землю.

IV) На-ряду с добровольными корреспондентами губ. стат. бюро обращаются к хозяйственным распорядителям советских имений и коммун, для которых доставление текущих сведений об указанных хозяйствах должно быть обязательным.

V) Комиссия не предвидит возможности быстрой организации сети волостных статистиков на основе „Положения о местных статистических учреждениях“, а потому, соглашаясь с мнением докладчика, комиссия полагает, что на ближайшее время для собирания текущих сел.-хоз. сведений должен быть создан особый институт временных статистических агентов.

VI) а) Волостной агент приглашается на должность уездным статистическим отделением из числа коренных жителей волости, связанных с нею хозяйственными или служебными отношениями.

б) Ведет регистрацию наблюдений на территории всей волости по программам, устанавливаемым губернским статистическим бюро и уездным отделением.

Регистрационный материал волостным агентам препровождается в уездные статистические отделения.

в) Волостной статистик обязательно снабжается особым дневником, в котором своевременно, по установленной программе, регистрируется определенный круг явлений. Дневник постоянно хранится у него на руках, а в уездные статистические отделения в определенные сроки препровождаются выборки из него, сделанные по определенной программе.

Кроме ведения дневника и сообщения выборок из него в уездные отделения, волостной статистик обязан сделать от четырех до шести объездов волости для собирания конкретных сведений о состоянии посевной площади, о состоянии скотоводства и об урожаях, путем переписи 5% хозяйств, равномерно распределенных по территории волости.

г) Первый объезд производится после посева главнейших яровых хлебов, при котором регистрируются: посев хлебов данного и предшествующего года и количество выпущенного на пастбище скота в данном и предшествующем году. Эти данные послужат для обоснования расчетов о посевной площади и количестве скота в текущем году, если имелись сведения о тех же элементах за предшествующий год.

В зависимости от местных условий второй объезд производится:

а) или после жнитва главной части яровых (в южной половине России) для одновременного собирания сведений об урожае трав и сборе сена, о посеве озимых и об урожае озимых и яровых по первым обмолотам и

б) или после уборки и сева озимых (для северных губерний), оставляя яровые на следующий дополнительный объезд. При этом сведения о посеве озимых собираются за текущий и предшествующий год.

Третий обязательный объезд производится в конце октября или в начале ноября для регистрации определившегося урожая всех хлебов, а также поставленного на стойло количества скота, за текущий и предшествующий год. В зависимости от местных условий и специальных условий года, в случае недостаточности этого объезда для получения полного материала о результатах жатвы, может быть организован дополнительный объезд в декабре месяце.

Четвертый обязательный объезд делается в конце зимы для заполнения похозяйственной карточки, регистрирующей главнейшие черты хозяйственного годового баланса и размеры намечаемой посевной площади.

д) Кроме того, волостной агент в период от начала весенней пашни до начала сбора хлебов, к 1-му и 16-му числу каждого месяца, должен давать сведения о видах на урожай хлебов и трав по пятибалльной системе.

VII) Текущие наблюдения над хозяйственной жизнью связываются с характеристикой метеорологических условий данного года, при чем обычно эта характеристика дается корреспондентами описательно.

Комиссия выразила пожелание, чтобы там, где возможно, этот способ постепенно заменялся точным наблюдением, путем постановки, хотя бы самых простых, метеорологических станций, а пока сеть последних не достигает надлежащего размера, практикующиеся до сих пор описания признано желательным заменять дневниками погоды с ежедневными измерениями температуры, отметками направления ветра и описательными отметками по балльной системе осадков и других явлений по образцам, применявшимся корреспондентами некоторых губерний.

VIII) Уездные статистические отделения несут функции организационные, исполнительные и осведомительные.

а) В области организационной к обязанностям уездных отделений относится создание сети корреспондентов и кадра волостных статистиков и агентов. Должность постоянных волостных статистиков утверждается губернским статистическим бюро.

б) В отношении сети корреспондентов уездные отделения обязаны:

1) сделать подбор корреспондентов, 2) инструктировать их по заполнению рассылаемых опросных формуляров, 3) следить за правильностью получения ответов, для чего вести личные счета корреспондентов, 4) просматривать присылаемые ответы по существу и в необходимых случаях указывать корреспондентам на неправильность ответов или вовсе исключить их из списков и 5) производить все расчеты с корреспондентами по вознаграждению их за труд.

в) В отношении кадров волостных агентов уездные отделения обязаны:

1) сделать подбор волостных статистиков и агентов, 2) ранее назначения их на должность обучить их заполнению дневника, периодических программ и способам опроса хозяев, 3) следить за правильностью ведения дневника и заполнения запросных программ.

г) В области исполнительной на уездные отделения возлагается:

1) рассылка корреспондентам, волостным статистикам и агентами всех опросных формуляров, 2) получение заполненных формуляров, 3) предварительная разработка той части получаемых сведений, которая имеет срочный характер, для телеграфной передачи в губернский или столичный центр и для своевременного осведомления местных исполнительных органов, 4) своевременное препровождение всего регистрационного материала в губстатбюро.

д) В области осведомительной функции—уездные отделения передают результат обработки срочных сведений местным исполнительным органам, консультируют последние по всем отраслям статистики и сосредоточивают у себя, в возможно полном виде, местные статист. издания.

IX) Губернскому статистич. бюро по секции текущей сельско-хозяйственной статистики принадлежит все руководство в этой области в пределах губернии, в соответствии с директивами Ц. С. У.

Губстатбюро вырабатывает все опросные программы по наблюдению и собиранию необходимых сведений, устанавливает сроки доставления сведений, делает сводку всех регистрационных (первичных) материалов, дает окончательную обработку собираемого материала и публикует его во всеобщее сведение.

Центральному Статистическому Управлению губстатбюро, кроме срочных сообщений о видах на урожай и урожаях, дает по установленной программе ряд сведений, подлежащих публикации в изданиях, охватывающих всю территорию республики.

X) Центр. Статистич. Управлению по отделу текущей сел. хоз. статистики принадлежит общее руководство работами в пределах республики. Оно устанавливает минимум опросных программ, обязательных для исполнения во всех губерниях, устанавливает сроки представления срочных сообщений, сроки представления результатов обработки и программы обработки материалов и публикует их в годовых или периодических выпусках.

По вопросу о регистрации урожайности и способах определения средних урожаев, соглашаясь с докладчиком, комиссия признала, что ввиду весьма распространенного проявления тенденциозности показаний об урожае, в особенности в последнее время, необходимо изыскать или новые способы определения урожайности или же найти и принять подходящие способы определения степени уклонения массовых показаний от действительности... Комиссия высказалась, что полученно более или менее удовлетворительного материала по определению урожаев могли бы способствовать следующие меры:

1) Применение рекомендуемого докладчиком приема критики конкретных показаний путем установления соотношений между этими показаниями и субъективной характеристикой урожая за ряд лет (рекомендуется для значительных территорий).

2) Расчлененное собирание данных о покинах и умолотах, как элементах определения урожая.

3) Сличение двух материалов — корреспондентского и собранного волостным агентом.

4) Статистическая критика материалов об урожайности в связи с главнейшими производственными факторами.

5) Заложение записи в возможно большем числе хозяйств при различных природных, экономических и культурных условиях.

Из числа обычно применяемых способов определения урожаев, комиссия подробно обсудила способ обмера полос с перечетом снопов и пробными умолотами и признала, что в том виде, как это делалось до сих пор, этот способ нецелесообразен. Получение надлежащих результатов при этом способе возможно лишь в обстановке массового наблюдения с правильным распределением объектов наблюдения по территории, в соответствии со всеми изменениями природных и экономических условий. Так-как те же начала необходимо иметь в виду и при заложении записи (п. V), то само собой подразумевается, что у хозяев, где будут заложены записи, может быть применяем и способ обмера полос и перечеты снопов с пробными умолотами.

При всем этом, само собой подразумевается, что та или иная приближенность конкретных сведений об урожаях к действительности в значительной мере будет зависеть и от состава тех агентов, на которых будет возложена регистрация урожайности. Поэтому выбор этих агентов и надлежащее их инструктирование должны составить одну из существенных забот местных статистических учреждений.

В дополнение к этим постановлениям всероссийского съезда статистиков весны 1919 года, формулировавшего в окончательной форме всю работу в области методологии в организации текущей сел.-хоз. статистики предыдущих съездов, конференций и совещаний, приходится упомянуть также и о дополнительной резолюции к ним по тому же вопросу специальной конференции при Ц. С. У. представителей губстатбюро от 3—4 мая того же года.

В этой резолюции по вопросу об организации уездной статистики, в пункте 2-ом, давалась следующая сжатая программа обязанностей уездных статистиков: — „уездные статистики работают по заданиям, плану и программам губстатбюро, при чем основными функциями уездной статистики являются—а) организация сети добровольных корреспондентов в связи с выполнением программы по текущей сел.-хоз. и урожайной статистике; б) сводка текущих сведений в других областях и обработка по программам губстатбюро срочных сведений по специальным заданиям и в) выполнение заданий местных органов, с гарантией непарушения нормального хода основных работ (см. „Вестник статистики" № 4—7 за 1919 г., стр. 206).

В дальнейшем вопрос перешел уже всецело в ведение Ц. С. У., в заседаниях которого был разрешен, между прочим, по докладу З. И. Кочневой вопрос о форме и содержании неурожайных карточек: а) карточки предварительных данных об урожае и б) карточки, регистрирующей окончательные данные о нем.

Содержание первой карточки должны составлять сведения, относящиеся только к одному хозяйству, по каждому хлебу и растению, засеваемому в губернии с отметкой о среднем урожае со всей посеянной площади (отличный, хороший, средний, ниже среднего, плохой, урожай погиб), при чем под понятием погибшего урожая значится урожай, при котором не собрано даже на семена.

Редакция второй карточки, как более сложной, прошла сперва через особую комиссию в составе: З. И. Кочневой, В. М. Обухова, П. И. Попова, А. И. Хрящевой, П. И. Лубны-Герцика, Е. В. Авилова, О. А. Квитки.

Как и первая карточка, эта относится также к одному хозяйству и заполняется сведениями о характере хозяйств (черезполосное, отрубное или хуторское), о системе полеводства (залежное, подсечное, двухпольное, трехпольное и т. д.), о количестве десятин в хозяйстве, о количестве населения в нем, о количестве скота, об удобрении и размерах посева и урожае хлебов и трав.

Затем, по докладу Е. В. Пашковского, конференцией статистиков в январе месяце 1920 года была принята редакция единообразной подробной программы,

обязательной для всех государственных органов сел.-хоз. текущей статистики разработки годового цикла сведений по текущей сел.-хоз. статистике, изданной Ц. С. У. в Москве в 1921 году.

В предисловии к этому изданию дается такая характеристика этой программы и преследуемых ею целей:

„По установлении плана организационного объединения текущей сел.-хоз. статистики для использования его в общегосударственных целях необходимо было проведение и программного объединения. Программное объединение по всей территории республики с ее бесконечным разнообразием естественных, экономических и бытовых условий не достигалось прямым декретированием опросных программ из центра.

Такое декретирование, заменяя выработанные многолетним опытом и приспособленные во всех деталях к местным особенностям программы новыми, на практике не опробованными, может, с одной стороны, нарушить сравнимость получаемых выводов во времени, а с другой — неблагоприятно отразиться и на качестве собираемого материала.

„Во избежание такой ломки, вместо общего изменения опросных программ, в целях их объединения была выработана программа разработки цикла сведений по текущей с.-х. статистике, принятая бывшей в январе 1920 года конференцией статистиков.

„Настоящая программа, как руководящий минимум общегосударственных заданий в области текущей сел.-хоз. статистики, и должна лечь в основание общегосударственного объединения опросных программ отдельных губерний.

„Губернские бюро, не внося в свои программы резких изменений и сохраняя все особенности, необходимые для познания местных условий, приспосабливают и изменяют свои программы, а если нужно, то и способы получения сведений только в тех частях, которые не могут удовлетворить заданиям общегосударственным.

„Распределение материала в настоящей программе довольно резко отличается от обычного распределения материала в программах погубернских разработок. Погубернские разработки, тесно связанные с опросными программами, обычно группируют материал по периодам регистрации; здесь же материал, собираемый в различное время, сгруппирован попредметно: определенный круг явлений описывается последовательно, независимо от времени получения сведений о фактах данного круга.

„В первых 19 отделах (характеристика метеорологических условий; состояние озимых посевов; время сева и состояние яровых посевов; посадка огородных и бахчевых растений; время сева и состояние озимых посевов; период вегетации хлебов и влияние на нее погоды; рост трав и уборка сенокосов; время и условия уборки хлебов; время уборки огородных и бахчевых растений; время уборки садовых культур, сбор сена в пудах с одной десятины (по субъективным показаниям); урожай хлебов по субъективным показаниям; скотоводство; птицеводство; пчеловодство; промысловые занятия населения; поденные платы на сел.-хоз. работы; стоимость дневного содержания рабочего и лошади; цены на продукты сельского хозяйства) исчерпывается описание полного сел.-хоз. года, поскольку это описание основывается на непосредственных наблюдениях корреспондента или на записях в дневнике волостного статистика.

„Последние три отдела (результаты разработки весеннего опроса отдельных хозяйств; результаты разработки летнего опроса отдельных хозяйств и результаты разработки осеннего опроса отдельных хозяйств) дают программу разработки главнейших явлений, в большей части повторяющихся в предыдущих отделах, но для более точного выяснения которых применялись выборочные опросы населения“.

Что касается содержания отдельных частей этой программы, то относительно его необходимо добавить нижеследующее:

Седьмой и восьмой отделы, дающие программу разработки данных о росте трав, уборке сенокосов, времени уборки хлебов мало отличаются от аналогичных отделов погубернских программ, так же как и отделы пятый и шестой о времени сева и состояния озимых посевов, о периоде вегетации хлебов и влиянии на них погоды.

То же самое приходится отметить и в отношении 17, 18 и 19 отделов, — о поденных платах на сел.-хоз. работах — стоимости дневного содержания рабочего и лошади, а также о ценах на продукты, представляющих трафаретную сводку по губерниям обычных программ.

По отделу 1-му характеристика метеорологических явлений, сравнительно с обычными программами его, расширена помесячной характеристикой погоды за весь период вегетации растений. По отделу 2-му — состояние озимых посевов — введена двойная характеристика состояния посевов: раздельным подсчетом показаний с различной характеристикой — хороший, средний, плохой — и характеристикой баллами. Отдел 3-й — время сева и состояние яровых посевов — построен таким образом: сначала помещены общая характеристика прохождения всего ярового сева, а затем дано определение времени сева и состояния выходов по каждой отдельной культуре. По тому же плану построен отдел 6-й—посадка огородных и бахчевых растений, в значительном большинстве губернских программ отсутствующий.

Кроме того в нем введены графы, характеризующие изменения посадок, как явления с резким темпом изменений за последние годы. Отделы 9-й и 10-й — время уборки огородных, бахчевых и садовых культур, отсутствующие почти совершенно в погубернских программах, введены в постоянную программу из соображений о росте интереса к производству этих продуктов. По тем же соображениям введены отделы 14 — птицеводства и 15 — пчеловодства, редко встречающиеся и мало разработанные в погубернских программах.

В отделе 11-м — сбор сена с 1 дек. по субъективным показаниям — дается сводка не только цифрового определения урожаев, но и качественной его характеристики с переводом ее на средние баллы, чего обычно в губернских программах не имеется. Так же построен и отдел 19-й — урожай хлебов по субъективным показаниям. В отделе 13-м — скотоводство — введены впервые условия размножения скота и характеристики приплода, а также редко встречающиеся в ежегодных губернских программах характеристики удоя коров, сбора шерсти, расхода кормов.

Что касается отдела 16-го о промысловых занятиях населения, — заключающего в себе самую общую характеристику этого явления и изменения его в послевоенный период, то в отношении его необходимо отметить, что при проектировании программы этого отдела погубернские программы не могли быть приняты за основание, как это было по другим отделам, т.-к. попытки многих губерний применить к регистрации промысловых занятий корреспондентский способ оказались настолько неудачными, что не создали предпосылок к установлению общей программы их изучения таким способом.

Обращаясь, в связи со всем вышесказанным, специально к вопросам урожайной статистики, необходимо отметить, что одним из последствий объединения работ по текущей сел.-хоз. статистике в едином общегосударственном органе Центральном Статистическом управлении и его местных разветвлений, явилась возможность изучения всех ее материалов за целый ряд лет в общегосударственном масштабе и выявления на почве этих исследований всех тех новых подходов, как к организации дальнейших наблюдений в этой области, так и к оценке их результатов, каковые в прошлом оставались для нее недоступными.

Прежде всего был разрешен вопрос о форме связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая.

Материалом к разрешению этого вопроса послужила сводка собранных губстатбюро сопоставлений балловой оценки урожаев с фактическим их весом.

(Цитируем по заметке Б. Ястремского в № 48 „Бюллетеня Ц. С. У.“ от 29-го апреля 1921 г. под заглавием: „Форма связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая“.)

Вся совокупность имевшихся данных была разбита на две части: а) данные черноземной полосы и б) данные нечерноземной полосы (сводка была сделана отделом текущей сел.-хоз. статистики Ц. С. У.—Е. В.).

В пределах каждой из указанных выше двух полос изучалась отдельно указанная связь, при чем это исследование не касалось двух вопросов — тесноты связи и выяснения точности предуказаний балловой оценки.

Была выведена следующая формула этой связи:

$$y = a_0 + a_1 x + a_2 x^2,$$

где y — вес урожая, x — балловая оценка и a — некоторая постоянная.

Исходя из этой формулы, путем целого ряда математических обоснований ее практического применения, изложенных Б. Ястремским на страницах „Вестника статистики“, были выведены тем же Б. Ястремским формулы значения самого x в отклонениях этого значения от среднего балла 3.

Согласно этим формулам была установлена возможность определения не только формы связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая каждой отдельной культуры в черноземной и в нечерноземной полосах Европейской России, но и определения самого веса урожая при любой его цифровой оценке в баллах, независимо от того, будут ли эти баллы выражаться в целых или дробных цифрах.

Полученные цифровые определения для каждого вида культуры в нечерноземной и черноземной полосах Европейской России дали возможность приведения их к таким шкалам:

I. Нечерноземная полоса.

А. Название культуры.	Б. Формула „y“-ка.	В. Баллы. 1.	2.	3.	4.	5.	Примечания.
1) рожь озимая .	$52{,}27+14{,}75x+0{,}41x^2$	24,4	37,9	52,3	67,4	83,4	Величины в рубрике „В“ изображают вес урожая в пудах „+“ или „—“ у второго члена формулы в рубрике „Б“ показывает на сколько увеличивается или уменьшается средний урожай при отметке, отличающейся от среднего балла — „3“. Первый член формулы в той же рубрике „Б“ показывает вес урожая при отметке „3“ ($x=0$); третий член является в результате нарушения арифметической прогрессии и имеет своим назначением запечатлеть степень кривизны связи между y и x.
2) рожь яровая .	$30{,}79+9{,}36x+0{,}79x^2$	15,2	22,2	30,8	40,9	52,7	
3) пшеница озимая	$50{,}25+15{,}24x+0{,}99x^2$	23,7	36,0	50,3	66,5	84,7	
4) пшеница яровая	$48{,}79+14{,}52x+0{,}41x^2$	21,4	34,7	48,8	63,7	79,5	
5) ячмень	$54{,}33+18{,}62x+0{,}94x^2$	20,9	36,7	54,3	73,9	95,3	
6) овес	$52{,}24+14{,}75x$	22,7	37,5	52,2	67,0	81,7	
7) просо	$38{,}76+8{,}74x+0{,}57x^2$	23,6	30,6	38,8	48,1	58,5	
8) гречиха . . .	$28{,}94+8{,}84x+0{,}57x^2$	13,5	20,7	28,9	38,4	48,9	
9) горох	$42{,}93+15{,}94x+1{,}16x^2$	15,7	28,2	42,9	60,0	79,5	
10) чечевица . . .	$40{,}43+12{,}92x+0{,}91x^2$	18,2	28,4	40,4	54,3	69,9	

II. Черноземная полоса.

А. Название культур.	Б. Формулы „y"-ка.	В. Баллы. 1.	2.	3.	4.	5.	Примечания.
1) рожь озимая. .	$56{,}92+22{,}47x+2{,}58x^2$	22,3	37,0	56,9	82,0	112,2	Величины в рубрике „В" изображают вес урожая в пудах „+" или „—" у второго члена формулы в рубрике „Б" показывает на сколько увеличивается или уменьшается средний урожай при отметке, отличающейся от среднего балла — „3". Первый член формулы в той же рубрике „Б" показывает вес урожая при отметке „3" ($x=0$); третий член является в результате нарушения арифметической прогрессии и имеет своим назначением запечатлеть степень кривизны связи между y и x.
2) рожь яровая. .	$45{,}40+14{,}70x-0{,}50x^2$	14,0	30,2	45,4	59,6	72,8	
3) пшеница озимая	$68{,}56+26{,}44x+1{,}90x^2$	23,3	44,0	68,6	96,9	129,0	
4) пшеница яровая	$50{,}87+20{,}12x+2{,}44x^2$	20,4	33,2	50,9	73,4	100,9	
5) ячмень	$52{,}08+21{,}33x+2{,}32x^2$	18,7	33,1	52,1	75,7	104,0	
6) овес.	$54{,}48+20{,}46x+1{,}87x^2$	21,0	35,9	54,5	76,8	102,9	
7) просо	$51{,}83+20{,}87x+2{,}29x^2$	19,3	33,3	51,8	75,0	102,7	
8) гречиха	$38{,}40+14{,}40x+0{,}80x^2$	12,8	24,8	38,4	53,6	70,4	
9) горох	$48{,}43+21{,}20x+2{,}41x^2$	15,7	29,6	48,4	72,0	100,5	
10) чечевица . . .	$39{,}40+16{,}37x+2{,}28x^2$	15,9	25,3	39,4	58,1	81,3	

Обозревая эти формулы, Б. Ястремский отмечает следующее общее свойство всех даваемых ими характеристик: „все почти цифры черноземной полосы больше цифр нечерноземной полосы". Это значит — согласно Б. Ястремскому, — что „не только средняя урожайность черноземной полосы выше по сравнению с нечерноземной, но и шире здесь диапазон колебаний веса урожаев; кроме того еще и более определенно выражена в этой полосе кривизна связи x и y. Исключением является лишь яровая рожь, которая характеризуется меньшей и притом отрицательной кривизной.

Однако, отмечая это последнее явление, Б. Ястремский оговаривается в своей неуверенности относительно действительности последнего. „Это исключение — замечает он — могло оказаться следствием вопросу малого объема материала, порожденного в свою очередь малой распространенностью этого вида культуры".

Итак, изучение вопроса о форме связи между балловой оценкой и фактическим весом урожая привело к разрешению второй проблемы — проблемы определения самого веса урожая при любой его цифровой оценке в баллах и построения приведенных выше шкал урожайности [1]). Третьим вопросом, выдвинутым тем же Б. Ястремским, в связи с установлением им этих шкал, явился вопрос „об исчислении вероятного урожая — в пудах — на основании предварительной оценки видов на урожай" (тезисы Б. Ястремского) или „о предвидении урожая" на основании изучения движения периодических волн чередующихся урожайных и неурожайных

[1]) К этим шкалам в № 50 „Бюллетеня Ц.С.У." дается следующее „необходимое примечание": „при составлении шкалы черноземной полосы были использованы материалы лишь по центрально-земледельческому району. Таким образом в данную полосу не вошли ни степные — волжские, ни юго-восточные, ни южные губернии. При исчислении вероятного урожая в этих губерниях необходимо пользоваться иными шкалами". Е. В.

лет в связи с периодическими же изменениями климата (тезисы Н. Четверикова, В. Г. Михайловского и Б. Ястремского. Е. В.). Отсюда вытекла четвертая тема — изучение периодичности русских урожаев и анализ колеблемости их средних уровней.

И, наконец, поставлена была на очередь пятая тема—определение точности предсказания урожая на основании состояния посевов в разные периоды роста растений и выявление меры коллективных погрешностей корреспондентских характеристик самих видов на урожай. (См. работу В. М. Обухова в № 1—4 „Вестника статистики“ за 1921 год под заглавием: „К вопросу об определении ожидаемого урожая“. Что же касается тезисов Н. Четверикова, В. Г. Михайловского и Б. Ястремского, упомянутых выше, то они опубликованы в № 50 „Бюллетеня Ц.С.У.“ от 8-го июля 1921 года. Е. В.)

Основной чертой всех указанных выше работ по урожайной статистике, объединяющей их в один цикл и характеризующей их общее направление, является стремление перейти в исследованиях ее материала от методов элементарно-эмпирических к методам математическим.

Так в тезисах доклада Б. С. Ястремского „Об исчислении вероятного урожая — в пудах—на основании предварительной балловой оценки видов на урожай“ выдвигаются следующие положения:

1. Решение задачи достаточно удовлетворительного предсказания урожая — в пудах — распадается на две отдельные задачи: а) построения „шкалы урожайности“ (пример которой был дан выше. Е. В.) и б) установления степени достоверности вычисленного согласно „шкале“ урожая.

2. Обе вышеупомянутые задачи могут быть разрешены путем приложения теории корреляции к исследованию взаимоотношений двух рядов чисел: а) средние оценки видов на урожай в баллах за ряд лет, погодно, в поуездном и погубернском масштабе и б) фактические средние сборы хлебов—в пудах—за ряд лет, погодно, в тех же масштабах.

3. Сопоставление обоих рядов дает, с одной стороны, „шкалу урожайности“, (которая в данном случае определится в терминах теории корреляции, как линии регрессии), а с другой стороны позволит исчислить вероятные ошибки предсказаний, путем сравнения вычисленных и фактических урожаев за ряд лет, погодно.

4. Построенные указанным методом „шкалы урожайности“ дали бы возможность критически отнестись к построенным уже отдельными губстатбюро шкалам урожайности.

5. Числовая оценка вероятных ошибок предсказаний урожаев — в пудах — как для отдельных территориальных единиц, так и для их совокупностей, дала бы возможность составить такие районы, для которых вероятные ошибки предсказаний оказывались бы минимальными.

Самый анализ колеблемости среднего уровня урожаев — сам на крестьянских надельных землях по губерниям центрально-земледельческого района Евр. России за время с 1883 по 1915 г., по данным Центр. Стат. К-та легший в основу установленных Б. Ястремским вышеприведенных „шкал урожайности“, произведен им при помощи им же предложенного „косвенного метода определения изменяемости статистических рядов, основанного на теориях дисперсии и корреляции.

Тем же методом Б. Ястремским исследованы колебания среднего уровня урожаев сам озимой ржи по 11 губерниям за тот же период в целях выяснения циклов периодичности русских урожаев.

С другой стороны, и В. М. Обухов в своей вышеупомянутой работе, применяет метод корреляции к установлению зависимостей урожаев от целого ряда метеорологических и климатических явлений (в частности от совместного действия осадков и температуры) и кроме того при установлении методов определения ожидаемого урожая применяет способ наименьших квадратов.

При этом необходимо отметить, что в то время, как сам Б. Ястремский считает свои „шкалы урожайности“ лишь предварительными, вместе с В. Г. Михайловским вполне искренно сознаваясь, что „все изложенные выше тезисы опираются на недостаточно прочный фундамент“, В. М. Обухов, в свою очередь, характеризует свою работу лишь как „пробную“, а Н. Четвериков в своей статье „о предвидении урожая“, признавая с одной стороны, что „установить критический период можно лишь выяснив степень зависимости (при помощи коэффициентов корреляции) урожая от факторов погоды...“, с другой—с крайним скептицизмом относится к качеству и пригодности для приложения такого рода методов тех материалов, которыми в данное время урожайная статистика и связанные с предметом ее наблюдения отрасли знания (метеорология) располагают.

Он указывает на то, что „целесообразный выбор признаков погоды сталкивается... с необходимостью считаться с существующими формами наблюдения, разработки и опубликования статистических и метеорологических сведений, приноровленных к данной специальной задаче... Этот естественный консерватизм статистической работы насильственно навязывает ее приемам формы, предопределенные наличными источниками сведений; изменить их можно лишь в далеком будущем, когда собранный по измененным программам материал, чтобы позволить перестроить методы исследования... С вышеуказанными оговорками все же возможно установить формулы с числовыми коэффициентами, которые позволят по наблюденным отклонениям погоды данного года от климатической нормы судить о вероятном отклонении урожая от его „уровня“. Но этот уровень, как уже указано выше, не является чем-то неподвижным, его приходится расчитывать как то состояние, к которому в данном году линия урожаев должна притти под влиянием ее общих эволюторных и периодических тенденций; оно экстраполируется на основании наблюдений за предыдущие годы и в предположении, что эволюция урожаев носит характер плавной постепенности. И здесь действительность выдвигает перед исследователем едва разрешимую задачу - плавность и непрерывность статистических рядов нарушена — с одной стороны реальными, внезапными, глубоко взбороздившими хозяйственную жизнь народа пертурбациями революционной эпохи, а с другой стороны — резким перерывом традиционной статистической работы, переходом к новым формам наблюдения и иному контингенту наблюдателей. Тем самым уничтожается законность экстраполяции, создается необходимость огульных поправок „наглаз“, которые в конечном счете могут уничтожить всю ценность тонких, методологически стройно разработанных вычислений...“

Основная работа Б. Ястремского с изложением его „косвенного метода определения изменяемости статистических рядов“ и применение последнего к анализу сведений по урожайной статистике относятся к 1920 году; работа В. М. Обухова, развивающая его положения и применяющая метод корреляции к установлению числовых взаимоотношений между урожаями и совместным действием на них осадков и температуры, относится, повидимому, к тому же периоду, ибо она была подготовлена к печати и опубликована в январь-апрельском номере „Вестника статистики“ за 1921 год.

Статья же Н. Четверикова, выдержки из которой мы привели выше, появилась в № 50 „Бюллетеня Ц.С.У“ от 8-го июля того же года и посему может считаться критическим ответом Н. Четверикова на указанные опыты обоих авторов — и Ястремского и Обухова. (О работе по изучению урожаев России, или, вернее, материалов о них, чуть ли не за 110 лет В. Г. Михайловского в данном случае говорить не приходится, так-как эта работа дает лишь сводку и сопоставления указанных материалов вне всяких попыток применения к их анализу сложных и громоздких математических приемов. Е. В.)

Прав или неправ Н. Четвериков в данном вопросе в своем пессимизме — мы не беремся судить, но при всех условиях мимо опытов Ястремского и Обухова

привить урожайной статистике начала строгой математической методологии пройти молчанием нельзя, без отношения к тому, дадут ли они в конце-концов практические результаты или останутся лишь теоретическими построениями. В русской научно-статистической литературе времен революционного перелома обе эти работы, как и работа В. Г. Михайловского, о которой мы упоминали, останутся крупным вкладом, ибо в них рельефнее, чем в каких-либо других трудах ее, отразились все те сдвиги в статистическом мировоззрении, в понимании задач самой статистики, содержания ее методологии, в признании необходимости сделать аграрно-экономическую статистику научной во всех ее отраслях, которые привнесла в русскую статистическую среду октябрьская революция.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новое в методике основных единовременных исследований и разработке их материалов, а также в изучении бюджетов и динамики сельского хозяйства в России.

Грандиозной методологической и организационной работой, проделанной государственной русской статистикой в годы революционного перелома в области текущей сел.-хоз. статистики, круг ее работ по аграрно-экономической статистике далеко не исчерпывается.

Не менее повелительно выдвинулась перед ней и другая задача—организация по совершенно новому типу отвечающих запросам государственного интереса основных, сплошных и выборочных исследований состояния сел. хозяйства в России, происшедших в нем за годы войны и революции органических видоизменений, а также изучения тенденций его дальнейшей эволюции, как социально-экономической, так и организационно-производственной.

Вопрос о новых переписях, поэтому, был сразу же поставлен боевым вопросом, особенно когда выяснилось, что переписи 1916—1917 гг. ни запросов современности, ни научного интереса в достаточной мере удовлетворить не в состоянии. И хотя перепись 1917 года производилась уже не под одним только углом зрения учета продовольственных ресурсов для войны, а имела в своем основном задании главной целью — изучить условия крестьянского хозяйства, она все же не смогла дать исчерпывающего материала в этом направлении, т.-к. момент ее производства оказался для этого слишком неблагоприятным. Он совпал с критическим моментом революционного перелома 1917 года, моментом стихийного крестьянского движения против помещичьих усадеб, т.-е. моментом, когда дореволюционные отношения крупного и мелкого хозяйства рушились и когда не создавалось никаких предпосылок к объективному их изучению.

Но все же, прежде чем поднять вопрос о новых переписях и способах их осуществления, государственная статистика России не смогла не отдать должного внимания и вопросам изучения материалов переписи 1917 года и направлению их разработки. В связи с этим выдвинулся и целый ряд методологических вопросов. Так, Г. П. Васкиным был предложен способ упрощения комбинационной сводки материала этой переписи в его, изданной еще в 1917 году в Самаре, работе, — „Метод вторичной количественной группировки в приложении к разработке всероссийской сел.-хоз. переписи“. Произведя, согласно рекомендуемому им способу, опыт на материале по Самарской губернии, автор стремится доказать возможность сокращения счетных единиц при разработке материалов сплошных обследований путем принятия за первичные счетные единицы не индивидуальные хозяйства, а представляющие некоторое единство их совокупности, — например селения, волости и т. д.,—без всякого ущерба для основательности самых выводов.

Основной мыслью автора является то положение, доказываемое им соответствующими цифровыми иллюстрациями, что и селения, взятые, как единицы, не меньше отражают хозяйственные различия, наблюдаемые в общем в пределах той или другой области и обусловливаемые различиями в индивидуальных хозяйствах, чем и эти самые хозяйства, если только принять за группированный признак этих селений — их расстояние от места сбыта сел.-хоз. продуктов, каковой признак в одном и том же направлении, хотя, быть может, и с различной силой, влияет на все хозяйства, входящие в соответствующие селения.

Обоснование более подробное этому положению Г. И. Баскин дает, во-первых, во второй главе своей другой работы, опубликованной в том же 1917 году,—„Критическая оценка материалов всероссийской сел.-хоз. переписи и система ее разработки", под заглавием „Основной принцип группировки крестьянских и частновладельческих хозяйств при построении комбинационных таблиц", а также в статье, опубликованной им в 1920 году, в № 1 „Вестника Сам. губ. стат. бюро" под заглавием—„Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства".

Что касается текущей работы по разработке материалов переписей вообще и переписи 1917 года в частности, то с момента утверждения „Положения о государственной статистике" она всецело сосредоточилась в отделе переписей Ц. С. У., при чем, всероссийским съездом статистиков, состоявшимся в июне 1918 года, по вопросу об окончательной разработке материалов переписи 1917 года, по докладу Исполнительной Комиссии расширенного состава статистического съезда было принято следующее постановление по программе декабрьского съезда статистиков 1917 года:

А. По учету размеров и состава общего и колонизационного земельного фонда.

1) Подсчет поуездных итогов, развернутых по категориям владения, обязательно производится по уездам, в составе той территории, которая существовала в 1916 году.

Прим. Итоги по уездам в новых границах даются особо.

2) Подсчет волостных итогов землевладения, как и составление инвентарей и списка владений, является работой, не необходимой для центра, и выполнение ее предоставляется соглашению губ. стат. бюро с учреждениями, ведающими земельным делом губернии...

3) Подсчет поуездных итогов для отдела переписи относится к работам первой очереди, при чем в основание земельного учета можно положить учет земель прежних, не устаревших, по мнению стат. бюро, исследований, с внесением в них тех изменений, которые потребуются с одной стороны — единством общегосударственной программы, с другой—приближением к составу землевладения 1917 года.

4) Распределение земли по угодьям в губерниях, где сохранить принятую общую программу состава угодий невозможно, предоставляется соглашению местного стат. бюро с отделом переписи эту программу изменить.

5) В программу поуездного подсчета землевладения, утвержденную декабрьским съездом 1917 года (стр. 217), вносятся следующие изменения:

а) Земли частного владения подсчитываются по угодьям и размерам землевладения, при чем дополнительно вносится рубрика „количество земель, не распределенных по размерам владений";

б) Хуторские владения — на надельной земле, на земле крестьянского банка и проч. — соединяются в один итог, сохраняя разделение на — 1) земли хуторов поселкового типа и 2) на земли хуторов изолированно-разбросанных.

в) Землевладение поселенного группового типа — надельное — разделяется на три категории: 1) надельно-общинное, 2) надельно-подворно-наследственное и 3) надельное смешанное, общинно-подворное, при чем в последней категории земля общинная отделяется от земли подворно-наследственной. Разделение надельных земель на отрубные черезполосные и укрепленные не производится.

г) Купчее крестьянское землевладение делится на три категории: 1) единоличное, связанное с наделом, 2) товарищеско-общинное, связанное с наделом и 3) землевладение крестьянских поселков на купчей земле и поселков городского типа других сословий.

д) Землевладение государственных и публично-общественных учреждений разбивается на категории, полный список которых поручается выработать отделу переписей и, по одобрении его президиумом Исполнительной Комиссии, разослать на места.

е) Категории землевладения, не входящие ни в одну из указанных рубрик, имеют особые итоги с точным указанием характера владений.

Б. О выработке земельных норм.

1) Трудовые нормы по конструктивно-теоретическому методу устанавливаются по схеме, принятой декабрьским съездом статистиков (протоколы съезда стр. 199).

2) Трудовые нормы по эмпирико-статистическому методу (стр. 200) устанавливаются по группам волостей, объединенных по районам, образованным по признакам, указанным в докладе (стр. 199).

Примечание: Группировка хозяйств (стр. 201) по размерам землевладения производится в пределах района.

В. О контингенте хозяйств и населения.

Поселок городского типа (фабричные, приисковые и др.) в таблицах А, В и В контингента хозяйств и населения (стр. 226—228) выделяются в особую категорию.

Опубликование итогов всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по губерниям до сего времени не осуществилось полностью. Выпущенные, было, в 1918—1919 годах „предварительные итоги“ ее ввиду обнаружения многих неточностей и ошибок из распространения были изъяты. Лишь в конце 1921 года вышел первый выпуск окончательных итогов по 52 губерниям и областям в издании „Трудов Центрального Статистического управления“, как выпуск первый их пятого тома.

В числе главнейших условий запоздания выпуска итогов этой переписи в предисловии к указанному изданию отмечаются следующие:

11 марта 1917 года, уже при временном правительстве отчет переписи при управлении делами Особого совещания по продовольствию перешел в ведение лица из среды земских статистиков—членов Исполнительной Комиссии Статистических съездов.

Первым шагом реорганизованного отдела переписи был созыв нового съезда статистиков в Москве на 18-е апреля 1917 года, каковым съездом, как говорилось в одной из предыдущих глав, были рассмотрены и утверждены представленные

ему отделом переписи программы, по которым и осуществлялась всероссийская сельско-хозяйственная и поземельная перепись 1917 года.

Тотчас же после съезда отдел переписи отпечатал и разослал на места программы и инструкции к переписи. Таким образом местные статистические организации могли уже в мае месяце приступить к самому производству переписи,

Происходившее весной и летом 1917 года почти во всех губерниях аграрное движение настолько повлияло на правильный ход работ по переписи; в некоторых местах не удалось совсем получить никаких сведений; но такого рода пропуски имели место в большинстве случаев по отношению к отдельным селениям и дворам и очень редко к целым волостям. Особенно пострадала полнота охваченных переписью объемов по отношению к частновладельческим имениям.

В июне месяце 1917 года отдел переписи выработал и разослал программу и инструкции для предварительной разработки материалов переписи.

Сравнительно сложная схема и программа итогов уже сама по себе требовала тщательной работы и не могла быть выполнена быстро.

Особенные трудности представляет собой учет земельных площадей в тех губерниях, где раньше не производилось никаких земельных обследований, и, следовательно, не было никакого руководящего материала. В таких условиях находились губернии Архангельская, Астраханская, большинство сибирских губерний и некоторые из юго-западных.

Октябрьская революция и последовавшая за ней социальная перестройка не могли, в свою очередь, не повлиять на ход статистических работ.

При конструировании советских учреждений в провинции статистические отделы бывших земских и городских управ оказывались в разных местностях в ведении различных комиссариатов; в одном случае статистический отдел становился подъотделом губ- или уземотдела, в другом продкома, в третьем совнархоза или комиссариата внутренних дел и т. п. Каждый комиссариат, всякое ведомство стремились использовать статистический аппарат вообще и материалы переписи в частности, прежде всего, а иногда—исключительно, в своих узких прикладных ведомственных целях и интересах. Стремления эти, вполне понятные сами по себе, создавали опасность нарушения плана общегосударственной разработки материалов переписи 1917 года так-как цели и интересы у различных ведомств были различны и носили каждый раз чисто местный характер.

Отвлечение материала на удовлетворение частичных разрозненных целей сильно тормозило работу по получению итогов переписи 1917 года.

Эвакуация всех центральных советских учреждений из Петрограда в Москву в марте месяце 1918 года произвела на значительное время остановку всех работ по материалам переписи, а отсутствие в Москве надлежащего помещения не дало отделу переписи развернуть эти работы в мае месяце того же года.

В связи с этим Центральное Статистическое управление, как орган государственной статистики республики начало организацию своих работ лишь в июне 1918 года и тогда же было приступлено к приготовлению итого переписи 1917 года, окончательная редакция программы разработки которых была, как было сказано выше, принята всероссийским съездом статистиков, созванном в том же июне месяце 1918 года в Москве,

Предисловие к „Итогам всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи по 52 губерниям и областям“ ни словом не упоминает о судьбе упомянутого нами выше неудачного издания предварительных итогов, опубликование которых было опротестовано П. А. Вихляевым; оно обходит молчанием наличность тех разногласий, которые уже обнаружились к тому времени в руководящих статистических кругах в вопросах оценки, как практического значения произведенной переписи, так и методов построения программ разработки ее материалов. Отголоском этих разногласий явилась работа Г. И. Баскина: „О методе вторичной коли-

чественной группировки", в которой он настаивал на упрощении программы комбинационной разработки материалов переписи 1917 года, а одним из тяжелых последствий—отход от практических и методологических работ Ц. С. У. В. Г. Громана и отчасти П. А. Вихляева, ведущего в настоящее время в Ц. С. У. лишь научно-организационную работу и педагогическую.

Как говорит предисловие к другому изданию Ц. С. У. к „Итогам всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1920 года". (Труды Ц. С. У. том. II вып. 1, 2 и 3. 1921—22 гг.) уже с 1918 года чувствовалась необходимость новой и уже не только сельско-хозяйственной, но всеобъемлющей всероссийской переписи. Условия гражданской войны долго не позволяли осуществить этого мероприятия и только в 1920 году оказалось возможным хотя и с громадными трудностями его организовать во исполнение постановления о производстве его всероссийского съезда статистиков в августе 1919 года. Это постановление провести в самом 1918 году удалось лишь частично—в форме утвержденного тем же съездом 10% выборочного обследования крестьянских хозяйств с одновременным производством переписи сел.-хоз. коммун и советских хозяйств, в целях выяснения состава и происхождения этих образований революционного времени, а также мероприятий описаний отдельных хозяйств по программе, предложенной тому же съезду П. И. Поповым.

Это 10% выборочное обследование, согласно постановлению съезда производилось не по отдельным дворам и даже не по отдельным селениям, а по „гнездам" этих селений или даже волостей, естественно объединенных в типичные группы определенными естественно-историческими и экономическими условиями района.

При этом, в интересах установления связи этого обследования 1919 года с данными предшествовавших переписей при выборной регистрации крестьянских хозяйств непременным условием ставилось принятие всех мер к получению возможности проверки, контроля данных ее по материалам переписи 1917 года и выяснения, путем сопоставления могущих встретиться расхождений. В этих целях регистраторам, производящим обследование 1919 года, были выданы на руки выборки из материалов переписи 1917 года необходимых элементов для сравнения условий землепользования и других происшедших изменений в условиях сел.-хоз. действительности.

Практически работа по обследованию производилась в таком порядке: „намечались в каждом районе или уезде ряд селений смежной территории, с таким расчетом, чтобы число хозяйств по переписи 1917 года составляло не менее 5% всех крестьянских хозяйств района или уезда и здесь описывались все хозяйства сплошь. Затем получались итоги числа хозяйств, поселения, скота и посевов по этим описанным гнездам по материалу переписи 1917 и 1919 лет: при сравнении их получался коэффициент разницы, который будучи применен к переездным итогам переписи 1917 года, давал итоги переписи 1919 года по уезду и затем по губернии" (см. „О работах отдела с.-х. переписей" „Вестник статистики" № 1—4 1920 г., стр. 181).

Дальнейшая разработка материалов 1919 года производилась в губстатбюро заключалась в группировке крестьянских хозяйств по различным экономическим факторам, аналогично с такого же типа группировками материала переписи 1918 года — по площади посева, по числу рабочих лошадей, числу коров и по величине семьи.

При переписи же 1919 года предполагалось осуществить начало правильных периодических (ежегодных или 2—3-годичных) переписей отдельных местностей с целью определения характера и направления развития земледельческого хозяйства — динамического исследования крестьянских хозяйств, — но за недостатком времени и средств оно было отложено.

о необходимости от типа последних сельско-хозяйственных переписей 1916, 17,—19 и 20 годов,—не связывавшихся с учетом земли, вернуться к типу прежних земских переписей, в которых показания домохозяев о площадях их посевов контролировались либо данными общинного бланка о величине наделов, либо данными земельного описания о величине паев товарищеского или арендного землепользования, либо данными этих обоих документов.

Этот шаг назад возвращал статистическую мысль к идее общего земельного описания с учетом всех угодий, которое было намечено к выполнению по данным окладных книг уездных земских управ 1917 года Всероссийским Съездом Статистиков того же года.

Это постановление съезда оказалось выполнено только в отношении территории Украинской Республики, где, несмотря на многие и быстрые смены властей, статистическому аппарату Украинского Наркомзема 1919 года, преемственно переходившего в Киеве за 1918—19 года из рук Министерства Земельных Справ Центральной рады в руки министерства земледелия Украинской Державы гетманского периода; из рук последнего в руки опять Министерства Земельных Справ, но уже Петлюровской Директории и далее из рук Директории—в руки Украинского Наркомзема, удалось под руководством Н. Н. Черненкова и при ближайшем участии автора этих строк собрать и разработать данные о земельных угодиях по типам владений из окладных книг 1917 г. бывших уездных земских управ по 108 уездам девяти губерний, образовавших Украинскую Советскую Республику.

В великорусской части Р. С. Ф. С. Р., несмотря на ее более спокойные внутренние политические условия, задание Всероссийского Съезда Статистиков 1917 г. выполнено не было и данные окладных книг этого года по большинству губерний погибли безвозвратно.

В связи с этим в докладе Я. В. Блихера по программе земельного обследования 1922 года, обследования, между прочим, не сплошного, а лишь выборочного, не охватывающего целиком даже территории уездов,—совершенно не упоминаются среди источников земельного описания окладные книги бывших уездных земельных управ. Не вспоминает о них и конференция.

Куцое постановление конференции о куцой программе куцого земельного обследования, также как и все ее постановления по отдельным моментам методики урожайной статистики и выборочных подворных сел.-хоз. переписей, оказались, как и вся работа Ц. С. У. в области сельско-хозяйственной статистики (земельной она вообще не занималось), совершенно не связанными воедино тем „цементом идей", который формует собой аграрно-экономическую статистику, как таковую.

В этом грех, и большой грех, нашего Центрального Статистического Управления, обратившего свою статистику в односторонний статистический учет, центр тяжести перенесший в методику регистрации и технической разработки ее данных и своим игнорированием экономической разработки последних прорывшего глубокую пропасть между своей работой и работой прикладной экономической статистики соответствующих учреждений Наркомзема, сельско-хозяйственной кооперации и др.

„Все" учесть Центральному Статистическому Управлению ни в одной области народной жизни, ни тем более в сельском хозяйстве, не удалось. От сплошного учета оно попыталось и еще продолжает пытаться отступить на позиции выборочного „гнездового" учета, но и здесь его ожидает неуспех, если оно не сделает еще одного „шага назад", в сторону земской статистики и не вспомнит о ее живом общественном духе, о том, что для нее статистика никогда не являлась самоцелью, а была лишь средством к познанию экономической структуры народной жизни и законов ее эволюции.

С этой точки зрения шаг А. И. Хрящевой в отношении признания необходимости тип современных сел.-хоз. переписей приблизить к типу старых земских переписей можно только приветствовать, но отступление на этом фронте должно

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По необходимости наша книга не закончена. Развитие русской аграрно-экономической статистики продолжается и даже, несмотря на общий замедленный темп научно-культурной жизни России, чуть не каждый месяц приносит новый материал. Вышедшая уже в момент сдачи в печать нашей книги работа Б. Н. Книповича о сельско-хозяйственном районировании, еще более углубленный труд, последовавший за ним, проф. П. И. Никитина по дробному сельско-хоз. районированию Московской губернии, еще не опубликованные, но уже имеющиеся в нашем портфеле такого же типа работы по Тверской, Иваново-Вознесенской и Владимирской губерниям, с другой стороны постановления собравшейся в феврале текущего года IV-й Всероссийской Статистической Конференции, посвятившей себя почти всецело вопросам аграрно-экономической статистики,—показывают, насколько лихорадочно в настоящее время продолжает работать русская статистическая мысль как центра, так и мест, над разработкой проблем, связанных с постановкой статистико-экономического и главным образом динамического изучения российской сельско-хозяйственной действительности.

Нельзя не упомянуть, в связи с этим, об огромных работах, произведенных в этой области в последние годы сибирскими и туркестанскими статистиками по изучению аграрно-экономических и сельско-хозяйственных отношений Сибири и Туркестана под руководством и непосредственным участием в Сибири проф. Н. И. Огановского, в Туркестане—проф. Н. Н. Кожанова. Нельзя не остановиться с некоторой подробностью на упомянутой выше конференции.

В программе ее наиболее видное место занимали вопросы урожайной статистики, вопросы организации текущей сельско-хоз. статистики, вопросы организации программы выборочной сел.-хоз. переписи 1922 года и попутного производства с ней выборочного же всероссийского земельного обследования.

По этим вопросам конференцией были заслушены методологические доклады Н. С. Четверикова, В. И. Обухова, Б. С. Ястремского, подытожившие их работы в области установления методов исследования ряда явлений, и связи между ними в урожайной статистике, о которых мы говорили в своем месте. О методах учета урожая и плане работ по урожайной статистике в течение летней кампании 1922 года со стороны Ц. С. У. были даны четыре докладчика—П. И. Попов, Е. В. Пашковский, Н. И. Дубенецкий и Н. Н. Шмеман.

По плану и организации 10% выборочного исследования в 1922 году дал доклад П. И. Попов; по программе выборочного подворного обследования—А. И. Хрящева. С программой и обоснованием всероссийского земельного обследования выступил Я. В. Блехер. На роли волостных статистиков, добровольных корреспондентов и специальной статистической агентуры в специальном на эту тему докладе остановился Е. В. Пашковский.

Наиболее интересным в этих докладах, с принципиальной стороны, было признание А. И. Хрящевой, не встретившее никаких возражений на конференции,

Подробно характеризуются только А и В.

X. Все работы сводятся к следующим операциям:

1) Восстановление связи переписей в единицах материала и классификация их на основании 12 категорий.

2) Переписывание данных обеих переписей на одну историческую карточку.

3) Проверка переписи, группировка и разметка карточек.

4) Подсчет их и сводка в итоговые таблицы.

XI. Деление карточек на основные категории производится в пределах каждого описанного гнезда.

XII. Разработка по экономическим группам — по районам более широкого масштаба, границы которых укажет 1-я таблица (см. пункт XI).

XIII. Работы производятся на местах по инструкции, изданной центром.

Перепись 1920 года произошла далеко не гладко. По установленному плану работа по сплошному учету всего сельского хозяйства в этом году должна была продолжиться пол-месяца, но неблагоприятные условия, при которых она протекала, затянули период работы.

Сильно задержалось окончание работ на Украине, в Сибири и на юго-востоке, где бандитизм мешал правильному ходу работ. В некоторых местностях уже собранный материал уничтожался бандитами и приходилось восстановлять его путем вторичной еще более поздней, переписи. Такие случаи имели место на Украине в Черниговской и Харьковской губернии, на Кавказе и в Воронежской губернии.

В местностях, где действовали в 1920 году шайки бандитов, были случаи гибели статистиков, схваченных на работе.

Всего убито во время производства переписи 26 статистиков. Кроме того избито и ограблено 25 человек.

Таковы потери республики на небывалом еще нигде в мире „статистическом фронте".

Наибольшее количество жертв приходится на Кубанскую область—11 убитых.

Имена погибших еще не опубликованы Ц. С. У.

Мир праху вашему — герои скромные, жертвы любви своей беззаветной к родимой земле.

исследовании земледельческого хозяйства в указанные нами годы революционного перелома нам остается лишь привести тезисы программы разработки этого динамического материала, полученного при переписи 1920 года, принятые, по докладу А. И. Хрящевой Третьей Всероссийской Статистической Конференцией в январе 1921 г.

Опуская вводные пункты тезисов, мы берем дословное их изложение по № 39 „Бюллетеня Ц.С.У." от января 1921 года [1]).

„...V. Так как поле наблюдения ограничено периодом времени между переписями 1917—1920 гг., то при построении программы разработки мы имеем три главные момента:

а) Состояние экономики в момент переписи 1917 года.

б) Социально-органические изменения в различных экономических группах за указанный период времени; и

в) Разность экономической эволюции к моменту переписи 1920 года и различных категорий хозяйств, при чем категории определяются по роду социально-органических изменений, происшедших с хозяйствами. Категорий, определяемых сущностью социально-органических изменений, всего 12.

VI. Важнейшим моментом, предшествующим всем другим работам, является, восстановление связи моментов переписи в единицах социальной массы и классификации этой массы по роду социально-органических процессов.

Этот момент определяет правильный ход всей дальнейшей работы и потому должен сосредоточить на себе главное внимание статистиков. Только после выполнения этой работы возможно осуществление связи моментов переписей в статистических совокупностях (группах, категориях).

VII. Следующей операцией будет переписка данных с карточек 1917 и 1920 годов на одну историческую рабочую карточку [2]). Операция эта необходима для того, чтобы на все время разработки не нарушалась связь моментов переписи в единицах материала, а также для того, чтобы освободить подлинный материал переписи 1917 и 1920 годов.

В дальнейшем разработке подвергаются лишь эти рабочие карточки.

VIII. В основу группировки (подлежащее) полагается площадь посева и размер семьи с теми же интервалами и по тем же соображениям, что и при разработке материала переписи 1920 года.

IX. Таблицы строятся так: берется группа 1917 года с подробными характеристиками ее в вертикалях и вслед за этим в вертикалях же развертываются группа за группой по данным 1920 г., каждая с краткой характеристикой.

Подробной характеристикой сопровождаются лишь группы исходного момента и конечного, т.-е. группы 1917 года с точки зрения их положения в 1917 и в 1920 годах. Каждая из групп, образовавшаяся к 1920 году из данной группы 1917 года, характеризуется более кратко.

Напр., экономическая группа имела в 1917 году характеристику А, а в 1920 году ее характеристика выражается как В; но А, переходя в В, образовала ряд групп: а, в, г и т. д., каждая из которых характеризуется кратко.

---

[1]) По техническим соображениям мы не приводим здесь, целиком опубликованную там же, схему самой программы этой разработки, распадающуюся на пять разделов и содержащую в себе 355 граф и рубрик. Отмечаем лишь разделы:

а) органические изменения по гнездам и комбинированным группам,

б) органические изменения хозяйств 1917 года,

в) образование категории хозяйств 1920 года,

г) содержание исторической карточки по графам в сказуемом и

д) разработка динамического материала.

В подлежащем—категория хозяйств и в двух группах: хозяйства 1917 года и хозяйства 1920 года. Е. В.

[2]) Содержание этой карточки определяется содержанием подворной карточки 1917 года и той ее части, которая совпадает с содержанием карточки 1920 г. Все остальное (не совпадающее) в той или другой карточке в историческую карточку не попадает. Е. В.

работы по выборкам необходимых данных из прежних переписей и производится сопоставление их там, где оно еще не сделано. В интересах же получения к выводам отдела контрольного материала им, при организации общих переписей, в порядке их работ, организуются связные описания хозяйств отдельных местностей, но не тех, где уже производится ежегодная регистрация.

Основные положения этой своей статьи А. И. Хрящева выдвигает в виде тезисов к своему докладу съезду статистиков 1919 года „О постановке исследования динамики земледельческого хозяйства", дополняя их пунктом о средствах исследования, гласящим, что „в каждом уезде или районе (по указанию местных статистических бюро) берется под наблюдение, т.-е. ежегодно переписывается сплошь целая волость, или несколько селений, лежащих рядом, при чем подворная карточка на них составляется в первый год, а в дальнейшем ежегодно, дополнительно к ней, отмечаются лишь изменения в промыслах, в численности населения, скота, посевов и инвентаря", а также пунктом о ежегодных или монографических описаниях в следующей редакции:

„Так как ежегодное наблюдение всей массы хозяйств производится по сравнительно краткой программе, то из этой массы выбирается известный % хозяйств, в которых ежегодно возобновляется бюджетное или монографическое описание, чтобы наблюдать эволюцию бюджета в целом, а не только в главнейших элементах хозяйствования".

(См. „Вестник статистики" № 4—7, за апрель—июль 1919 года, стр. 173—174.)

В прениях по этому докладу на съезде все высказывавшиеся сходились на принципиальном положении о признании за динамическим исследованием, в отличие от сравнительного изучения групп хозяйств в различные периоды, самостоятельной задачи чрезвычайно важного значения.

Говорившие лишь расходились в формулировке существа этой работы. Так, А. А. Кауфман указал, что, очевидно, динамическое исследование, не меняя нашего представления о законах эволюции крестьянского хозяйства, стремится изучить совокупность случайных причин, молекулярных процессов, дающих в результате определенную равнодействующую.

С другой стороны В. Г. Громан, И. А. Каблуков и И. И. Попов высказывали мнение, что динамическое изучение, в отличие от изучения в общественных экономических процессах в целом, вскрывает самую сущность, происхождение цесса.

И. А. Вихляевым же было указано на исключительное значение, при динамических исследованиях, изучения той среды, в которой совершается движение ельных хозяйственных молекул, объединенных в отдельные группы.

В этом отношении И. А. Вихляев настаивал на необходимости еще более ясснить методы и приемы изучения именно этой среды.

В заключение съезд постановил, как говорилось выше, передать доклад А. И. Хрящевой в особую комиссию в составе А. И. Хрящевой, И. А. Вихляева, А. А. Кауфмана, А. Е. Лосицкого, Н. М. Кислякова, В. Г. Громана и В. Г. Михайловского, по докладу которой, в связи с докладом бюджетной комиссии съезда и председателя соединенного заседания обеих комиссий В. Г. Громана, была вынесена приведенная нами выше подробная, объединяющая оба типа исследований—динамического и бюджетного—одна общая программа.

Выше, в нашем очерке программы всероссийской объединенной сел.-хоз., демографическо-профессиональной и промышленной переписи 1920 года, в части, ее касающейся, сел.-хоз. переписи, мы остановились на пунктах, устанавливающих связь ее, как программы единовременного сплошного учета единиц наблюдения, с моментами закладки начал динамического изучения тех же единиц и их социально-экономических групп, объединяемых в искусственно выделяемых „гнездах". В заключение к нашему очерку положения и развития вопроса о динамическом

ских переписей, чего было бы достаточно для того, чтобы проследить эволюцию отдельных сторон земледельческого хозяйства данной местности. Для этого требуется одно непременное условие - идентичность составных частей наблюдаемой массы.

Таким образом должно иметь ввиду как метод сравнения состояния всей массы хозяйств „объединенных территорий", при чем эта масса не идентична, так и метод определения характера изменений и процессов, происходящих в каждой отдельной единице наблюдаемой массы, а также и в целых социально-экономических группах, где хозяйства идентичны. Первый метод дает возможность уловить количественные изменения отдельных сторон хозяйства и внешние изменения в численности населения данной местности. Второй — прослеживает внутренний характер самих изменений в связи с особенностями того или другого типа хозяйства, т.-е. изменения, вытекающие из свойств типа, из внутри-хозяйственных особенностей.

Требования первого метода вполне удовлетворяют периодические сплошные переписи. Для достижения же второй цели применяется прием связанного повторного исследования, при котором моменты переписи связываются в описании каждого хозяйства посредством отметок об изменениях в списке исследуемых хозяйств.

Кроме этих двух приемов исследований, применяемых к изучению динамики земледельческого хозяйства, должен быть к тому же изучению применен еще и третий прием — прием ежегодных переписей хозяйств одной и той же территории, с регистрацией всех изменений, совершающихся в каждом хозяйстве.

Последний прием, охватывающий все хозяйства данной, хотя бы и очень небольшой территории, на протяжении нескольких десятков лет непрерывно дает материал для определения направления и сущности эволюции, как отдельных земледельческих хозяйств, так и целых их экономических групп и хозяйственных центров; он дает возможность проникнуть в логическую связь изменений, в причины, обусловливающие характер и интенсивность тех или других процессов.

Кроме того, самые условия, в которых живет хозяйство, разделяются по своему характеру на такие, влияние коих на хозяйство изменчиво, и такие, влияние которых одинаково, более или менее постоянно, неизменно.

Сообразно этому схема работ отдела динамики строится под углом тех требований, какие предъявляет ему методология, ввиду различия свойств изучаемых объектов, и сообразно им определяются задачи этих работ, резюмируемые в следующих положениях. Отдел динамики исследует:

1) закономерности эволюции как отдельных сторон и условий земледельческого хозяйства различных местностей, так и закономерности эволюции отдельных хозяйств и их социально-экономических групп, а также производственный и потребительный бюджет хозяйств различного типа;

2) условия, влияющие на всю совокупность хозяйств данной местности, описывающиеся в особом бланке, сведения о которых ежегодно проверяются и, если нужно, дополняются на местах;

3) отдельные хозяйства, исследуемые также ежегодно в целях фиксации текущих изменений, происходящих в них;

4) подробный бюджет намечаемого из общей массы сплошь описываемых ежегодно хозяйств известного их процента, который, в свою очередь, затем ежегодно дополняется и исправляется на месте;

5) влияния отдельных факторов на земледельческое хозяйство и его эволюцию, а также те изменения, какие происходят в хозяйстве под влиянием эволюции самого влияющего фактора, что должно быть предметом особого изучения.

Кроме того, в интересах преемственной связи материалов и работ отдела с прошлыми статистическими исследованиями, отделом организуются на местах

4) Учет землевладения и землепользования вести по отдельным участкам, по основанию распоряжения землей.

5) По вопросу об учете посева и сбора хлебов поставить вопросы по каждой культуре: а) после какого хлеба; б) по пару; в) по залежи; г) по удобрению; д) без удобрения — для вывода конкретной характеристики системы полеводства и севооборота.

6) Учет работ в полевом хозяйстве производить не по отдельным работам, а суммарно.

7) При учете скотоводства — учесть переход скота из одного возраста в другой, а также учитывать живой вес скота по опросу.

8) В разделе о лесном хозяйстве—отказаться от учета возрастов деревьев.

9) Принять следующие общие положения, относящиеся по всем разделам бюджета:

а) во всех графах всех разделов изменить редакцию, внести дополнения и изменения в соответствии с современными условиями жизни и хозяйствами крестьян;

б) во всех сел.-хоз. разделах ввести учет изменений в технике организации данной отрасли хозяйства.

10) По вопросу об оценке и ценах—признать необходимым в целях всесторонней разработки: а) произвести оценку по ценам довоенного времени; б) учесть отдельные случаи покупки и продажи за время с 1914 года и за бюджетный год, с указанием цены, точного названия и меры предмета, а также точного времени продажи или покупки и в) дать в бюджетном бланке денежный баланс к определенному моменту времени.

В связи с принятыми предложениями съезд заслушал и принял к сведению особое мнение А. А. Кауфмана по вопросу об оценках, которое сводится к следующему: „Денежного баланса, как и вообще оценки учитывать не представляется целесообразным, ибо это не имеет реального значения. Необходимо лишь учесть тем или иным способом основания хозяйственных расчетов отдельных хозяев, для чего достаточно учесть отдельные немногочисленные случаи покупок и продажи, с указанием цены и точного времени".

(„Вестн. статистики" № 4—7 за 1919 г., стр. 173—179.)

Основные программные и методологические Standpunkten в вопросе о постановке изучения динамики сельского земледельческого хозяйства в условиях новой обстановки для работ государственной статистики, определившиеся после 1917 года, впервые были сформированы в статье А. И. Хрящевой, опубликованной в № 1 „Вестника статистики" за 1919 год под заглавием: „К вопросу об организации отдела динамики земледельческого хозяйства при Ц. С. У".

А. И. Хрящева в таких положениях устанавливает задачи отдела:

„Как всякое другое явление, земледельческое хозяйство должно рассматриваться и изучаться в исторической перспективе его развития, чтобы можно было не только наметить, но и ясно определить законы, управляющие его эволюцией... Поэтому изучению динамики земледельческого хозяйства, как такового, должно быть посвящено особое внимание. При исследовании развития земледельческого хозяйства мы имеем дело не только с самим хозяйством — этим сложным комплексом явлений, но еще и с той средой, где живет это хозяйство — с внешними условиями...

„Из свойств исследуемых объектов (внешней среды) вытекают и методы их исследования... К факторам различного порядка применяется различная по частости периодичность их регистрации. Кроме того, динамика самого земледельческого хозяйства может исследоваться различными методами в зависимости от целей, которые при этом имеются ввиду... Для изучения процессов и изменений, вытекающих из свойств типа хозяйств, недостаточно сравнения лишь итогов периодиче-

4) Бюджетное исследование, охватывающее в среднем 300 хозяйств в губернии, производится на 2/3 (т.-е. 200 хозяйств) в районах динамического исследования и на 1/3 (т.-е. 100 хозяйств) всех этих районов.

5) Гнезда выбираются в зависимости: 1) от расстояния от промышленного центра, 2) от железных дорог, 3) от губернских и уездных центров и по всей совокупности основных условий, влияющих на организацию и строй хозяйства.

6) Деление губернии на районы и выбор гнезд производится местными стат. бюро с последующим представлением на утверждение Ц. С. У.

7) Признать связь данного исследования с переписью 1917 года за основную; вместе с тем установить, где это возможно, связь с переписью 1916 года и со старыми земскими переписями.

8) В намеченных местностях производится сплошное подворное обследование по программе переписи 1919 года, в которую включены в качестве добавочных вопросов сбор всех хлебов, сбыт, покупка и получение продуктов, утилизация для общественных работ индивидуального инвентаря и скота, сведения о площади землепользования главных угодий (пашни, сенокосов, удобной), учет задолженности и заработка от промыслов.

9) Кроме того, в каждом населенном пункте подлежат описанию условия и факты, относящиеся одинаково ко всем хозяйствам данного селения (общинный бланк).

Этот общинный бланк пересматривается и пополняется через каждые пять лет.

10) В первый же год обследования на некоторую часть хозяйства составляются бюджеты, которые возобновляются ежегодно путем опроса или выборки из записей, если таковые заведены в хозяйстве.

11) Списки домохозяев составляются регистраторами на местах на основании списков переписи 1917 года. Такие списки составляются ежегодно, так как каждый из них служит исходным для работ будущего года. Номера домохозяев нового списка проставляются в списке предыдущего года с отметкой, когда произошел раздел, соединение, выселение, ликвидация. В новом списке отмечается год образования новых хозяйств.

12) Подворные карточки составляются в двух экземплярах: один остается в губстатбюро, а другим пользуются при ежегодных переписях.

13) В карточку заносятся сведения за два года. На третий год при составлении карточки регистратор должен иметь перед собой сведения (карточку) предыдущего года.

14) Для исследования динамики желательно, чтобы каждый населенный пункт был поручен наблюдению одного лица и только в случае наличия крупных селений работа должна разделяться.

Таковы постановления съезда статистиков 1919 года по общей постановке бюджетных исследований в связи с изучением динамики сел. хозяйства и выбора „гнезд“ для исследования.

Что касается специальной работы в этой области в связи с переписью 1919 года, то в отношении ее съезд постановил принять следующие постановления им выбранной бюджетной комиссии:

1) Принять основные положения о принципах бюджетного обследования, выработанные комиссией Ц. С. У.

2) В основу бюджетного бланка принять тульский бюджет.

3) Учесть историю хозяйства за последние 10—15 лет, а с момента войны все изменения и причины этих изменений в населении, количестве скота, посевах и промысловой деятельности.

Для времени за 1914 год дать более или менее полное содержание подворной карточки сел.-хоз. переписи.

В соответствии с этим комиссия установила следующие основные положения по вопросу о бюджетном исследовании крестьянских хозяйств:

1) бюджеты должны быть равномерно распределены по всей территории исследования.

2) Расценка статей прихода и расхода устанавливается:

а) по ценам довоенного времени,

б) по ценам военного времени и

в) по современной фактической оценке.

3) Бюджет должен быть производительно-потребительного типа, т.-е. учитывать, с одной стороны, всю производственную деятельность хозяйства, а с другой — всю организацию и потребление (тип бюджетов земской статистики — Вологодской, Костромской, Тульской и Пензенской губ., с поправками, вытекающими из современных условий).

В связи с установленным типом бюджет должен иметь следующие главнейшие разделы: 1) историко-описательная часть; 2) население с учетом персональным, продовольственным и промысловым; 3) организация отдельных отраслей хозяйства; 4) организация труда в хозяйстве (с учетом баланса); 5) организация производства и 6) общий отдел баланса.

Ввиду выявившихся во время прений по докладу П. И. Попова новых точек зрений на задачи и объем бюджетных исследований, потребовавших, с одной стороны, на-ряду с углубленным обследованием небольшого числа хозяйств поставить массовое выборочное обследование по расширенной программе, приурочив то и другое к производству сел.-хоз. переписи (В. Г. Михайловский), а с другой — согласовать постановку обследования бюджетов с исследованиями динамики земледельческого хозяйства (предложение, аналогичное развитому выше мнению Л. Литошенко), съезд постановил передать рассмотрение всех этих вопросов в особую комиссию в составе А. А. Кауфмана, П. М. Кислякова, Осипова, П. А. Вихляева и В. Г. Громана, предложив ей слиться с бюджетной комиссией Ц. С. У.

Немедленно вслед за докладом бюджетной комиссии Ц. С. У. съездом был заслушан доклад А. И. Хрящевой о постановке исследования динамики земледельческого хозяйства, содержания и прений по которому мы коснемся ниже. Этот доклад, тоже для обсуждения, был передан съездом в особую комиссию в составе А. И. Хрящевой, П. А. Вихляева, А. А. Кауфмана, А. Е. Лосицкого, П. М. Кислякова, В. Г. Громана и В. Г. Михайловского. Обе избранные комиссии имели несколько заседаний, при чем по вопросу о принципах выбора объектов бюджетных и динамических исследований было признано обсудить этот вопрос в совместном заседании обеих комиссий.

Результат работ комиссий был доложен съезду и по вопросу о принципах выбора объектов при бюджетных и динамических исследованиях съезд, по докладу председателя соединенного заседания обеих комиссий, В. Г. Громана, вынес следующие постановления:

1) При организации производства бюджетных и динамических исследований предварительно намечаются крупные районы (в пределах губернии), отличающиеся по всей совокупности естественно-исторических и социально-экономических признаков.

2) В пределах этих крупных районов намечаются более мелкие районы по тому же принципу, что и крупные районы. Далее намечаются группы (или крупные имения) однородных селений („гнезда“), охватывающие в совокупности 10—12 тысяч хозяйств губернии, при чем, в среднем, группа — „гнездо“ — охватывает до 1.000 дворов; в каждом же мелком районе в среднем намечается три группы (гнезда).

3) Исследование динамики земледельческого хозяйства производится в одном из намеченных гнезд губернии.

шенко, основной задачей бюджетного исследования сельского земледельческого хозяйства для настоящего времени. Е. В.) требует, конечно, совершенно иного масштаба исследований... Это должны быть не единовременные статистические учеты, а постоянное наблюдение элементов и результатов хозяйственной деятельности определенной группы хозяйств... Для тех специальных требований, которые мы предъявляем к бюджетным исследованиям, метод непрерывного наблюдения представляется совершенно необходимым. Только таким способом можно проследить эволюцию категории дохода в крестьянском хозяйстве, законы его нарастания, как и какими путями происходит переход дохода от служебной роли по отношению к домашнему хозяйству, к роли самостоятельного фактора, оказывающего решающее влияние на всю структуру крестьянского хозяйства. Только этим путем можно, далее, ответить на коренной вопрос сел.-хоз. эволюции — о соотношении между ростом населения и благосостоянием. Только непрерывным наблюдением над доходом можно, наконец, проверить теорию нормального роста семьи и определить, когда и при каких условиях происходят семейные разделы и являются ли они нормальным явлением или признаком болезненного состояния хозяйственных единиц".

„Если приведенные соображения достаточно убеждают в необходимости непрерывных бюджетных наблюдений, то остается только решить вопрос об объеме этих наблюдений.

„Трудность составления монографических бюджетов и потребность в массовом материале заставляют подумать о сокращении программы собирания сведений.

„Однако для наблюдения эволюции дохода в крестьянском хозяйстве необходим регулярный учет следующих элементов:

1) Валовой сбор всех продуктов хозяйства по родам и видам их, при чем должен быть учтен в приходе и естественный прирост ценности имущества органического происхождения.

2) Денежные доходы хозяйства с разделением по источникам.

3) Хозяйственные расходы натурой по важнейшим статьям.

4) Денежные расходы на наличные и хозяйственные потребности.

5) Остатки от бюджетного года деньгами и натурой.

6) Учет рабочих сил: общего запаса и использованных.

„В общем сокращение может быть достигнуто только за счет кропотливого учета личного потребления. Однако и здесь войной и революцией внесены такие изменения в характере потребления, что необходимо массовое изучение для определения нового уровня потребностей. Самое большее, экономия могла бы быть достигнута на некотором сокращении объема регистрируемых явлений по прошествии двух-трех лет полного наблюдения и не менее удобном, но не менее полном учете статей расхода и прихода".

Несколько с иной точки зрения взглянула на задачи и направление бюджетных обследований крестьянского хозяйства образованная при Ц. С. У. особая бюджетная комиссия, от имени которой П. И. Поповым был представлен доклад съезду статистиков 1919 года.

Эта комиссия признала в условиях настоящего времени возможным ограничиться лишь единовременным обследованием сравнительно небольшого количества бюджетов—в среднем до 300 на губернию или 12.000 на всю Россию — и их разработкой по районам, находящимся в различных экономических, социальных и естественно-исторических условиях.

Задачей этого исследования она поставила не эволюцию категории дохода в крестьянском хозяйстве, а раскрытие взаимоотношений отдельных элементов хозяйства и природы организационного плана современных крестьянских хозяйств (курсив наш Е. В.).

172) В том числе картофеля.
173) „ „ „ льна.
174) „ „ „ конопли.
175) Число хозяйств с интенсивной культурой.
176) У них бахчей.
177) „ „ виноградников.
178) „ „ табачных плантаций.
179) „ „ хлопковых плантаций.
180) „ „ прочих интенсивных культур.
181) „ „ „ посевов.

Группы подлежащего.

1) Без посева.
2) С посевом до 1 дес.
3) „ „ от 1,1 дес. до 2
4) „ „ „ 2,1 „ „ 3
5) „ „ „ 3,1 „ „ 4
6) „ „ „ 4,1 „ „ 5
7) „ „ „ 5,1 „ „ 6
8) „ „ „ 6,1 „ „ 8
9) „ „ „ 8,1 „ „ 10
10) „ „ „ 10,1 „ „ 13
11) „ „ „ 13,1 „ „ 16
12) „ „ „ 16,1 „ „ 19
13) „ „ „ 19,1 „ „ 22
14) „ „ „ 22,1 „ „ 25
15) „ „ „ свыше 25 десятин.

По семье:

1) С 1 членом семьи.
2) „ 2 и 3 членами семьи.
3) „ 4 и 6 „ „
4) „ 7 и 10 „ „
5) „ 11 и более членами семьи.

Как мы говорили выше, обследование 1919 года сопровождалось обследованием ряда хозяйств бюджетного типа, а перепись 1920 года установлением и описанием „гнезд“ для динамического изучения крестьянского хозяйства. Обеим этим операциям предшествовала программная методологическая и организационная разработка вопросов, к которой мы теперь и возвратимся.

Необходимость тесной связи этих двух видов исследования крестьянского хозяйства с особой силой подчеркивает в своей статье „Одна из задач бюджетных исследований“, опубликованной в „Вестнике статистики“ № 4-7 за 1919 г., Л. Литошенко, говоря в заключительных своих словах к ней, что „для достижения намеченной цели — познания законов сельско-хозяйственного прогресса необходимо расширить проектируемые непрерывные наблюдения над элементами земледельческого хозяйства до масштаба довольно полных бюджетных исследований“, ибо:

„Если бюджетные исследования должны сделаться одним из важнейших ориентирующих средств экономической политики, то они должны быть поставлены достаточно широко, чтобы уловить тенденции развития дохода в каждом районе, имеющем самостоятельное экономическое значение.

„Масштаб гнездовых исследований, предложенных А. И. Хрящевой и опирающихся на произведенные работы по районированию России, представляется наиболее подходящим и для исследований бюджетного типа... К бюджетным исследованиям подходили до сих пор большей частью со стороны анализа личного потребления в крестьянском хозяйстве (в этом Л. Литошенко видит серьезный пробел всех прежних бюджетных исследований земского типа. Е. В.). При широком уровне личных потребностей деревенского населения и господстве обычая здесь легко было уловить искомые закономерности и на ограниченном числе наблюдений. Анализ производственной стороны бюджета (являющийся, по мнению Л. Лито-

110) У них рабочих волов.
111) С 4-мя головами рабочего скота.
112) У них рабочих волов.
113) С 5-ю и более гол. рабочего скота.
114) У них голов рабочего скота.
114-а) В том числе волов.
114-б) „ „ „ верблюдов.
115) Число хозяйств без коров.
116) „ „ с 1 коровой.
117) „ „ „ 2 коровами.
118) „ „ „ 3 „
119) „ „ „ 4 „
120) „ „ „ 5 и бол. коровами.
120-а) У них коров.
121) Число хозяйств с кроликами.
122) У них кроликов.
123) Число хозяйств с козами.
124) „ „ со свиньями.
125) „ „ с птицею.
126) У них всего птиц голов.
127) Число хозяйств с пчелами.
128) У них всех ульев.
129) Число хозяйств, имеющих какой-либо сельско-хозяйственный инвентарь, кроме портного.
130) Число хозяйств, имеющих усовершенствованный инвентарь.
131) „ „ „ плуги.
132) У них плугов.
133) Число хозяйств, имеющих сеялки.
134) У них сеялок.
135) Число хозяйств, имеющих косилки.
136) У них косилок.
137) Число хозяйств, имеющих жнейки.
138) У них жнеек.
139) Число хозяйств, имеющих молотилки.
140) У них молотилок.
141) Число хозяйств без пахотных орудий.
142) Посеяно десятин в поле: ржи.
143) „ „ „ „ пшеницы.
144) „ „ „ „ ячменя.
145) „ „ „ „ овса.
146) „ „ „ „ проса.
147) „ „ „ „ гречихи.
148) „ „ „ „ чечевицы.
149) „ „ „ „ гороха.
150) „ „ „ „ бобов и фасоли.
151) „ „ „ „ кукурузы.
152) „ „ „ „ полбы.
153) „ „ „ „ сахарной свеклы.
154) „ „ „ „ картофеля.
155) „ „ „ „ подсолнуха.
156) „ „ „ „ льна.
157) „ „ „ „ конопли.
158) „ „ „ „ кормовых трав однолетних.
159) „ „ „ „ „ „ многолетних.
160) „ „ „ „ прочих.
161) Итого десятин посева.
162) Десятин в поле: пара.
163) „ „ „ толоки.
164) „ „ „ залежи.
165) „ „ „ пустующей пашни.
166) Число хозяйств с недосевом.
167) Недосева в озимом.
168) „ в яровом.
169) Всего десятин пашни.
170) Число хозяйств, имеющих огородные посевы.
171) Всего десятин огородных посевов.

48) Число хозяйств, отпускающих рабочих в промышленность, транспорт и пр.
49) В них промышленников в промышленности, транспорте и пр.
50) „ „ прочих.
51) Число хозяйств, отпускающих служащих в советские и др. учреждения.
52) В них служащих в советских и других учреждениях.
53) „ „ прочих промышленников.
54) Число хозяйств с самостоятельными производителями (с ремесленниками и кустарями)
55) В них промышленников самостоятельных производителей.
56) „ „ прочих.
57) Число хозяйств—с торгово-промышленными заведениями без наемных рабочих.
58) „ заведений без наемных рабочих.
59) В них промышленников, занятых в своих заведениях.
60) „ „ прочих.
61) Число хозяйств с промышленными заведениями с наемными рабочими.
62) „ заведений с наемными рабочими.
63) В них промышленников занятых в своих заведениях.
64) „ „ прочих.
65) Число хозяйств, нанимающих сроковых рабочих для земледелия.
66) Ими нанято мужчин.
67) В том числе в рабочем возрасте.
68) Ими нанято женщин.
69) В том числе в рабочем возрасте.
70) Число хозяйств, нанимающих сроковых рабочих для промышл.
71) Ими нанято мужчин.
72) В том числе в рабочем возрасте.
73) Ими нанято женщин.
74) В том числе в рабочем возрасте.
75) Итого обоего пола в земледелии и промышленных заведениях.

Скотоводство:

76) Лошадей рабочих старше 4-х лет.
77) „ „ до 4-х лет.
78) „ от 1 г. до рабочего возраста.
79) „ жеребят до 1 года.
80) „ итого голов.

Крупный рогатый скот:

81) Волов рабочих.
82) „ третьяков.
83) Быков старше 2-х лет.
84) Коров.
85) Нетелей старше $1^1/_2$ лет.
86) Бычков от $1^1/_2$ до 2 лет.
87) Крупный рогатый скот: нетели и бычки от 1 до $1^1/_2$ лет.
88) Телят до 1 года.
89) Итого голов.
90) Овец: овцы, валухи и бараны взрослые.
91) Ягнята.
92) Итого голов.
93) Коз и козлов взрослых.
94) Козлят.
95) Итого голов.
96) Свиней: свиней и боровов старше 1 года.
97) Подсвинков от 4 мес. до 1 года.
98) Поросят до 4 мес.
99) Итого голов.
100) Верблюдов.
101) Ослов и мулов.
101-а) Итого голов.
102) Число хозяйств без всякого скота.
103) „ „ „ рабочего скота и коров.
104) „ „ „ „ скота.
105) „ „ с 1 головой рабочего скота.
106) У них волов (для тех губерний, где применяют волов (верблюдов) где не менее 10%)
107) С 2-мя головами рабочего скота.
108) У них рабочих волов.
109) С 3-мя головами рабочего скота.

Эти тезисы доклада А. П. Хрящевой были приняты Третьей всероссийской конференцией статистиков 1921 года и легли, как сказано выше, в основу „Программы экономической разработки материалов сел.-хоз. переписи 1920 года первой очереди (крестьянские хозяйства)".

Схема этой программы, опубликованной в № 39 „Бюллетеня Ц. С. У." по 20 января 1921 года, такова:

Программа экономической разработки материалов сельско-хозяйственной переписи 1920 г. 1 очереди (крестьянские хозяйства).

Сказуемое имеет следующие графы, заключающие все главнейшие характеристики групп и категорий.

1) Число всех наличных хозяйств.
2) Всего населения мужчин.

В том числе:

3) В возрасте до 12 лет.
4) От 13—17 лет.
5) „ 18—60 „
6) и свыше 60 лет.
7) Всего населения женщин.

В том числе:

8) В возрасте до 12 лет.
9) От 13—15 лет.
10) „ 16—55 „
11) свыше 55 лет.
12) Всего населения обоего пола.
13) В том числе неработоспособных в рабочем возрасте мужчин.
14) „ „ „ „ „ „ „ женщин.
15) Отсутствующих мужчин в армии.
16) „ „ по другим причинам.
17) „ женщин.
18) Число хозяйств без работников и работниц.
19) „ „ „ работников, но с работницами.
20) У них работниц.
21) Число хозяйств с 1 работником.
22) У них наличных работников.
23) „ „ работниц.
24) Число хозяйств с 2 работниками.
25) У них наличных работников.
26) „ „ работниц.
27) Число хозяйств с 3 и более работниками.
28) У них число наличных работников.
29) „ „ работниц.
30) Число хозяйств с грамотными.
31) „ грамотных мужчин.
32) „ „ женщин.
33) „ „ обоего пола.
34) „ хозяйств с промыслами.
35) „ промышленников мужчин.
36) В том числе в рабочем возрасте.
37) Из них отрывается от своего земледелия совсем.
38) Частью.
39) Число промышленников женщин.
40) „ „ обоего пола.
41) Из них отрывается от своего земледелия совсем.
42) Число промышленников, занятых в своем селении.
43) „ „ вне своего селения.
44) „ хозяйств, отпускающих наемных работников вообще.
45) „ „ „ сельско-хозяйственных рабочих.
46) В них промышленников сельско-хозяйственных рабочих.
47) „ „ „ прочих.

1920 года и 1917 года для сельск.-хоз. переписи 1920 года выбирались на особые карточки, по каждому населенному пункту следующие данные в итогах по селениям по переписи 1917 года, если данных переписи 1917 года нет — по переписи 1916 года: а) население — мужчин, женщин и обоего пола; б) скот — число лошадей старше 4-х лет и до 4-х лет; отдельно — число рабочих волов, коров, овец взрослых, свиней всех возрастов; в) общая площадь пашни, пара и посевов отдельно, и г) посева каждой культуры.

Параллельно с переписью 1920 года была осуществлена и закладка гнезд для динамического исследования, но об этом, как и о новых целях бюджетных исследований, мы скажем ниже.

На Всероссийской третьей конференции статистиков от 20 по 27 января 1921 года общая программа комбинационной разработки материалов переписи 1920 года, выработанная в виде инструкции губстатбюро, была несколько дифференцирована и из нее были выделены элементы, подлежащие разработке в первую очередь по группе „крестьянское хозяйство".

Согласно тезисам доклада А. И. Хрящевой, легшим в основу этой программы первой очереди, эта — „разработка хозяйств крестьянского типа в первую очередь диктуется необходимостью иметь ясное представление о социально-экономическом составе крестьянских хозяйств, в каковом составе, поскольку на этот вопрос бросает свет выборочная перепись 1919 года, произошли большие изменения. Между тем ни перепись 1916 года, ни перепись 1917 года не дали такого рода разработки во всероссийском масштабе и мы не имеем представления о характере экономических отношений деревни".

А. И. Хрящева делит „объекты разработки" — по условиям среды и условиям внешним—на два типа расселений, обусловливающих характер организации самого хозяйства, — на тип изолированного земледельческого хозяйства и на тип хозяйства, живущего в селении, а по характеру организации самого хозяйства на две категории—с наемными рабочими и без наемных рабочих. Кроме того группу хозяйств, живущих в селении, приходится делить еще по признаку промысловости, „так как промысловость делает отличие в характере хозяйства этого типа и во взаимоотношении его элементов", на две подгруппы—с промыслами и без промыслов и, наконец, в пределах каждого из намеченных типов крестьянского хозяйства производится группировка по размеру посева и по размеру семьи, каковые признаки составляют „подлежащие" группировочных таблиц, — „для определения характера экономических типов хозяйств в сочетании с теми 181 признаками, которые содержатся в „сказуемом" таблиц.

Кроме того, в тех губерниях — „где в силу местных условий губстатбюро найдет необходимым получить отдельные групповые итоги для различных категорий населения, резко отличающегося по своим юридически-историческим или бытовым условиям (например, в Сибири—старожилы и новоселы), доклад предвидит возможность допускать и такую группировку, но только при одном условии: „в каждом отдельном случае по соглашению с Ц.С.У. и при непременном условии, чтобы эти частично групповые итоги были сведены в общие без различия категорий населения группы и чтобы эти новые итоги не нарушали установленные Ц. С. У. сроки разработки материалов".

Группировку хозяйств доклад предвидит „по крупным районам или целым губерниям для общинников, а для изолированных хозяйств по губерниям, при чем число хозяйств подсчитывается по всем комбинациям по уездам сплошь, а характеристики — только по районам. Что касается объема разработки и способа отбора общинных хозяйств, то доклад предлагает изолированные хозяйства разрабатывать все сплошь, а общинные в размере 25%, при механическом отборе их не по дворам, а по трем типам селений — крупных, средних и мелких в общем в 25% хозяйств с каждой волости.

Указатель литературы, послужившей материалом к настоящему труду.

Анциферов А. Н. — „Сельско-хозяйственная статистика и сельско-хозяйственные переписи", статья в сборнике: „Харьковские курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельско-хоз. и городской переписи 1917 г." Харьков, 1917 г.

— „Курс статистики". Полтава, 1919 г.

Аэробоэ. — „Основы сельско-хозяйственной экономии", русский перевод под редакцией и с предисловием Б. Д. Бруцкуса, 1908 г.

Бажаев В. Г. — „Краткий конспект курса сельско-хозяйственной статистики". Киев, 1914 г.

— „О статистическом изучении систем земледелия". Доклад статистической подкомиссии XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Протоколы.

— „К вопросу о хозяйственных районах". Киев, 1915 г.

Баскин Г. И.—„Подворная перепись крестьянского хозяйства Сам. губ." Вып. I-ый—„Ставропольский уезд." Предисловие. Самара, 1914 г.

— „Метод вторичной количественной группировки в приложении к разработке материалов Всероссийск. с.-х. переписи".—„Статистический Вестник", Изд. О-ва имени А. И. Чупрова. Москва, кн. 1—2 за 1916—1917 г.г.

— „Критическая оценка материалов Всероссийск. с.-х. переписи и система ее разработки". Самара, 1916 г.

— „Основные вопросы статистической методологии в земельной оценке".—„Статистический Вестник", кн. 1—2 за 1914—1915 г.г.

— „Метод определения потребительно-трудовых норм". Самара, 1917 г.

— „Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования". Самара, 1917 г.

— „Районирование территории, как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства". „Вестник Самарского Губстатбюро, кн. 1-ая за Ноябрь—Декабрь 1920 г. Самара, 1921 г.

Бруцкус Б. Д.—„К критике учений о системах хозяйства". Спб. 1909 г.

— „Предварительные соображения к вопросу о сельск.-хоз. характеристике почвенных районов России" (рукопись в частях, нашедших себе место в труде Б. Н. Книповича — „Методология районирования", М., 1621 г.).

Брук Б. Л.—„Производственные районы Воронежской губ." Воронеж, 1921 г.

Веленцкий С.—„Земская статистика", два тома. Спб., 1898 г.

Винер В. В.—„Проект организации порайонного изучения сельск.-хозяйства". Спб., 1908 г.

Виноградова М. М. — „Потребление водки в России и урожай 1916 г." Спб., 1916 г. Предисловие А. А. Чупрова.

Вихляев П. А. — „Очерки русской с.-х. действительности". Введение, М., 1901 г.

— „Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства". Статья в вып. 2-ом журнала. — „Травосеянье и скотоводство". М., 1913 г.

Воблый К. Г.—„Статистика". Пособие к лекциям. 3-е изд. Киев, 1912 г.

Громан В. Г.—„К вопросу о приемах изучения эволюции крестьянского хозяйства". Доклад статистической подсекции XI съезда русск. естествоисп. и врачей. Спб., 1902 г.

Дояренко А. Г. — „Сельско-хоз. области с расположением опытных учреждений по материалам всероссийских и областных совещаний 1919 г." М., 1920 г.

Наблуков Н. А. — „Статистика". — Москва, 1918 г. Изд. 4-ое.

— „Пособие к ознакомлению с условиями и приемами собирания и разработки сведений при земско-статистических исследованиях". М., 1910 г.

— „Об условиях развития крестьянского хозяйства в России". М. 1899 г.

Кауфман А. А. — „Теория и методы статистики". 3-е изд. Спб., 1916 г.

— „Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства". вып. I-й. М., 1917 г.

— „Земская статистика и статистическая, методология". Статья в журнале—„Русск. Мысль" за март мес. 1910 г.

— „К вопросу о районировании дробного масштаба — хозяйственные районы Петроградской губ." Спб., 1918 г.

— „Корреляционные формулы, как орудие статистического анализа". „Статистический Вестник", кн. 3 за 1914—1915 г.г. Москва.

— „Несколько замечаний к вопросу о пределах выборочного метода".—„Статистический Вестник", кн. 3—4 за 1915 — 1916 г г, Москва.

— „Еще к вопросу о значении корреляционных формул, как орудия статистического анализа." — „Статистический Вестник" кн. 3—4 за 1915—1916 г.г.

Книпович Б. Н. — „Методология районирования". М., вып. I-й 1921 г.

Кон С. С. „К вопросу о применении выборочного метода при разработке селск.-хоз. переписей". Спб., 1917 г.

— „К вопросу о районировании России в связи с разработкой данных Всерос. сельск.-хоз. переписей".—„Известия Особого Продовольст. Совещания" № I, за 1917 г.

Коротков И. П.—„Опыт разделения Харьковской губ. на с.-х. районы". Харьков, 1919 г.

Косинский В. А.—„К аграрному вопросу". Одесса, 1906 г.

Кущенко Г. А.—„К динамике крестьянского хозяйства". „Статист. Вестник", кн I-я за 1915—1916 г.г.

Леонтович А. В.—„Несколько слов в защиту теории корреляции". „Статист. Вестник", кн. 4-я за 1914—1915 г.г.

Литошенко Л. — „Одна из задач бюджетных исследований". „Вестник Статистики", кн. 4—7 за 1919 г.

Макаров Н. П.—„Нормы расширения крестьянского землепользования; материалы по вопросам земельной реформы". Труды Отдела сел.-хоз. экономии и статистики Спб., 1917 г.

— „Крестьянское хозяйство и его эволюция" М., 1920 г.

Мерхелев Д.—„К вопросу о группировке хозяйств при исследовании колонизуемых районов". „Вестник Статистики", кн. 9—12 за 1920 г.

Мухин А. П.—„Земская статистика и поземельный кадастр". „Статистич. Вестник", кн. 3-я за 1914—1915 г.г.

Никитин Н. Н.—„Разделение Московской губ. на сел.-хоз. районы", вып. I-й. М., 1921 г

Обер-Таллер М. О.—„Счетоводство для мелких (крестьянских) хозяйств". Харьков, 1914 г.

Обухов В. М. — „К вопросу об определении ожидаемого урожая". „Вестник Статистики", кн. 1—4 за 1921 г.

Огановский Н. П.—„Закономерность аграрной эволюции", три тома. М. 1908, 1911 и 1614 г.г.

Орженцкий Р. М.—„Учебник математической статистики". *)

— „Сводные признаки". *)

— „К вопросу о корреляции". „Статистический Вестник", кн. 1 — 2 за 1916 — 1917 г.г.

Пешехонов А. В.—„Статистическое описание Калужской губ.", том I-й. Калуга, 1898 г.

Пирсон К.—„Грамматика науки". Изд. „Шиповник". Спб., 1914 г.

Подтягин М. Е.—„Методологические вопросы при изучении зависимости явлений". „Статистический Вестник", кн. 3 — 4 за 1915—1916 г.г.

— „О приемах изучения зависимости явлений". „Статистический Вестник", кн. 2-я за 1915—1916 г.г.

Рокопович С. Н.—„Об основаниях выбора признаков при построении комбинационных таблиц". „Статистический Вестник" кн. 1—2 за 1914—1915 г.г.

Риккерт Г. — „Границы естественно-научного образования понятий". Спб., 1914 г.

Рклицкий В. М.—Предисловие к „3-й подворной хозяйственной переписи Полтавской губ. 1910 г." изд. Полт. губ. Земства.

— „Посевная площадь по данным подворных переписей и в действительности". „Статистический Вестник", кн. I-я за 1616 — 1917 г.г.

Рихтер Д. И. — „Опыт разделения России на хозяйственные районы". Спб., 1898 г.

Русов А. А.—„Оценочная статистика", вып. I-й. „Известий Киевского Коммерч. Института" за 1909 г.

Рыбников А. А.—„Крестьянское промышленное льноводство". Москва, 1915 г.

Сабанеев И. А.—„О коэффицентах корреляции". „Статистический Вестник" кн. I-я за 1915—1916 г.г.

Спринов М. А. — „Очерки по аграрной статистике", вып. I-й. Спб., 1914 г.

Скворцов А. И. — „Хозяйственные районы Европ. России". Спб., 1914 г.

Слуцкий Е. Е. — „Теория корреляции и элементы учения о природе распределения. Киев, 1912 г.

— „Статистика и математика". „Статистический Вестник". кн. 3—4 за 1915—1916 г.г.

Фортунатов А. Ф. — „К вопросу о сел.-хоз. районах России". Труды Вольноэкономического Общества, № 5 за 1896 г.

— „Сельско-хозяйственная статистика России". Спб., 1893 г.

— „Несколько страниц из экономии и статистики сельского-хозяйства", выпуск I-й. Москва, 1918 г.

Ходский А. В. — „Очерки теории и техники статистики". Спб., 1907 г.

Хрящева А. И.—„Влияние разделов и других процессов на экономический тип хозяйства". См. „Материалы по оценке земель Тульской губ.", текстовая часть. Изд. Тульск. Земства под заглавием: „Крестьянское хозяйство по переписям 1899 — 1911 г.г." Тула, 1916 г.

— „Экономическая эволюция типов крестьянского хозяйства". Там же.

— „Опыт исследования взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства Новосельского уезда, Тульской губ." Тула, 1914 г.

— „Несколько слов о динамике крестьянского хозяйства". „Статистический Вестник", кн. 2-я за 1915—1916 г.г.

*) К сожалению, не имея этих книг под руками, автору не удалось ко дню выхода из печати этой книги установить их библиографический паспорт. Обе книги изданы в Ярославле в 1908—1914 г.г.

Г. В.

— „К вопросу о приемах исследования динамики крестьянского хозяйства". „Статистический Вестник", кн. 4-я за 1914—1915 г.г.

Чаянов А. В.—„Очерки по теории трудового хозяйства". Москва, 1912 г.
— „Опыт разработки 101 бюджета крестьянских хозяйств Старобельского уезда, Харьковской губ." Москва, 1915 г.
— „Методы разработки бюджетных данных". „Статистический Вестник", кн. 1 — 2 за 1914—1915 г.г.
Челинцев А. М. — „Районы Европ. России по типам организации хозяйства".
— „Очерки по сел.-хоз. экономии". „Журнал сельского хозяйства и лесоводства", кн. 10 за 1910 г.
— „Участковая агрономия и счетоводный анализ крестьянского хозяйства". 1914 г.
— „Состояние и развитие русского сельского-хозяйства". Харьков, 1918 г.
— „Счетоводный анализ крестьянск. хозяйства". Москва, 1910 г.
— „Всероссийская перепись сел.-хоз. 1916 г." Статья в сборнике „Курсы по подготовке инструкторов Всероссийской сельско-хозяйственной переписи 1916 г." Харьков, 1916 г.
— „Теоретические основания организации крестьянского хозяйства". Харьков, 1919 г.
— „Основные вопросы экономии и организации крестьянского сельского хозяйства". Харьков, 1920 г.
Черевании Н. — „Эволюция русского земледелия по данным об урожаях". „Вестник Статистики", кн. 8—12 за 1919 г.
Четвериков Н. С. — „О выборочном исследовании". „Вестник Статистики", кн. 8 12 за 1919 г.
Черненков Н. Н.—„К характеристике крестьянского хозяйства", вып. I-й, 2-е издание. Москва, 1917 г.
Чупров А. А. — „Очерки по теории статистики". Спб., 2-е изд. 1910 г.
— „Закон больших чисел современной науки". „Статистический Вестник", книга 1 — 2 за 1914—1915 г.г.

Шмидт О. Э.—„Особенности приемов Нижегородских земельно-оценочных работ". „Статистический Вестник", книга 1 — 2 за 1916—1917 г.г.

Щербина Ф. А. — „Крестьянские бюджеты". Воронеж, 1900 г.

Ястремский Е. С. — „О корреляции сводных признаков". „Вестник Статистики" кн. 2—3 за 1919 г.
— „Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 19 годах". „Вестник Статистики", кн. 9—12 за 1920 г.
„Труды" статистических подсекций на Всероссийских съездах русских естествоиспытателей и врачей.
Протоколы Всероссийских статистических съездов 1916, 1917 и 1918 г г.
Протоколы и отчеты Всероссийских статистических конференций, включая IV конференцию 1922 года.
Бюллетени центрального статистического управления за 1919, 1920 и 1921 г.г.
Протоколы первого всеукраинского статистического съезда 1917 года (рукопись).

Именной указатель.

Авилов Б. В. — 116.
Анненков Н. Ф. — 36 и 37.
Антипович М. С. — 44.
Анучин Д. Н. — 51.
Анциферов А. П. — 17, 61 и 79.

Бажаев В. Г. — 31, 33 и 43.
Баскин Г. И. — 32, 53, 54, 65, 93, 104, 124 и 125.
Бенеисон М. Е. — 93.
Benini — 84.
Блеклов С. М. — 46.
Bowley — 84.
Борткевич В. И. — 19.
Брудкус В. Д. — 43, 48 и 52.

Введенский Е. К. — 93 и 112.
Вернер А. — 6 и 42.
Верхнопятерницкий — 93.
Виноградова М. М. — 65.
Вихляев П. А. — 38, 43, 46, 112, 135 и 139.
Воблый, К. Г. — 8, 61 и 87.
Волков А. М. — 8.
Воробьев К. Я. — 45, 93 и 110.
Вундт — 18.
Hocher — 63.

Герри-Фортунатов — 15.
Громан В. Г. — 32, 68, 71, 72, 88, 89, 135 и 139.
Гурьев А. А. — 68, 70, 71 и 72.

Добровольский Е. П. — 93.
Докучаев, проф. — 23 и 53.
Доиренко А. Г. — 53.

Жилкин С. С. — 8, 93.
Журавский Д. П. — 53.

Заволожский В. Я. — 33.

Каблуков Н. А. — 6, 14, 16, 39, 45, 65, 66 75, 76 и 139.
Каманов П. Н. — 53.
Кауфман А. А. — 14, 26, 60, 61, 64, 65, 67 68, 70, 71, 72, 73, 93, 98, 112, 135, 136 138 и 139.
Квитко О. А. — 116.
Кисляков Н. М. — 112.
Кнэр А. — 68, 70, 71, 72.
Книпович В. Н. — 8, 54, 55.
Коротков И. П. — 52.
Коспнский В. А. — 14, 19, 27 и 43.
Костров Н. П. — 43 и 51.
Кочнева З. П. — 116.
Кузнецов В. К. — 38.
Кулябко-Корецкий И. В. — 53.
Кущенко Г. А. — 46.

Левассер — 84.
Лексис В. — 14.
Леоптович А. В. — 18, 61, 64 и 83.
Лосицкий А. Е. — 93, 135 и 139.
Лотошенко 134.
Лубны-Герцик. П. И. — 116.

Макаров Н. Н.—32, 42, 43, 50, 52, 53 и 54.
Marsch — 84.
Майер Г. — 14, 35, 83.
Мерииг — 18.
Мещеряков В. Н. — 8.
Михайловский В. Б.—121, 122, 123, 134 и 139

Обер-Таллер М. О. — 43.
Обухов В. М. — 116 и 122.
Огановский Н. П. — 30, 40 и 41.
Осадчев Т. — 51.
Осипов — 135.
Орженцкий Р. М. — 22, 61, 64, 65, 83 и 85.

Пашковский Е. В. — 93, 110, 111, 112 и 116.
Первушин С. А. — 42.
Пешехонов А. В. — 31, 43, 51, 68, 70 и 71.
Печсев И. В. — 71.
Пирсон К. — 16.
Подтягин М. Е. — 61, 64, 65, 79, 83 и 85.
Покровский В. П. — 51.
Попов П. И. — 8, 93, 108, 111, 116, 126, 128, 134 и 139.
Постников В. — 51.
Принцев Я. М. — 112.
Прокопович С. Н. — 43, 44, 65, 79, 82 и 83.
Птуха М. В. — 8.

Рихтер Д. И. — 54.
Романов Н. Н. — 34.
Руднев В. К. — 36.
Румянцев П. П. — 46.
Русов А. А. — 36 и 65.
Рыбников К. П. — 42.
Рыбников А. А. — 50.

Семенов П. Н. — 38, 41 и 51.
Середа С. П. — 8.
Скворцов А. И. — 54.
Сибирцев И. М. — 23, 53.
Сиринов М. А. — 12, 13, 17 и 18.
Слуцкий Е. Е. — 8, 14, 60, 61, 79 и 83.
Спенсер — 18.

Тенфилов — 53.
Трахтенберг И. М. — 8.
Турчанинов Н. И. — 8.

Ферворн М. — 16.
Фортунатов А. Ф. — 5, 13, 17, 18, 39, 53, 54, и 61.
Фортунатов Гарри — 15.
Фролов В. И. — 93.

Харизоменов С. А. — 42.
Ходецкий А. В. — 14, 15 и 61.
Хрящева А. И. — 8, 46, 93, 104, 105, 116 128, 129, 135, 137, 138 и 139.

Чалпов А. В. — 39, 42, 43, 50 и 51.
Челинцев А. Н. — 43, 49, 50, 52, 54 и 93.
Червинский П. — 34, 35, 67, 75 и 82.
Черненков Н. Н. — 8, 30, 31, 37, 42, 46 и 93
Четвериков Н. С. — 79, 121, 122.
Чупров А. А. — 12, 14, 18, 60 и 61.
Чупров А. И. — 35, 39, 44, 61, 63, 65, 68, 69 70, 71, 72, 79, 83 и 87.

Шкубер — 93.
Шликевич А. П. — 38, 41 и 82.

Щербина Ф. А. — 32, 42, 45 и 51.

Янсон Ю., проф. — 34 и 61.
Яснопольский Л. Н. — 8 и 45.
Ярошевич А. Н. — 42.
Ястремский Е. — 119, 120, 121 и 122.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр

Предисловие 5

ЧАСТЬ I-ая: Теория и практика аграрно-экономической статистики.

Глава I-ая. „Задачи и значение агр.-экон. статистики, как науки, в связи с вопросом о научном признании статистики вообще“ 11
Глава II-ая. „Объект статистического изучения в агр.-эконом. статистике и его признаки“. 20
Глава III-ья. „Мелкое или трудовое сельское предприятие-хозяйство, как объект специального изучения в агр.-экон. статистике“ 29
Глава IV-ая. „Организационно-производственное направление в агр.-экон. статистике русских земств, его связь с бюджетными исследованиями и проблема сел.-хоз. районирования России“ 47

ЧАСТЬ II-ая: Методология и техника аграрно-экономической статистики.

Глава V-ая. „Предварительные замечания по общей теории статистического метода и его значения в агр.-экон. статистике“ 59
Глава VI-ая. „Массовое наблюдение, его формы, приемы и принципы в практике агр.-экон. статистики б. земств и их текущей сел.-хоз. статистики“ . . . . 6(
Глава VII-ая. „Счетная, табличная и графическая обработка материалов первичного наблюдения в агр.-экон. статистике б. земств и в работах русской научно-статистической мысли“ 78
Глава VIII-ая. „Всероссийские сельско-хоз. переписи 1916—1917 гг. в их историческом и методологическом освещении и последние съезды земской статистики“. . 8(

ЧАСТЬ III-ья: Аграрно-экономическая статистика России времен революционного перелома 1917—1921 г.г.

Глава IX-ая. „Новые условия в деятельности агр.-экон. статистики России после октябрьского переворота“ 10
Глава X-ая. „Текущая сел.-хоз. статистика и статистика урожаев в годы революционного перелома“. 10
Глава XI-ая. „Новое в методике основных единовременных исследований и в разработке их материалов, а также в изучении бюджетов и динамики сельского хозяйства России“ 12
Заключение. 14
Библиографический указатель 14
Указатель имен 15